

Учредитель:

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Пермский государственный университет»

Серия «Философия. Психология. Социология» издается философско-социологическим факультетом Пермского государственного университета с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований. Приоритетным правом на публикацию пользуются статьи молодых ученых.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles. The papers of young scientists use the priority right to the publication.

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций
(ПИ № ФС77-39902 от 19 мая 2010 г.)

Территория распространения —
Российская Федерация

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ**

Главный редактор

А.Ю. Внутских, профессор, докт. филос. наук

Заместитель главного редактора

А.Ю. Бергфельд, канд. психол. наук

Редакционный совет:

В.Н. Железняк (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *В.В. Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *М.И. Ненашев* (профессор, докт. филос. наук, Киров), *В.В. Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *С.В. Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Санкт-Петербург), *А.В. Перцев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Д.И. Широканов* (профессор, докт. филос. наук, акад. Национальной академии наук Беларуси Минск), *В.Д. Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *А.Г. Исмаилова* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *В.А. Кольцова* (профессор, докт. психол. наук, Москва), *Е.В. Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Н.А. Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *И.А. Мироненко* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Л.А. Мосунова* (профессор, докт. психол. наук, Киров), *А.О. Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Е.Е. Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Тула), *А.Г. Антипов* (профессор, докт. социол. наук, Пермь), *В.Б. Житенев* (докт. филос. наук, профессор, Екатеринбург), *Е.А. Когай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Г.И. Осадчая* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *В.Г. Попов* (профессор, докт. социол. наук, Екатеринбург), *Т.Н. Юдина* (профессор, докт. социол. наук, Москва)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Тел. +7 (342) 2396-617, +7 (342) 2396-834

E-mail: abergfeld@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://www.psu.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

XXI век и проблема научности философии <i>В.В. Орлов</i>	4	The XXI century and scientific character problem in philosophy <i>V.V. Orlov</i>
Развитие идей субъективного идеализма в XX-XXI вв. <i>Н.И. Береснева, В.Д. Береснев</i>	14	Development of ideas of subjective idealism at XX-XXI cc. <i>N.I. Beresneva, V.D. Beresnev</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Научные и обыденные представления о сознании и бессознательном <i>Е.В. Левченко, А.Г. Продовикова</i>	19	Comparison of scientific and students' representations of consciousness <i>E.V. Levchenko, A.G. Prodovikova</i>
Эмоциональный опыт как теоретический конструкт <i>А.Ю. Бергфельд</i>	38	Emotional experience as theoretical construct <i>A.U. Bergfeld</i>
Восприятие психических явлений как психологическая проблема <i>А.Е. Деменева</i>	47	Perception of mental phenomena as a psychological problem <i>A.E. Demeneva</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Современное российское общество и его социальная структура <i>А.Г. Антипов</i>	56	Modern Russian society and its social structure <i>A.G. Antipov</i>
Противоречия в обеспечении доступа населения к информационным ресурсам социальной сферы <i>С.Е. Гасумова</i>	67	The maintenance of access to information resources of social sphere <i>S. Gasumova</i>
Развод — оборотная сторона брака <i>Л.А. Хачатрян</i>	79	Divorce — the reverse side of marriage <i>L.A. Hachatryan</i>
Социальные факторы риска здоровью: теоретико-методологические проблемы анализа <i>А.О. Барг, Н.А. Несебря</i>	98	Social determinants of health: theoretical and methodological problems of analysis <i>O.A. Barg, N.A. Nesevrya</i>
Социально-экономические последствия алкоголизма и наркомании в Пермском крае <i>Н.А. Несебря, Д.А. Кирьянов</i>	108	Social and economic consequences of the alcoholism and drug addiction in the Perm region <i>N.A. Nesevrya, D.A. Kiryanov</i>

Степень и характер представленности методологической проблематики в учебной социологической литературе <i>И.А. Сыкалов</i>	115	A type and degree of representation of methodological problematic in sociological educational literature <i>I.A. Sykalov</i>
Частно-государственное партнерство в области общественного транспорта г. Перми: проблемы взаимодействия сторон <i>К.А. Петухов</i>	122	Public-private partnership in public transport. Perm experience <i>K.A. Petoukhov</i>
Детерминанты социального протеста рабочих <i>И.А. Германов</i>	137	The determinants of worker's social protest <i>I.A. Germanov</i>
Международный опыт реализации совместных проектов бизнеса, власти, общественных организаций <i>Е.Б. Плотникова, И.А. Германов</i>	145	International experience of intersectoral partnership <i>E. Plotnikova, I. Germanov</i>
Причины недооценки социокультурного фактора в России в условиях кризиса <i>А.Г. Антипов, К.А. Антипов</i>	153	The reasons of understimation of socio-cultural factor in Russia in conditions of crisis <i>A.G. Antipov, K.A. Antipiev</i>
Факторы, способствующие заключению глобальных рамочных соглашений в сфере трудовых отношений (кейс стади российской и немецкой компаний) <i>Е.В. Плотникова</i>	160	The factors favourable to negotiation of the global framework agreements (comparative case study of Russian and German companies) <i>E. Plotnikova</i>
Работодатели в социальном партнерстве регионального уровня (на примере Пермского края) <i>Е.Ю. Подоляк</i>	169	Employers In social partnership of region level (based on an example of Perm region) <i>E. Podolyak</i>
Характеристика протестной активности работников промышленных предприятий Пермского края <i>Е.Б. Плотникова</i>	176	The characteristic of industrial workers' protest activity in Perm region <i>E. Plotnikova</i>

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1

XXI ВЕК И ПРОБЛЕМА НАУЧНОСТИ ФИЛОСОФИИ***В.В. Орлов***

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: vvorlov@psu.ru

Научность является важнейшим критерием знания, включая философию. Под влиянием упрощенно понятого принципа плюрализма в отечественной философии последних десятилетий критерий научности фактически исчезает. Философия становится научной с появлением диалектического материализма, который выступает как система, открытая всем действительно научным достижениям философии прошлого и современности.

Ключевые слова: философия, научность, материализм, идеализм, неклассическая философия, творческий потенциал, постиндустриальное общество, Россия.

Научная философия — объективный и диалектический взгляд на мир и самого человека — составляет в современную эпоху подлинный фундамент интеллектуального потенциала общества и, следовательно, менталитета общества, страны, ее государственной, экономической, духовной независимости, достоинства и процветания.

Отход от объективного взгляда на мир и самого человека, его сущность и перспективы существования, погружение в фантастический иллюзорный мир грезящего идеализма, религии, мистики, суеверий, возможный и допустимый для некоторых индивидов и социальных групп, оборачивается реальной угрозой потери обществом ориентировки в бесконечно многообразном мире, угрозой интеллектуального

регресса и деградации, утраты национального достоинства и независимости.

В свое время гениальный Гегель сетовал на то, что немецкий народ не имеет более своей собственной философии, поскольку старая уже изжила себя, а новую еще только предстоит создать. В наше время глубочайшего кризиса мировой цивилизации, надвигающейся в 20-30-е гг. наступившего XXI в. экологической катастрофы проблема подлинно реалистического интеллекта, его философской основы становится для человечества ключевой, поскольку угроза гибели человечества в обозримом будущем требует выработки той единственной формы реалистического интеллекта, которая способна найти новый способ человеческого существования, выхода из кризиса человеческой цивили-

зации и предотвращения экологической катастрофы.

Особое значение проблема национального менталитета, интеллектуального потенциала страны, его философских основ имеет для России — страны с разрушенной национальной экономикой, ослабленным государством и подорванным интеллектуальным потенциалом — в результате бездарных («безмозглых» — по определению А. Солженицина) реформ. Разрушительные реформы в России сопровождаются настоящим наступлением различного рода псевдонаучных, иррациональных, мистических взглядов. На это справедливо указал Президиум Российской академии наук в специальном обращении. «В отечественных государственных и частных СМИ не прекращается шабаш колдунов, магов, прорицателей и пророков. Псевдонаука стремится проникнуть во все слои общества, все его институты, включая Российскую академию наук. Эти иррациональные и в основе своей аморальные тенденции, бесспорно, представляют собой серьезную угрозу для нормального духовного развития нации» [1. С.16].

Научность в философии — ключевая проблема современной российской и мировой философии. XIX-XX вв. — время перехода к высшей ступени капиталистического развития ведущих стран мира, первых социалистических революций и начальных форм социализма, тотальной подготовки завершения «предыстории человечества», перехода к ее действительной истории, когда эксплуатация человека человеком перестает быть способом существования и развития человеческой цивилизации, каким он был большую часть человеческой истории. Крупнейшим шагом такого движения к подлинной истории была Великая Октябрьская социалистическая революция, которая привела к

появлению СССР — второй мировой сверхдержавы, возникновению социализма в ряде других стран мира, в особенности в современном полуторамиллиардном народном Китае. Поражение социализма в первой социалистической стране было обусловлено бездарностью его последнего руководства, не сумевшего предложить обществу новую, современную модель социализма, реализовать курс глубоких реформ социализма, а также деятельностью «пятой колонны», стремившейся к захвату общенародной, коллективной и в значительной мере личной собственности граждан (обесценение вкладов в Сбербанке), всемерно поддержанной мировым капитализмом, затратившим на подрыв социализма сотни миллиардов долларов.

Бездарные реформы в России, получившие резко отрицательную оценку не только отечественных марксистов, но и крупнейших экономистов мира (Дж. Гэлбрейт, М. Фридмен, В. Леонтьев, М. Кастельс и др.), вызвали столь же разрушительные процессы в общественной науке, включая философию. Как показали два первых российских философских конгресса (1997, 1999), российская философия в своем марксистском периоде развития накопила весьма высокую философскую культуру, которая заметно разрушается в годы реформ под давлением бездарной критики социализма и марксизма, под влиянием социально-психологического псевдореформаторского климата в обществе.

Механическое заимствование взамен творческого и критического освоения давно теоретически выдохшихся феноменологических концепций, простое ученическое переложение взглядов Канта, Гуссерля, Ясперса, Хайдегера, философов-неопозитивистов, постмодерна стало характерным для некоторой части отечест-

венных философов. В марксистской философии давно установлено, что различные философские системы прошлого и настоящего содержат большие или меньшие рациональные зерна, т.е. *элементы научности*. Марксизм — наиболее объективная в этом отношении из когда-либо существовавших философских систем, не имеет себе равных по части конструктивного, позитивного отношения к иным философским учениям прошлого и настоящего. Классическим выражением этого отношения служит оценка философии Гегеля и Фейербаха. Для подлинного, а не «заученного» псевдомарксизма, характерного для известной части российских философов, творчески конструктивным является и отношение к современным конкурентам марксизма в западной философии — неопозитивизму, экзистенциализму, неотоцизму, постмодерну. Однако в известной части современной российской философии мы имеем дело с прямолинейным, нередко просто наивным заимствованием, обычно сопровождающимся столь же примитивной критикой диалектического и исторического материализма.

Конструктивное отношение к иным философским системам — следствие научно характера концепции диалектического и исторического материализма, способной к развитию и расширению в соответствии со своим основным духом, а не путем пересмотра самой сущности концепции. Это обусловлено предельной научной широтой и универсальностью философской концепции диалектического и исторического материализма. Оценивая советский диалектический материализм, известный американский философ профессор Массачусетского технологического института Л. Грэхэм писал: «Современный диалектический материализм является впечатляющим интеллектуальным достижением. Улучшение ранних положе-

ний Энгельса, Плеханова и Ленина и развитие их в систематическую интерпретацию природы представляет собой наиболее оригинальное интеллектуальное творение советского марксизма. ...По универсальности и степени разработанности диалектико-материалистическое объяснение природы не имеет равных среди современных систем мысли. В самом деле, необходимо было бы вернуться на несколько веков назад, к аристотелевской схеме природного порядка или к картезианской механической философии, для того чтобы найти такую систему, основанную на самой природе, которая могла бы соперничать с диалектическим материализмом по степени развития или целостности строения» [2. С.415].

Грэхэм замечательно точно подметил универсальность диалектико-материалистической концепции, не имеющую аналогов среди современных систем философской мысли. Своеобразный «комплекс неполноценности», распространившийся среди части отечественных философов и упорно навязываемый определенными «реформаторскими» кругами нельзя объяснить ничем, кроме явной некомпетентности «комплексующих» философов. К сожалению, этот комплекс настойчиво воспитывается у части начинающих философов, о чем, в частности, свидетельствуют многие материалы, поступающие на ежегодно проводимые на базе кафедры философии Пермского государственного университета международные и общероссийские теоретические конференции. Материалы этих конференций публикуются в издаваемых кафедрой сборниках под общим названием «Новые идеи в философии» (18 выпусков с 1992 г.). Анализ многих из этих материалов показывает, что теоретической и методологической основой такого рода исследований выступает комплекс отступлений от требований на-

учности вообще, философии в особенности. Как правило, в них заимствуются фрагменты давно пройденных концепций, обладающие определенным рациональным смыслом, определенным правдоподобием (например, элементы трактовки «жизненного мира» у Гуссерля), но при этом полностью игнорируется общая философская концепция (например, субъективно-идеалистическая у Гуссерля), из которой произвольно заимствован фрагмент, в силу чего фрагмент вводится в неизвестную систему координат, а исходная основная концепция системы выдается за истинную. В определенных случаях происходит фактическое бессознательное включение заимствованного фрагмента в систему стихийно-материалистического, реалистического подхода.

Плюрализм и проблема научности

Разрушение научной философии, научного философского интеллекта в России происходит с помощью весьма пошло трактуемого плюрализма. Плюрализм мнений, т.е. *гипотез*, является неременным и весьма важным элементом научного мышления, научного интеллекта, духовной культуры общества вообще. Однако в распространенном его примитивном понимании он фактически внедрен в сферу *истины*, в которой он уравнивает научные и ненаучные (религиозные, мистические, просто абсурдные), великие и ничтожные воззрения, марксизм и бред «тайной доктрины», дарвинизм и древнюю библейскую легенду о сотворении человека из праха земного. Пошло понятый принцип плюрализма на самом деле наполнен легко расшифровываемым идеологическим содержанием, которое не требует специального разъяснения.

История философии и проблема научности

Примитивный плюрализм породил в известной части российской философской литературы, включая учебную, столь же упрощенную концепцию истории философии, которая превратилась в перечень более или менее «равноправных» философских систем, оценка которых определяется личными предпочтениями. В противоположность столь упрощенному подходу просто блестяще выглядит Гегелева концепция историко-философского процесса как движения к научной философии, к истине, в котором ни одна система не является только ложной и полностью устаревшей, а выражает собой частицу истины. Конечно, мы хорошо понимаем ограниченность позиций Гегеля, для которого его философия выступает концом и абсолютной истиной философии. Однако Гегелева концепция истории философии содержит великую мысль о закономерном движении философии к научной философии, исключаящую поверхностно понятый «плюрализм».

Историко-философский процесс всегда направлялся более или менее осознанным стремлением к истине, что в эпоху формирования собственно научного мышления вообще получает определение *движения к научности*.

Научное мышление, как закономерный и высший этап развития человеческого интеллекта, формируется с XV по XVIII в. При этом формирование научного мышления шло в глубоким взаимодействии с формированием и развитием материализма как *адекватного* выражения научного мышления. Материалист Ф. Бэкон, как известно, стоял у истоков формирования современного естествознания. Весьма примечательно, однако, что формирование научного мышления в философии, идущее в тесном взаимодействии с формированием частных наук, происходило с существенным опозданием

по сравнению с частнонаучным мышлением вследствие особого — *всеобщего* — характера философской мысли. Если экспериментальная наука (связанная прежде всего с механикой), по оценке Д. Бернала [3], оформилась уже в XVII в., формирование собственно философского научного мышления шло с большой задержкой, что выразилось в механистическом характере философии, во многом воспроизводившем ведущую науку того времени.

Явная постановка задачи создания научной философии может быть связана, по нашему мнению, лишь с философией И. Канта и особенно Гегеля. В материалистической философии XVII-XVIII вв. фактически сформировалось представление о научности философии как о ее соответствии *здравому смыслу*, но еще отсутствовала явственно выраженная рефлексия понятия *научности*. Замечательная попытка Спинозы построить философию в соответствии с математической моделью научности в виде философской системы («Этика»), созданной математическим («геометрическим») способом, еще не содержала явственно рефлексированного понятия *философской* научности.

Уже в названии одной из работ Канта — «Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в качестве науки» явственно выражена постановка задачи создания научной философии. Как известно, Кант считал главным условием научности философии ее трансцендентальный характер, т.е. отказ от «трансцендентного» учения о сущности мира как такового. По весьма меткой оценке Гегеля, философия Канта — философия «химер», а не действительного мира и человеческого духа. Однако Кант высказал и ряд совершенно разумных соображений о критериях научности в философии, прежде всего о ее *доказательном* характере. Важным приобретением философии

явилась и мысль Канта о необходимости «рефлексии в основаниях» философской системы, что он и выразил в структуре своей «Критики чистого разума».

Опыт построения научной философии Кантом имеет в большей мере негативный, чем позитивный смысл. Философия «химер», хотя философ и называл ее «коперниканским переворотом» в науке, не может служить эталоном научности в философии. Опыт философии Канта — скорее опыт того, какой ни в коем случае не должна быть научная философия (если отвлечься от безусловно ценного момента его философии — элементов диалектики). Увлечение философией Канта и различных его последователей в прошлом и настоящем (варианты феноменологии) в современной отечественной философской науке имеет поэтому весьма прискорбный характер. Примечательно, что как после поражения первой русской революции, так и третьей (Великой Октябрьской социалистической), в 90-е гг. известная часть представителей философской мысли бросается к кантианству и субъективному идеализму, но не к философии Гегеля. Впрочем, это легко объяснить: явно «подростковая» философия Канта, философия «химер», представляет собой несравненно более легкий предмет увлечений для определенного уровня философской культуры, чем грандиозная философия гениального Гегеля.

Замечательный опыт движения к научности, заложенный в философии Гегеля, может быть сведен, как представляется, к следующим основным моментам (в развернутом виде это рассмотрено нами в [4]).

1. Прежде всего, это переход от философских химер к философии *объективности*. Всю историю философской мысли Гегель класси-

фицирует поэтому по «трем отношениям мысли к объективности».

2. Философия должна быть построена в виде *целостной философской системы*, имеющей свое строго определенное *начало* и замыкающейся в единое целое. Гегель ошибочно полагал, что целостность научной философской системы определяется логикой круга.

3. Философия может быть научной, если она схватывает *бесконечное* и *всеобщее*, обладает достаточной для этого *мощью мысли*, которой не обнаруживается у предшествующей философии.

4. Научная философия может быть только *диалектической*.

5. Научная философия должна основываться на *доказательствах*, а не на *вере*. Внутренней основой такой доказательности философской мысли выступает логика отрицания отрицания — способ мышления, благодаря которому предмет мысли разворачивается из самого себя, а не описывается внешним образом путем простого предикатирования.

Гегель полагал, что его философская система и представляет собой единственно возможную научную философскую систему. Однако, как уж давно показано, в конечном счете Гегелева философская система терпит крах, поскольку исходная идеалистическая посылка — понятие абсолютной идеи — оказывается в неразрешимом противоречии с идеей развития. Понятие развития могло быть выполнено только при условии выбора *бесконечной* по своей природе *субстанции* развития. Бесконечность круга — довольно тривиальная иллюзия, в которую впал гениальный философ в силу определенных предвзятых установок на идеализм. Мысль, идея как таковая, не содержит в себе «принципа бесконечности». Последняя, бесконечность, может прийти в мысль только извне,

из внеположной мысли реальности. Важнейший урок научности, преподанный великим философом вопреки своему прямому намерению, заключался в фактической демонстрации того, что бесконечность развития не может быть выполнена на базе мысли, идеи. Философия Гегеля, несмотря на все ее гениальные прозрения (в особенности блестящую трактовку истинной бесконечности), оказалась фактически *философией конечного*.

Второй крупный урок научности был фактически преподан философией Фейербаха, конечная суть которой оказалась в том, что искомая субстанция, без обнаружения которой философия не раскроет секрета научности, должна быть *материальной* и — о чем свидетельствовала негативная сторона опыта философа — рассматриваться *диалектически*.

Программа создания научной философии, в ряде существенных моментов выдвинутая Кантом, Гегелем, Фейербахом, была принципиально реализована только в марксистской философии, которая смогла соединить действительную субстанцию, органически включающую в себя бесконечность, с идеей развития, получившей мощь бесконечности, недостижимую для гения Гегеля. Основательный анализ изложенного тезиса не входит в задачу настоящей статьи [5].

Критерии научности в философии

Научность мы будем трактовать в общепринятом смысле — как *соответствие*, или *адекватность*, *теории реальности*. Основными критериями научности вообще выступают, очевидно, следующие.

1. Наличие *достаточной эмпирической базы* (в соответствии с всеобщим логическим законом достаточного основания). В конечном счете научное мышление опирается на достаточную систему фактов. Суть этого критерия

заключается в *смысловом, содержательном соответствии* теории ее эмпирической базе. Естественно, что этот интегральный критерий научности включает целый ряд частных критериев, в том числе критерии верификации в известном смысле, введенные аналитической философией.

2. Наличие *адекватного метода* исследования, который, в свою очередь, определяется в конечном счете теорией и, следовательно, совокупной эмпирической базой научного мышления. Этот интегральный критерий включает в себя наличие адекватной предмету мышления эмпирической базы *логики* в ее различных аспектах и уровнях, начиная с традиционной формальной логики и кончая конкретной «логикой вещей» (логика теории Ньютона, Эйнштейна и т.д.).

3. Наличие *конечной практической проверки*, начиная с научного эксперимента и кончая общественно-исторической практикой в известном философском смысле термина. Разумеется, практическая проверка не есть некий автоматический процесс, но предполагает целую систему интеллектуального обеспечения реализации практической проверки.

Критерии научности в философии основываются на общенаучных критериях, но содержат весьма важные элементы, определяемые природой предмета философии как особого рода науки. Такими элементами выступают *всеобщность* и *бесконечность*, которые должны быть введены в содержание известных общенаучных критериев.

В философии *достаточность* эмпирической базы означает, что эта база должна быть *репрезентативной для бесконечного мира*, а не его известной конечной части. Метод научной философии должен быть адекватен всеобщему и бесконечному в мире. Соответствующий ха-

рактер приобретает и доказательство в философии, обращенное (в важнейших моментах философской теории) к бесконечному и всеобщему, а не к частному и конечному. Последнее, к сожалению, фактически игнорируется в философской литературе [6]. Наконец, практика как конечный пробный камень истины должна нести в себе всеобщее и бесконечное.

Эти важнейшие проблемы критериев научности в философии не получили должного обсуждения в отечественной и мировой философской мысли.

Сложнейшей проблемой философии за всю историю ее существования, чаще всего не осознаваемой, но в конечном счете определяющей судьбу научности философии, выступает проблема *бесконечности мира и конечности человеческого опыта*. Поставленная еще далеко не в свой подлинный рост Кантом, эта проблема, вернее, неспособность ее решить, лежит в основе кантовского агностицизма, его «философии химер». По этому же пути пошла вся так называемая неклассическая философия XIX-XXI вв., включая неопозитивизм, постпозитивизм, философию К. Поппера, экзистенциализм, постмодернизм и т.д.

Из того, что мир бесконечен, а опыт человека (поскольку имеет начало) всегда конечен, естественным образом следует вывод, что всякое философское знание может быть *только знанием конечного*, знанием известной конечной части мира. Таково основное заключение так называемой «гносеологической школы» («гносеологизма»), возникшей в 60-70-е гг. в советской философской науке (Г.И. Наан, Э. Кольман, Э.М. Чудинов, Б.М. Кедров, Л.Б. Баженов и др.). С этих позиций философия должна трактоваться как совокупность *постулатов* или *гипотез*, которые лишь «экстраполируются» на бесконечный мир, но никогда не

могут быть *ни доказаны, ни опровергнуты*. Однако это «ближайшее заключение», как нами было показано в 70-х гг., является слишком слабым, неадекватным исходной посылке бесконечного мира и конечного человеческого опыта. Из последней необходимым образом следует, что все философские заключения о мире являются заведомо *ложными*, поскольку *бесконечное всегда бесконечно сложнее* конечного. Но непознаваемость бесконечного неминуемо влечет за собой признание *непознаваемости и конечного*. Театр философского познания, и вместе с ним человеческого познания в целом, превращается, таким образом, в *театр теней* или *химер*, в «сновидения тени» (М. Унамуно). Однако неизбежное, казалось бы, разрушение человеческого интеллекта основано на ряде скрытых ошибочных парадигм.

Определение способа постижения сущности бесконечного мира на основе «конечного человеческого опыта» — важнейшее открытие марксистской философии, философской науки вообще.

Диалектический материализм — единственная универсальная философская концепция, отвечающая изложенным критериям научности. Лишь современный материализм и диалектика обладают, говоря словами Гегеля, той мощью мысли, которая адекватна бесконечному многообразию мира. Попытка обоснования изложенного представления предпринята автором в серии статей и монографий 60-90-х гг. [7]. В рамках данной статьи хотя бы краткое изложение сути решения проблемы научного постижения бесконечного мира, проблемы достоверности научно-философского знания невозможно. Цель данной статьи — обратить внимание на ключевую проблему философского знания вообще в период того шока, который испытала значительная часть отечественных философов,

не нашедшая ничего лучшего, как в период бездарных реформ заняться *мазохистским* охаиванием действительно больших достижений советской философской мысли, *по универсальности и разработанности не имеющей себе равных среди современных систем философии*.

Ни одно из конкурирующих с марксизмом направлений в философии не продемонстрировало способности позитивного влияния на развитие естественных и социальных наук, широких теоретических прогностических способностей. Такие способности продемонстрированы, однако, диалектическим материализмом. В «Материализме и эмпириокритицизме» В.И. Ленин дал *глубокий анализ* смысла происходящих в естествознании революции и кризиса, раскрыл *действительные причины* революции и кризиса, предсказал *выход физики из кризиса* самой науки и ее философских оснований, показал неизбежность *новых «диковинных» открытий* в физике, выдвинул идею *неисчерпаемости электрона*. Такого анализа не было сделано никем из его современников. Книга Ленина была высоко оценена А. Эйнштейном, который заявил, что он «потрясен силой диалектического мышления» Ленина. В XX в. к высокой оценке вклада Ленина в науку обращались многие выдающиеся ученые. Так, в 1969 г. лауреат Нобелевской премии по физике С.Ф. Пауэлл, которому принадлежит открытие ряда элементарных частиц, писал: «Недавно я вспомнил поразительное замечание, сделанное Лениным в книге “Материализм и эмпириокритицизм”, когда электрон был единственной известной элементарной частицей. В то время как весь научный мир считал, что существуют лишь неизменяемые частицы, Ленин сказал, что электрон неисчерпаем».

В XX-XXI вв. прогностические возможности диалектического материализма расширились в связи с дальнейшим развитием науки, марксистской философии, ее переходом от *абстрактно-всеобщего* построения, которое было неизбежным при первоначальном изложении, к *конкретно-всеобщему*. Последнее основывается на понимании мира как *единого закономерного мирового процесса* (ЕЗМП), составленного бесконечной последовательностью основных форм материи, из которых в настоящее время человечеству известны пока четыре — физическая, химическая, биологическая и социальная. Концепция мира как единого закономерного мирового процесса позволила представить каждую форму материи как закономерное звено мирового развития, что позволило несомненно глубже понять каждую из основных ступеней мирового процесса. Это сделало возможным обнаружить существование, наряду с тремя известными законами диалектики, ряд новых всеобщих законов развития: *всеобщего закона развития* как движения от низших форм материи к высшим, *конвергентного* развития, *аккумулятивного* развития, *всеобщего генетического закона*, *закономерностей соотношения высшего и низшего*.

Известные традиционные законы диалектики, будучи абстрактно-всеобщими, не позволяли органически соединить материализм и диалектику, обладали ограниченными предсказательными возможностями. Конкретно-всеобщая философская теория органически соединяет философскую теорию с системой конкретных наук, делает возможным содержательное объяснение возникновения и эволюции каждой из основных форм материи.

Если Ленин предсказывал неисчерпаемость электрона, то современная марксистская философия на основе концепции ЕЗМП позволяет

сформулировать гипотезу существования *субфизической* формы материи, к обнаружению которой, по нашему убеждению, вплотную подошла современная физика.

Как известно, в XX в. физика, химия и биология окончательно превратились в эволюционные науки. Важным направлением дальнейшей диалектизации науки стал поиск единой теории мирового процесса, который нашел свое выражение в возникновении *теории сложности*, рассматриваемой ее создателями как всеобъемлющее описание мира от простейших известных науке физических явлений (космических суперструн) до человека. С 1990-х гг. теорию сложности (*complexity*) разрабатывает группа физиков высокой квалификации из Лос-Аламоса, к которым примкнул ряд ученых, лауреатов Нобелевской премии (например, М. Гелл-Манн [8]). Такая теория разрабатывается также известным физиком С. Хокингом, заявившим, что «следующий век будет веком теории сложности» (цит. по: [8. С.9]). Теория сложности столкнулась с рядом трудностей (например, всякая ли система способна к усложнению), которые давно преодолены диалектико-материалистической теорией единого закономерного мирового процесса.

Список литературы

1. Наука и жизнь. 1999. № 11.
2. Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991.
3. Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956.
4. История человеческого интеллекта. Ч. 1,2. Пермь, 1998; Ч. 3. Современный интеллект. Пермь, 1999; История человеческого интеллекта. Пермь, 2007.
5. См.: Орлов В.В. История человеческого интеллекта. Ч. 3. Современный интеллект.
6. Орлов В.В. Достоверный и доказуемый характер философского знания, особенности аргумента-

- ции в философии // Философские проблемы аргументации. Ереван, 1986.
7. См., например: *Орлов В.В.* Психофизиологическая проблема. Философский очерк. Пермь, 1966; *Орлов В.В.* Материя, развитие, человек. Пермь, 1974; *Орлов В.В.* Человек, мир, мировоззрение, М., 1985; *Орлов В.В.* Основы философии. Ч.1. Общая философия. Пермь, 1991, 1997; История человеческого интеллекта. Ч.1,2. Пермь, 1997; *Орлов В.В.* История человеческого интеллекта. Ч.3. Современный интеллект. Пермь, 1999; *Орлов В.В., Васильева Т.С.* Философия экономики. Пермь, 2005, 2006.
8. См.: *Гриценко В.С.* Теория постиндустриального общества в современной зарубежной науке. Пермь, 2009.
-

THE XXI CENTURY AND SCIENTIFIC CHARACTER PROBLEM IN PHILOSOPHY

V.V. Orlov

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The scientific character is the most important criterion of knowledge and philosophy. Influenced by the summarily understood principle of pluralism the native philosophy has been taking this criterion away during the last twenty years. Philosophy acquires its scientific character with the appearance of dialectical materialism as a system opened for all scientific achievements of the past and contemporary philosophy.

Key words: philosophy; scientific character; materialism; idealism; nonclassical philosophy; creative potential; post-industrial society; Russia.

УДК 141.136

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ СУБЪЕКТИВНОГО ИДЕАЛИЗМА В XX-XXI ВВ.***Н.И. Береснева, В.Д. Береснев***

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15

e-mail: beresnev@mail.ru

Субъективный идеализм имеет много разновидностей. Классический субъективный идеализм (Беркли, Фихте, Мах) исходит из представления о мире как совокупности ощущений. С течением времени проблема достоверности ощущений отходит на второй план, а на первый план в качестве демиурга внутреннего мира человека выходят знаковые системы, прежде всего — язык. Человек при помощи языка творит и внешний, и внутренний мир (включая сами ощущения). В культуре XX-XXI вв. субъективный идеализм в целом и солипсизм в частности стали метафорой одиночества, отчуждения человека от общественных институтов.

Ключевые слова: субъективный идеализм; аргумент к ощущениям; язык (текст), сознание.

Субъективный идеализм — направление в философии, отрицающее наличие какой-либо реальности вне сознания субъекта, рассматривающее реальность как нечто полностью определяемое активностью сознания, ставящее под сомнение реальность объективного мира в силу несоответствия ощущений и реальных свойств вещей, предметов и их образов в нашем сознании. Субъективный идеализм имеет много разновидностей, включая разные школы позитивизма (махизм, операционализм, логический эмпиризм, лингвистическую философию и т.п.), прагматизм, философию жизни (Ницше, Шпенглер, Бергсон) и выросший из нее экзистенциализм (Сартр, Хайдеггер, Ясперс и др.).

Классический субъективный идеализм (Беркли, Фихте, Мах), тезисом который исходит из представления о мире как совокупности ощущений, часто расценивается как тупиковое направление в развитии философской мысли,

логически приводящее в конечном счете к утверждению, что для каждого человека существует только он один, а все остальное существует лишь в его сознании (т.е. к солипсизму, от лат. *solus* — один, *ipse* — сам). Чтобы отмежеваться от крайностей солипсизма, философы жертвуют последовательностью субъективно-идеалистической позиции, например, вводя категорию бога, гарантирующего реальность мира (Беркли). Логически (гносеологически) субъективный идеализм, вероятно, и в самом деле представляет собой тупик: сомнение в реальности мира делает бессмысленным процесс познания.

Родоначальники субъективного идеализма и агностицизма исходили из того, что ощущения являются первичной реальностью, с которой имеет дело человек. Классический субъективный идеализм, идущий от Беркли, использует аргумент к ощущениям — мир замкнут в

сознании человека благодаря ощущениям, за пределы которых человек выйти не может, при том, что сами ощущения ни внешне, ни внутренне ничем не обоснованы. Ощущения не определяются как субстанция, но истинная их причина полагается непостижимой.

С течением времени проблема достоверности ощущений отходит на второй план, а на первый план в качестве демиурга внутреннего мира человека выходят знаковые системы, прежде всего — язык. Человек при помощи языка творит и внешний, и внутренний мир (включая сами ощущения). Отправной точкой этому направлению послужила теория В. фон Гумбольдта, который, оспаривая положение Г.В.Ф. Гегеля о том, что философия может быть построена как окончательно обоснованная наука о Духе как сущности мира, считал, что между субъектом и объектом, между человеком, миром и Богом есть изначальный посредник — язык. Поэтому процесс самообоснования, самопознания духа изначально развёртывается в сфере языка. Мышление не может охватить «безъязыковую», чисто физическую реальность, по сути, по тем же соображениям, по которым не может познать «вещей в себе» кантовский рассудок («безъязыковая реальность» = «вещь в себе»).

Новый вариант субъективного идеализма можно возвести к известной фразе Гумбольдта о языковом круге: «Каждый язык народа описывает вокруг народа, которому принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступишь в другой круг, т.е. изучишь другой язык, и, следовательно, усвоишь новую точку зрения в прежнем миропонимании» [2. С.80]. Таким образом, помимо аргумента к ощущениям выдвигается аргумент к языку: между человеком и миром находятся не только ощущения, но и языки. Получается бо-

лее сложная конструкция субъективного идеализма. Язык — это тюрьма для духа, человек «заперт» в языке, язык закрывает выход в мир. Но если заключённый может выйти из мест заключения, то из языковой тюрьмы человек не может выйти никогда.

Идея господства языковой системы как границы, непреодолимой стены для тех, кто ею пользуется, диктата ее законов и невозможности выйти из нее развивается в последующих течениях философии. В концепциях структуралистов (Леви-Строса, Лакана, Барта, Фуко), например, по аналогии с языком, который порождает все произведения речевой активности, появилось представление об априорной бессознательной структуре, подобной языку, которая порождает все произведения социально-символической активности, деятельности человека (отношения родства, ритуалы, формы искусства и др.). Априорная, бессознательная структура — это своего рода категориальная сетка, которая упорядочивает любое «содержание».

Подобно языку все продукты социокультурного творчества стали рассматриваться как знаковые конструкции — проявления своего рода языка — тексты. И первобытный ритуал, и научный трактат, и рекламный ролик — все это речь, состоящая из знаков, имеющих значения. Эти значения возникают не сами по себе, а в силу того, что знаки принадлежат к некоторой системе (подобной системе языка) и вне этой системы никакой культурный знак существовать не может. И через «речь» можно проникнуть к структуре — к «языку», знаково-символическим системам. При этом структуры играют роль порождающих моделей, т.е. бессознательных механизмов, которые определяют ход мысли исследователя. Поэтому, хотя человек и строит иллюзии относительно своей сво-

боды и суверенности, на самом деле за любым культурным феноменом лежит СТРУКТУРА; подобная языковой, она организует нашу жизнь, в ней мы существуем.

Предпринимаются попытки изучения механизмов, позволяющих структурам осуществлять влияние. Например, Р. Барт, обращаясь к невинному, на первый взгляд, феномену «письма», сумел разглядеть общественный подавляющий механизм, институт, обладающий серьезной принудительной силой, как и любое другое общественное установление. «Письмо» понимается как «социолект» в рамках единого национального языка и, одновременно, это предметившаяся в языке идеологическая сетка, которую та или иная группа, класс, социальный институт и т.п. «помещают» между индивидом и действительностью, понуждая индивида думать в определенных категориях, выделять и оценивать лишь те аспекты действительности, которые в сетке признаются значимыми. Все продукты социально-языковой практики, все социолекты, выработанные поколениями, классами, партиями, литературными направлениями, органами прессы и т.п. за время существования человеческого общества, можно представить себе как хранилище различных видов «письма», откуда индивид вынужден заимствовать свой «язык», а вместе с ним и всю систему ценностно-смыслового отношения к действительности [1].

Принудительное воздействие структур объясняется в рамках коннотативной семиологии Л. Ельмслева [3] с помощью понятия «коннотативный смысл» — дополнительное, сопутствующее значение языковой единицы, воплощающее принятую в данном языковом коллективе и закрепленную в культуре данного общества оценку предмета или факта действительности, обозначаемого словом. Такие смыслы

латентны, никогда прямо не называются, а лишь подразумеваются. Они агрессивны, т.е. не довольствуются мирным соседством со знаками денотативной системы, а стремятся подавить их или даже полностью вытеснить. Любой язык представляет собой, таким образом, комбинацию денотативного и коннотативного, выказанного и подразумеваемого уровней, причем подразумеваемое может при определенных условиях эксплицироваться, а эксплицитное может уйти в коннотативный «подтекст».

Таким образом, в науке был осуществлен переход от изучения знаковых систем, непосредственно осознаваемых и сознательно используемых людьми, к знаковым системам, которые людьми не осознаются, хотя ими и используются, более того, во многих случаях ими управляют.

В современной философской традиции язык (текст) начинает выступать в роли исходной философской реальности. Прежде основная оппозиция в философии была оппозицией сознания и материи (субъекта и объекта). Начиная с Гумбольдта в классическую дихотомию «мышление — реальность» был введен третий компонент — язык (оппозиция принимает вид «мышление — язык — реальность»). В настоящее время основная оппозиция «автор и интерпретатор (мышление) — текст (язык)». И даже уже — только оппозиция «интерпретатор — текст». То есть центр тяжести переносится с мира как такового на текст, который самодостаточен и наделен некоей субстанциальностью, а все акценты переместились на деятельность субъекта-интерпретатора. Основной вопрос философии приобретает вид вопроса о том, что первично — текст или смыслы (значения) в сознании субъектов. И как вариант основного вопроса философии: могут ли смыслы в сознании интерпретатора рассматриваться как неза-

висимые от смыслов в сознании автора? Текст с бесконечным количеством его интерпретаций приобретает безграничное господство.

Новоявленный «языковой» идеализм имеет вполне очевидные эмпирические основания: подавляющее большинство иллюзий, заблуждений, которые наиболее трагически переживаются современным человеком, связаны с языком. Если раньше основные заблуждения людей, познающих мир, были связаны с чувственным восприятием — плоская земля, земля как центр мира, — то сегодня наиболее острые заблуждения и переживания связаны с идеологическими построениями, искажающими представления о роли государства в классовом обществе, иллюзией равенства людей перед законом, правдивости СМИ — связаны со знаковыми системами, текстами, языком.

Проблема замкнутости человеческого сознания поставлена в не менее трагическом ключе, чем в философии Беркли, Юма, Канта. В культуре XX-XXI вв. субъективный идеализм в целом и солипсизм в частности стали метафорой одиночества, отчуждения человека от общественных институтов. Эта тенденция может быть объяснена целым рядом причин. В частности, тем, что структура общества (как бытия, так и сознания) становится настолько сложной, что человек не в состоянии ее в целом осознать и пребывает в постоянном сомнении: является ли то, что он наблюдает, истинным положением вещей. Индивидуальное сознание не способно отразить все многообразие общественного бытия и общественного сознания. Это происходит потому, что мы имеем дело в обыденной жизни с частным знанием о мире и обществе. Сказывается нехватка реалистической философии — общих положений, адекватно описывающих сложную структуру.

Человек конца XX — начала XXI в. оказался не готов к обрушившемуся на него потоку информации. Свобода информации превращается для человека в несвободу — в информационных потоках он теряется. Актуальной оказывается проблема умения жить, правильно себя позиционировать в условиях информационного бума, адекватно оценивать ситуацию. Человек оказывается потерянным, он не знает, кому верить и можно ли верить кому-то вообще.

Научная философия отрицает самодостаточность и абсолютную замкнутость языка и других знаковых систем, полагает их в качестве средства познания. В представленной проблеме следует различать план этический и онтологический — то, что представляет собой знак по своей природе, и то, с какой целью мы им пользуемся. Чтобы решить проблему, необходимо выяснить, для чего возникает язык и прочие знаковые системы, какие задачи он решает и какие функции выполняет. Язык — это порождение материи — того самого мира, реальность которого ставится под сомнение, поскольку он возникает не просто внутри сознания человека, а при взаимодействии сознания с внешним миром и другими людьми.

Язык обладает колоссальной активностью внутри человеческого сознания. Собственно, он и объединяет в одно целое — сознание — все уровни, формы, виды мыслительного, эмоционального, волевого освоения мира взрослого homo sapiens. Человеческое познание мира невозможно представить вне языка. И одна из уникальных возможностей языка — возможность отражать мир искаженно, более того, создавать искусственные, иллюзорные модели мира.

Но такая активность языка — это активность не духа, а прежде всего материи (в языке дух объединен с материей, но именно благода-

ря этому он способен воздействовать не только на индивидуальное сознание, но и на массовое). И вводить людей в заблуждение — не единственная (и не самая главная) функция языка. Сама природа языка, как и природа ощущений, заключается не в том, чтобы замкнуть сознание человека внутри себя, а в том, чтобы разомкнуть, расширить, соединить с сознаниями других людей и с внешним миром. Только при помощи языка человек может проникать в сознание других людей, преобразовывать мир в больших масштабах.

Список литературы

1. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
2. *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
3. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М.: Иностран. лит., 1960. Вып.1. С.264-389.

DEVELOPMENT OF IDEAS OF SUBJECTIVE IDEALISM AT XX-XXI CC.

N.I. Beresneva, V.D. Beresnev

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

Subjective idealism has a lot of varieties. Classic subjective idealism (George Berkeley, Johann Gottlieb Fichte, Ernst Mach) comes from the pattern of world as the aggregate of feelings. In time the problem of authenticity of feelings departs on the second plan, and on the first plan the signs systems go out as demiurge of man's internal world, foremost is language. A man through a language creates an outer and internal world (including feelings). In the culture of XX-XXI ages subjective idealism on the whole and solipsism, in particular, became the metaphor of loneliness, alienations of man from public institutes.

Key words: Subjective idealism; argument to feelings; language (text); mind.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК**НАУЧНЫЕ И ОБЫДЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЗНАНИИ И
БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ*****Е.В. Левченко, А.Г. Продовикова***

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, Букирева, 15
e-mail: levchenkoev@yandex.ru, arilama@yandex.ru

Представлены результаты исследования студенческих представлений о сознании и бессознательном. Выявлен определенный диапазон идей в научном и обыденном сознании, образующий представления о сознании и бессознательном. Проведен сравнительный анализ состава научных и студенческих представлений о сознании и бессознательном. Обнаружены как сходство, так и различие научных и обыденных представлений об этих феноменах.

Ключевые слова: обыденное познание психического; социальные представления; научные представления о сознании и бессознательном; студенческие представления о сознании бессознательном.

Как отмечают сегодня многие исследователи, концепция социальных представлений, предложенная С.Московичи в 1961 г., внесла существенный вклад в развитие социальной психологии [8; 16]. Количество исследований, выполненных в рамках этого подхода, растет с каждым годом, расширяется и проблематика этих работ. Объектом представлений в них могут быть весьма разнообразные феномены: от психоанализа [42] до демократии, политического лидерства и социальной ответственности [15].

Предметом нашего исследования являются социальные представления о таких интегральных психических феноменах, как сознание и бессознательное. Выбор этого предмета исследования не случаен. В последние десятилетия в психологической литературе значительно уве-

личилось количество исследований, посвященных познанию психики и психических явлений непсихологами. Изучались, к примеру, представления детей о душе [30; 33], имплицитные теории личности [41] и интеллекта [26], ментальные репрезентации эмоций [28], развивается направление «теории психического» [44].

Исследование представлений о психических явлениях позволяет реконструировать ту картину психического, которая есть у непрофессионала. Поскольку социальные представления, по С.Московичи, необходимы для облегчения процесса общения, взаимопонимания людей [7], то реконструкция представлений о явлениях психики может быть использована в профессиональной деятельности педагогов, психологов и других специалистов для эффективной комму-

никации с людьми. Например, в контексте преподавания психологии Э.А.Штейнмец говорит о том, что житейские, донаучные представления существенно влияют на ход усвоения научных знаний [38]. Так, при изучении курса психологии можно ожидать лучшего усвоения теорий, соответствующих донаучным представлениям студентов, и трудностей в понимании теоретических положений, не согласующихся с обыденным знанием.

Выбор в качестве объекта представлений сознания и бессознательного обусловлен следующими причинами. Во-первых, идея сознания систематически разрабатывается в психологии начиная с ее оформления, выделения как самостоятельной науки. Идея бессознательного стала изучаться в психологии позднее. Введение термина «бессознательное» в качестве научной категории связано с работами З.Фрейда. Кроме того, в российской культуре имеет место совершенно особое отношение к психоанализу. Так, в силу идеологических причин с 30-х гг. XX в. психоанализ и соответственно само понятие «бессознательное» были запрещены, и лишь в 90-е гг. становится возможным свободно обсуждать и оценивать работы Фрейда и его последователей [19]. Таким образом, идея сознания, активно разрабатываемая с середины XIX в. как в отечественной, так и зарубежной психологии, нами условно обозначается как «относительно старая». Идея бессознательного, возникающая в науке позднее и оказавшаяся в российской психологии советского периода фактически под запретом, препятствующим ее систематической разработке, рассматривается нами как «относительно молодая». Следует подчеркнуть, что «возраст» идеи оценивается нами с точки зрения ее существования в определенном социокультурном контексте, в первую очередь российском. Во-вторых, сознание и бессозна-

тельное составляют фундаментальную оппозицию, что облегчает сравнение представлений об этих феноменах.

Обозначим некоторые положения концепции социальных представлений, которые легли в основу проведенного нами исследования. Вслед за С. Московичи, мы считаем, что основой и источником социальных представлений все в большей степени становятся научные по происхождению знания, теории, идеи. Человек подобен «ученому-любителю», который активно изучает научно-популярную литературу, пристально следит за новостями науки. Не обладая специальной подготовкой, всю информацию он получает посредством самообразования, бесед, наблюдений, личных размышлений, в ходе которых научные представления трансформируются в утилитарно полезные знания здравого смысла [15].

Процесс конструирования социальных представлений объясняет «динамическая модель», предложенная в исследовании С. Московичи и М. Хьюстон. Согласно этой модели процессы, «ответственные» за формирование научной теории, условно делятся на внешние и внутренние. Внешние процессы — это изменения, которым подвергается научная теория, становясь достоянием обыденного сознания. Внутренние процессы связаны с трансформациями, происходящими в «недрах» самих представлений. Сущность внешних процессов состоит в образной объективации предмета представления, включающей ряд этапов: 1) персонификация научных знаний и феноменов; 2) отбор отдельных элементов научной теории (явления); 3) формирование «фигуративной схемы», «образного ядра» представления; 4) «натурализация» «фигуративной схемы» [Там же].

Кроме того, мы основываемся на идеях Ж.-К. Абрика и исследуем ядерно-периферическую

структуру представлений о сознании и бессознательном. Отметим ряд важных положений относительно этой структуры. 1. Центральное ядро образуется одним или несколькими элементами, отсутствие которых уничтожит или радикально изменит данное представление. 2. Ядро является устойчивым и стабильным, но практически не зависит от контекста и всячески сопротивляется изменениям. 3. Оно выполняет две функции. Порождающая функция состоит в том, что именно ядро придает смысл и ценность представлению. Организующая функция — в том, что ядро является объединяющим и стабилизирующим образованием. 4. Периферические элементы образуют основу контекста представления, обеспечивая его функционирование и динамику. 5. Эти элементы напрямую зависят от контекста и обеспечивают гибкость социального представления, выступая неким связующим звеном между представлением и реальностью. 6. Периферические элементы выполняют основную роль в адаптации представления к изменению контекста. Вместе с тем периферическая система защищает представление от изменения, являясь своего рода «буферной зоной» между оцениваемой реальностью и центральным ядром [7].

Таким образом, цель нашего исследования состояла в том, чтобы сделать срез существующих в настоящее время в России социальных представлений о сознании и бессознательном (на примере представлений, сложившихся у студентов) и описать внешние процессы их конструирования, т.е. изменения, которым подвергается совокупность соответствующих научных идей, становясь достоянием обыденного сознания.

Исследование проходило в несколько этапов. На первом этапе были отобраны научные определения сознания и бессознательного. На

втором этапе проведен контент-анализ определений сознания и бессознательного. На третьем этапе изучены словари русского языка. На четвертом этапе было проведено эмпирическое исследование социальных представлений о сознании и бессознательном. На пятом — полученные данные обрабатывались методами качественного и количественного анализа. На шестом этапе производилась реконструкция ядерно-периферической системы научных и социальных представлений о сознании и бессознательном. На седьмом мы анализировали социальные представления о сознании и бессознательном с точки зрения тех этапов, которые проходит научная теория, трансформируясь в социальное представление. И, наконец, осуществлялось сравнение представлений о сознании с представлениями о бессознательном.

Рассмотрим эти этапы более подробно. Целью первого и второго этапов было выявление набора научных идей о сознании и бессознательном. На первом этапе, опираясь на обзорные работы по проблемам сознания [3] и бессознательного [5], а также проанализировав главы, посвященные теоретическому изучению этих феноменов в ряде диссертаций [10; 32; 37], мы составили список исследователей, признаваемых в настоящее время ведущими в данной области. В работах этих ученых по проблемам сознания и бессознательного, а также в психологических словарях были выделены определения рассматриваемых феноменов. Критериями отбора текстов, содержащих определение феномена, были следующие: 1) предложение (или несколько предложений) должно включать фразы типа «под сознанием (бессознательным) мы понимаем...», «сознание (бессознательное) — это...», «сознание (бессознательное) рассматривается нами как...» и т.д.; 2) фрагмент текста должен представлять собой законченную мысль

автора; 3) в случае если автор давал несколько определений сознания (бессознательного), мы исходили из того, какое из них чаще цитируется в литературе (на основании работ, в которых дается обзор определений сознания (бессознательного)). На втором этапе нами проводился контент-анализ определений каждого феномена. Использовался сегментарный, тематический подсчет упоминаний категорий, которым регистрируется лишь первое появление данной категории в единице контекста, а повторные упоминания этой категории в данной единице контекста не учитываются. Категориальная сетка не была задана изначально и разрабатывалась исходя из содержания отобранных определений. Индикатором категории выступало слово либо синтаксически неделимое словосочетание. Распределение эмпирических индикаторов по категориям контролировалось методом экспертных оценок.

Обзор научной психологической литературы, посвященной проблеме сознания, выявил традиционную для психологического знания многозначность этого понятия. На первом этапе, проанализировав ряд монографий исследователей сознания [2; 4; 6; 11; 12; 14; 18; 21; 22; 27; 29; 40 и др.] и несколько психологических словарей, мы пришли к выводу, что одни авторы отчетливо артикулируют определение сознания [6; 18; 21 и др.], другие же всячески избегают подобной определенности [9; 23]. Для второго этапа анализа были отобраны отчетливо артикулированные определения в соответствии с критериями, обозначенными выше, в количестве 41 текста (37 авторских определений и 4 словарные статьи). Отметим, что выбранные определения сознания охватывают временной интервал с 1888 г. [6] по 2009 г. [1]. Из этих определений 32 текста принадлежат отечественным ученым и 9 — зарубежным.

В результате контент-анализа отобранных текстов выделены следующие идеи, наиболее часто вкладываемые в определения сознания: 1) сознание как отражение, как познание; 2) сознание как отношение и переживание; 3) сознание как регуляция; 4) сознание как осознание (в т.ч. и самосознание); 5) сознание как интеграция внутренней психической жизни; 6) сознание как высший уровень развития психики, имеющий культурно-историческое происхождение и связанный с речью; 7) сознание как функция чего-либо; 8) сознание как часть психики. Кроме того, был выявлен и ряд идей с низкой частотой встречаемости. В их числе, например, такие как «со-бытие, сопровождение, обеспечение сознанием бытия личности» [1], «...появляется утром после пробуждения от сна без сновидений и длится весь день до очередного засыпания или же до состояния, которое можно назвать “бессознательным”, например, комы или смерти» [43] и ряд других.

Перейдем к представлениям о бессознательном. Трудность, с которой мы столкнулись в ходе анализа научной литературы, состояла в небольшом количестве найденных определений данного термина (всего 17). Временной интервал опубликования текстов, содержащих отобранные определения, охватывал период с 1921 по 2007 г. Все дефиниции в ходе контент-анализа были разделены на негативные и позитивные. Подобное деление имеет давнюю историю в психологии. Еще Д.Н. Узнадзе говорил, что определение бессознательного в психоанализе является негативным, и предлагал понятие «установки» как позитивное определение бессознательного [цит. по: [5] С. 31-32]. Негативные определения предполагали дефиницию бессознательного через отрицание признаков сознания (осознаваемости, контролируемости и др.). В эту группу попало подавляющее боль-

шинство анализируемых текстов (более 80%). Поскольку подобное исследование не позволило реконструировать содержательную характеристику бессознательного, мы проанализировали еще психологические концепции изучаемого феномена, в которых сущность этого феномена раскрывается через описание его содержания [2; 5; 15; 20], Гербарт И.Ф. [по: [17; 31; 34; 35; 39]. Проведенный анализ выявил те явления, которые включаются авторами в сферу бессознательного, восполняя лаконизм или отсутствие развернутых определений: сильные и необъяснимые обществом чувства и желания; восприятия малой интенсивности; хранилище памяти; примитивные потребности и инстинкты; архетипы; сон; неосознаваемые регуляторы способностей выполнения деятельности; рефлексы; неосознаваемые компоненты творчества; воспоминания, связанные с рождением; мистические переживания.

Затем от изучения совокупности научных идей о сознании и бессознательном мы перешли к исследованию соответствующих социальных представлений. На третьем этапе проводилось выявление элементов центрального ядра социальных представлений. Для этого рассматривались определения, которые даются в современных толковых словарях и ассоциативных словарях русского языка. Так, в словаре С.И.Ожегова [25] «сознание» имеет следующие толкования: 1. см. сознать, -ся: то же, что и осознать; 2. человеческая способность к воспроизведению действительности в мышлении; психическая деятельность как отражение действительности; 3. состояние человека в здравом уме и памяти, способность отдавать отчет в своих поступках, чувствах; 4. мысль, чувство, ясное понимание чего-н.; 5. то же что и сознательность: умение, способность правильно разбираться в окру-

жающей действительности, определить свое поведение.

Слово «бессознательное» не имеет статуса имени существительного, а приводится как прилагательное, производное от «бессознательный». В современном толковом словаре [25] этому слову даются следующие значения: 1. сопровождаемый потерей сознания; 2. произвольный, безотчетный.

Далее провели сравнение словарных значений слов «сознание» и «бессознательный» с научными идеями о сознании и бессознательном. Сопоставив научные идеи относительно сознания и словарные значения этого слова, мы обнаружили наличие как сходных, так и различающихся компонентов. Сходство обнаруживается в следующем: 1) сознание как отражение, как познание; 2) сознание как осознание (в т.ч. и самосознание). В словарной статье содержатся два значения — «состояние человека в здравом уме и памяти» и «ясное понимание чего-н.», не обнаруженные нами в научных определениях сознания.

Словарные значения слова «бессознательный» согласуются с выделенными на основании анализа текстов научными идеями о бессознательном. Значения, представленные в толковых словарях, относятся к группе «негативные определения» и обнаруживают сходство со следующими научными идеями бессознательного: «То, что не осознается», «То, что не контролируется».

На следующем, четвертом этапе проводилось эмпирическое исследование социальных представлений о сознании и бессознательном. В исследовании приняли участие студенты 1-3 курсов разных факультетов Пермского государственного университета: 240 чел. в возрасте от 17 до 22 лет. Выборка уравновешена по полу. В нее не вошли студенты специальностей «Психо-

логия» и «Философия». Исследование проводилось до изучения дисциплины «Общая психология».

Поскольку данная работа выполнялась в традиции школы С.Московичи, была выбрана качественная методология исследования. Методами сбора данных выступили ассоциативный эксперимент, метод рисунка и метод определений. Помимо представлений о сознании и бессознательном нами изучались также представления студентов о душе и психике. Включение последних в исследование позволило нам рассматривать представления о сознании и бессознательном не изолированно, а в контексте интегральных понятий для отображения психического. Другими словами, мы пытались взглянуть на «сознание» и «бессознательное» с точки зрения той картины психического, которая есть у испытуемых.

Содержание пятого этапа составила обработка данных, полученных в ходе эмпирического исследования. Для данных ассоциативного эксперимента она осуществлялась с применением как прототипического анализа П.Вержеса [7], так и контент-анализа. Первая методика позволяет реконструировать ядерно-периферическую структуру социальных представлений. Второй способ обработки представляет собой качественно-количественный метод, который позволяет ключевые понятия (идеи) и подсчитывать частоту их употребления. Посредством контент-анализа обрабатывались также полученные от испытуемых рисунки и определения. Нами были разработаны системы категорий контент-аналитического исследования эмпирического материала, единые для представлений о сознании, бессознательном, душе и психике.

В результате анализа была выделена совокупность идей, востребованных в социальных представлениях о сознании и бессознательном.

Следующим этапом нашего исследования была реконструкция ядерно-периферической структуры представлений. Как уже отмечалось, прототипический анализ как раз предназначен для этих целей. Что касается данных контент-анализа ассоциаций, рисунков и определений, то к ним была применена процедура, аналогичная прототипическому анализу. Она же применялась и по отношению результатам контент-анализа научных определений. Ключевой момент этой процедуры, заимствованный из прототипического анализа П. Вержеса, состоит в том, что критерием для выделения центрального ядра, потенциальной зоны изменений и собственно периферической системы служит частота встречаемости элемента, в нашем случае — категории контент-анализа. Полученная ядерно-периферическая структура научных и обыденных представлений отражена в табл. 1.

Полученные результаты, графически отображенные на рис. 1 и 2, свидетельствуют о том, что ядро научных представлений о сознании более компактно, содержит всего две идеи: сознание как осознание и сознание как отражение. Ядро социальных представлений содержит большее количество идей — девять, которые носят разноплановый характер. Обе ядерные идеи научных представлений в трансформированном виде присутствуют в ядре социальных представлений.

В потенциальной зоне изменений как научных, так и социальных представлений содержится по 6-7 идей, две из которых являются сходными: сознание как «высшее» (высшая ступень развития психики [24] и сознание как картина мира. Две идеи из потенциальной зоны изменений *научных* представлений — сознание как мышление и сознание как функция (мозга) — находят отражение в центральном ядре *социальных* представлений о сознании. Другими

словами, частота встречаемости этих идей в обыденном сознании выше, чем в научных определениях.

Результаты сравнения центрального ядра и потенциальной зоны изменений научных и социальных представлений о сознании иллюстрируют рис. 3 и 4.

Таким образом, можно констатировать, что в потенциальной зоне изменений *научных* представлений содержится ряд идей, не имеющих аналогов в ядре и потенциальной зоне изменений *социальных* представлений о сознании. Это следующие идеи: сознание как отношение и переживание и сознание как интеграция внутренней психической жизни.

В потенциальной зоне изменений *социальных* представлений содержится также ряд идей, которых нет в ядре и потенциальной зоне изменений *научных* представлений. Назовем эти идеи: сознание как понимание чего-либо, сознание проявляется в поведении и деятельности, сознание обеспечивает адекватность человека, сознание получает положительную оценку, сознание противоположно бессознательному и трудность определения сознания.

Анализ идей, входящих в ядро и потенциальную зону изменений *социальных* представлений о сознании, показывает, что преобладают феномены, описывающие познавательную активность субъекта, что подтверждает данные М.С. Шевелевой [36] и Э.А. Штейнмеца [38].

Сравнение двух разновидностей представлений свидетельствует о том, что *научные* идеи характеризуются большей абстрактностью, обобщенностью, отвлеченностью, точностью формулировок и компактностью, в то время как *социальные* представления, напротив, отличаются конкретностью, наглядностью, большей свободой в использовании терминов, а также включением в них идей из разных областей зна-

ния. Это может быть объяснено разными функциями научных и социальных представлений. Научные представления направлены на поиск сущности, истины. Социальные представления нацелены на помощь субъекту в его повседневной жизнедеятельности.

Обратимся к представлениям о *бессознательном*. Аналогичным образом представим ядерно-периферические структуры научных и социальных представлений о бессознательном сначала в виде схемы, а затем в виде рис. 5, 6.

Таблица 1. Ядерно-периферическая структура научных и социальных представлений о сознании
(в % указана частота встречаемости)

	Научные представления		Социальные представления								
	Научные определения		Ассоциативный эксперимент				Рисунок		Метод определений		Толковые словари
			Прототипич. анализ		Контент-анализ						
	идея	%	идея	идея	%	идея	%	идея	%		
ЯДРО	Сознание как осознание	31,7	разум, мышление	разум, мышление	56,3	человек	51,7	разум, мышление	54,6	осознание	
	Отражение	24,4	головной мозг*	головной мозг	25,4	положительная оценка	33,9	осознание	26,7	отражение	
				человек	20,4	поведение и деятельность	24,6			адекватность	
						головной мозг	23,3			понимание	
										разум, мышление	
ЗОНА ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ	<i>Сознание как отношение и переживание</i>	<i>17,1</i>	<i>понимание</i>	<i>Другие когнитивные феномены</i>	<i>18,8</i>	<i>верхний уровень психики</i>	<i>15,0</i>	<i>понимание</i>	<i>18,3</i>		
	<i>Сознание как интеграция внутренней психической жизни</i>	<i>17,1</i>	<i>человек</i>	<i>понимание</i>	<i>15,8</i>			<i>другие когнитивные феномены</i>	<i>16,3</i>		
	<i>Высшее</i>	<i>14,6</i>	<i>философия</i>	<i>осознание</i>	<i>13,8</i>			<i>человек</i>	<i>15,8</i>		
	<i>Картина, образ мира</i>	<i>14,6</i>	<i>противоположность бессознательному</i>	<i>управление</i>	<i>13,3</i>			<i>трудность определения</i>	<i>15,0</i>		
	<i>Мышление</i>	<i>14,6</i>	<i>часть психики</i>					<i>управление</i>	<i>13,8</i>		
	<i>Сознание как функция чего-либо</i>	<i>14,6</i>	<i>осознание</i>								

ПЕРИФЕРИЯ	Другое	12,2	эмоциональные явления	знание	12,5	локализация в голове	9,2	эмоциональные явления	11,3	
	Сознание как регуляция	12,2	свойство живого	философия	12,5	осознание	4,6	мотивация	9,58	
	Знание	7,32	синоним слова «душа»	поведение и деятельность	12,1			развитие	8,75	
	Отличие психики человека	7,32	поведение и деятельность	свойство живого	10,8			адекватность	8,33	
	Общественно-историческое происхождение	7,32	адекватность	эмоциональные явления	10,4			головной мозг	7,5	
	Сознание как часть психики	7,32	знание	адекватность	10,0			свойство живого	7,5	
	Связь с речью	7,32		отражение	8,75			поведение и деятельность	6,25	
	«Функция мозга» (эмпирический индикатор)	4,88		локализация в голове	7,08			внутренний мир	5,42	
	Философия	4,88		личность	7,08					
				синоним слова «душа»	6,67					
				часть психики	5,83					

* С целью создания компактного текста и удобства чтения идеи, образующие обыденные представления о сознании свертывались до ключевого слова или словосочетания. Соответствие между ключевым словом (словосочетанием) и исходной идеей контролировалось методом экспертной оценки.

Таблица 2. Ядерно-периферическая структура научных и социальных представлений о бессознательном
(в % указана частота встречаемости)

	Научные представления				Социальные представления								
	Научные определения		Научные представления о содержании бессознательного		Ассоциативный эксперимент			Рисунок		Метод определений		Толковые словари	
					Прототипич. анализ	Контент-анализ							
	идея	%	Идея	%		идея	Идея	%	идея	%	идея	%	идея
ЯДРО	То, что не осознается*	82,4	Сильные и не одобряемые обществом чувства и желания	55,6	психоанализ	инстинкты	28,3	отрицательная оценка	43,6	неосознаваемое	26,3	неосознаваемое	
			Хранилище памяти	44,4	спонтанные реакции, рефлекссы, автоматизмы	необдуманное	22,5	человек	30,0	необдуманное	25,0	отсутствие волевого контроля	
			Восприятия малой интенсивности	44,4		спонтанные реакции, рефлекссы, автоматизмы				инстинкты	18,8		
			Примитивные потребности и инстинкты	33,3		эмоциональные явления							
			Архетипы	33,3		сон							
						психоанализ							
ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЗОНЫ	То, что не контролируется	17,7	Неосознаваемые регуляторы способов выполнения деятельности	22,2	необдуманное	Трудность определения	13,3			мотивация	12,1		
	Другое (негативные определения)	16,7	Сон	22,2	непонимание	болезнь	11,7			спонтанные реакции, рефлекссы, автоматизмы	16,7		

ПОТЕНЦИАЛЫ СОЗНАНИЯ	Позитивные определения	16,7	Воспоминания о травмирующих событиях	22,2	противоположность сознанию	отсутствие волевого контроля	11,3			связь с сознанием	14,6
			Установка	22,2						Трудность определения	12,5
			Нормы и правила поведения	22,2						эмоциональные явления	11,3
										неустойчивость термина	11,3
ПЕРИФЕРИЯ			Неосознаваемые компоненты творческой деятельности	11,1	интуиция	непонимание	10,4	неустойчивость термина	10,8	сон	10,8
			Рефлексы	11,1		нарушение общественных норм	7,50	нарушение общественных норм	6,3	непонимание	10,0
			Воспоминания, связанные с рождением	11,1		интуиция	7,08	нижний уровень психики	5,4	человек	10,0
			Мистические переживания	11,1		мотивация	6,67	мотивация	5,4	неадекватность	7,50
						забытые воспоминания	6,67			интуиция	7,50
						внутренний мир	6,67			скрытое от сознания	6,67
						отрицательная оценка	5,83			отсутствие волевого контроля	5,83
						неосознаваемое	5,42			отрицательная оценка	5,83
						смерть	5,42			болезнь	5,83
						связь с сознанием	4,58			стресс	5,83
										забытые воспоминания	5,00
									психоанализ	4,58	

* С целью создания компактного текста и, удобства чтения идеи, образующие обыденные представления о бессознательном, свертывались до ключевого слова или словосочетания. Соответствие между ключевым словом (словосочетанием) и исходной идеей контролировалось методом экспертной оценки.

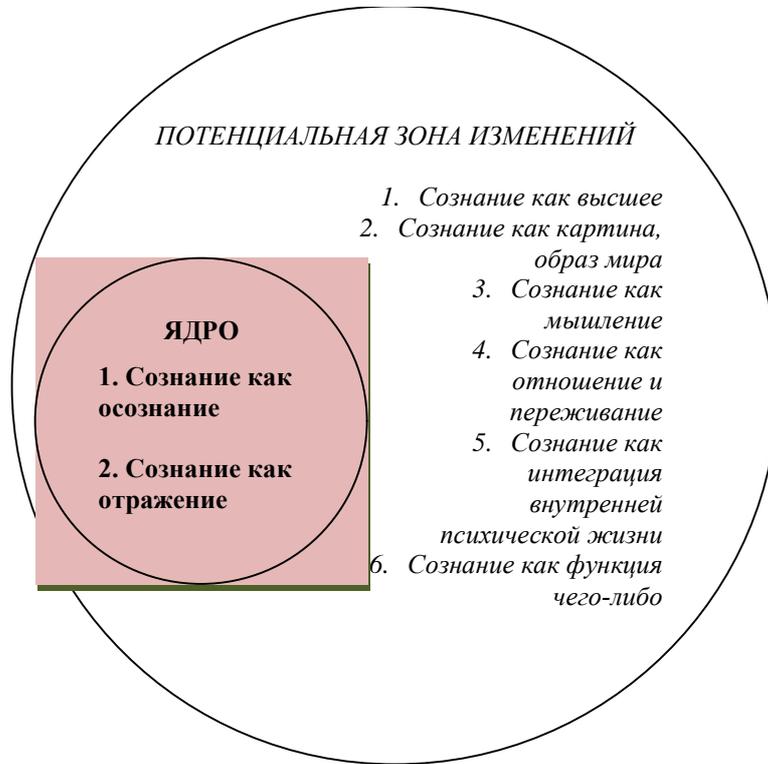

Рис. 1. Научные представления о сознании

Рис. 2. Социальные представления о сознании

Рис. 3. Графическое сопоставление ядерных зон научных и социальных представлений о сознании

Рис. 4. Графическое сопоставление потенциальных зон изменений научных и социальных представлений о сознании

Рис 5. Научные представления о бессознательном

Рис 6. Социальные представления о бессознательном

Рис. 7. Графическое сопоставление ядерных зон научных и социальных представлений о бессознательном

Результаты анализа свидетельствуют о том, что ядро *научных* представлений о бессознательном включает меньшее количество идей и более компактно, чем ядро *социальных* представлений. Обнаруживается ряд общих для *научных* и социальных представлений о бессознательном идей. Как следует из схемы и рисунков, и в науке, и в обыденном сознании бессознательное определяется преимущественно негативно. Заметим, что в социальных представлениях бессознательное описывается через отрицание идей, высказанных в определениях сознания.

Сравнение центрального ядра и потенциальной зоны изменений научных и социальных представлений о бессознательном (см. рис. 7) свидетельствует о том, что общими для ядра и потенциальной зоны изменений научных и социальных представлений являются идеи о включении в бессознательную сферу инстинктов, сна и автоматизмов.

Из собственно периферической зоны *научных* представлений о бессознательном в ядро *социальных* представлений проникает идея о

рефлексях как элементах бессознательной сферы. Этот факт говорит о том, что уровень «разделяемости» идей (термин Т.П. Емельяновой [15]) в группе ученых и в студенческой группе различается.

Сравнение также показывает, что в ядре *социальных* представлений о бессознательном не содержится идей, не вошедших в ядерно-периферическую структуру *научных* представлений о бессознательном.

Ряд идей, попавших в ядро и потенциальную зону изменений *научных* представлений о бессознательном, не нашел поддержки в обыденном сознании. Это идея о том, что бессознательное может быть определено положительно, а также идеи относительно феноменов бессознательной сферы, таких как хранилище памяти, восприятия малой интенсивности, архетипы, воспоминания о травмирующих событиях, установка, нормы и правила поведения.

Для *социальных* представлений о бессознательном характерно наличие идей, описывающих разные частные стороны феномена. Этот факт говорит в пользу большей конкретности

социальных представлений. Анализируя состав социальных представлений о бессознательном, можно также говорить об их нацеленности на удовлетворение повседневных нужд и потребностей субъекта.

Соотнесем полученные результаты с опи-

санными в литературе этапами, которые проходит научная идея при трансформации в социальные представления. Из табл. 3 видно, что социальные представления о сознании обнаруживают элементы, свидетельствующие о втором, третьем и четвертом этапах объективации.

Таблица 3. Этапы трансформации научных идей в социальные представления

Этапы объективации	Идея сознания	Идея бессознательного
1. Персонификация научных знаний и феноменов	Хотя пять процентов испытуемых в ассоциациях к слову «сознание» называют имя З.Фрейда, мы считаем, что этот этап имел место далеко в прошлом, и поэтому имена ученых, разработавших это понятие, уже растворились в культуре и исчезли из состава социальных представлений.	Проявляется в упоминании имен З.Фрейда и К.Юнга в данных ассоциативного эксперимента (13,75%) и метода определений. Это говорит о проникновении идей психоанализа в обыденное сознание. Напомним, что в нашей стране психоанализ длительное время был под запретом. С другой стороны, несмотря на относительно частое употребление понятия рефлексов, в связи с бессознательным имя И.П. Павлова фактически не встречается. Следовательно, идея рефлексов уже выросла в сознание непрофессионалов.
2. Отбор и исключение из контекста отдельных элементов научной теории (явления)	Не все научные идеи представлены в обыденном сознании. Кроме того, одни научные идеи выросли в социальные представления, а другие встречаются достаточно редко.	Лишь половина научных идей, описывающих содержание бессознательного, представлена в обыденном сознании. Остальные либо еще не проникли в обыденное сознание, либо не оцениваются как полезные в повседневной деятельности. Кроме того, одни научные идеи «выросли» в социальные представления (например, «инстинкты»), а другие встречаются достаточно редко (например, «хранилище памяти»).
3. «Формирование фигуративной схемы», «образного ядра»	Наличие образных, наглядных элементов: мозг, человек, объекты верхнего мира (солнце, небо, облака и др.) и т.д. с высокой частотой встречаемости.	Наличие образных, наглядных элементов: объекты нижнего мира (почва, тьма, бес и др.), человек, бутылка (нарушение социальных норм), кровать и т.д. — с высокой частотой встречаемости.
4. «Натурализация», «онтизация» «фигуративной схемы» и составляющих ее элементов, т.е. «придание образу материальной плотности» [74, с. 113].	К примеру, такие суждения, как «сознание может иногда кричать, что будет беда», «сознание может управлять нашими мыслями, чувствами, поступками», «сознание руководит внутренне мозгом», свидетельствуют о том, что здравый смысл оперирует элементами «фигуративной схемы» как «вещественными природными объектами».	Не представляется возможным говорить об этом этапе, так как само слово «бессознательное» не получило еще должного закрепления в русском языке и поэтому не может рассматриваться как «вещественный, природный объект»

Первый этап трансформации был достаточно давно, поэтому имена ученых, разработавших это понятие, уже растворились в культуре и исчезли из состава социальных представлений. Социальные представления о бессознательном включают в себя элементы, относящиеся к первому, второму и третьему этапам объективации. Говорить о четвертом этапе трансформации научных идей в социальные представления не представляется возможным, так как само слово «бессознательное» не получило еще должного закрепления в русском языке и поэтому не может рассматриваться как «вещественный, природный объект». Таким образом, по результатам нашего исследования можно сделать следующие выводы:

1. Реконструирована характерная для современной российской культуры и присущая таким ее носителям, как активно работающие ученые-психологи и студенты, ядерно-периферическая структура научных и социальных представлений о сознании и бессознательном. Все идеи, образующие центральное ядро *научных* представлений о сознании, проникают в трансформированном виде в ядерную зону *социальных* представлений. Центральное ядро научных и социальных представлений о бессознательном образовано большим количеством идей, чем в представлениях о сознании. Это свидетельствует о том, что представления о сознании характеризуются большей устойчивостью, стабильностью, чем представления о бессознательном.

2. В *социальных* представлениях о сознании преобладают феномены, описывающие познавательную активность субъекта.

3. Неявным основанием для формирования представлений о бессознательном являются представления о сознании. Представления о бес-

сознательном выстраиваются как отрицание идей, высказанных в представлениях о сознании.

4. В ядро *социальных* представлений о сознании и бессознательном попадают идеи из неядерной части *научных* представлений об этих феноменах. Другими словами, частота встречаемости одних и тех же идей в научных и социальных представлениях различна.

5. В ядерной зоне *социальных* представлений о сознании содержится ряд самостоятельных, не вошедших в научные определения, идей относительно рассматриваемого феномена, что позволяет говорить о том, что представление о сознании превратилось в самостоятельную, автономную сущность, феномен, наделенный собственным бытием.

6. Показано, что в ядре *социальных* представлений о бессознательном не содержится идей, не вошедших в *научные* представления. Таким образом, научные и социальные представления о бессознательном обнаруживают большее сходство, чем научные и социальные представления о сознании.

7. В социальных представлениях о сознании обнаружены элементы, свидетельствующие о *четвертом* этапе объективации, по С.Московичи. В то же время в социальных представлениях о бессознательном содержатся элементы, подтверждающие лишь наличие *третьего* этапа объективации.

8. Потенциальная зона изменений, играющая важную роль в адаптации представлений к меняющемуся контексту, в *социальных* представлениях о сознании включает большее количество идей, заимствованных из науки и наполненных конкретным содержанием, чем потенциальная зона *социальных* представлений о бессознательном. Это свидетельствует о большей устойчивости социальных представлений о

сознании, о большей способности к адаптации в новых условиях.

9. В целом, различия научных и обыденных представлений о сознании и бессознательном связаны с тем, что *научные* представления носят более обобщенный и абстрактный характер, предъявляют более строгие требования к использованию терминов, к соблюдению логических законов. *Обыденные* представления характеризуются большей конкретностью, наглядностью, свободой в использовании терминов, включением фрагментов из разных областей знания. Данные различия научных и социальных представлений обусловлены разными функциями этих представлений. *Научные* представления нацелены на поиск сущности изучаемого явления, объективной истины, а *социальные* представления направлены на обслуживание «повседневных» потребностей человека.

Список литературы

1. *Абульханова К.А.* Сознание как жизненная способность личности // Психол. журн. 2009. Т.30, № 1. С. 32-43.
2. *Агафонов А.Ю.* Основы смысловой теории сознания/ СПб.: Изд-во «Речь», 2003. 296 с.
3. *Акопов Г.В.* Проблема сознания в российской психологии: учеб. пособие / Г.В.Акопов. М.: Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та; — Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. 232 с. (Сер. «Биб-ка психолога»).
4. *Аллахвердов В. М.* Сознание как парадокс (экспериментальная психологика). СПб.: «Издательство ДНК», 2000. Т. 1.
5. *Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии/ М.: Смысл, 2002.
6. *Бехтерев В.М.* Сознание и его границы // *Бехтерев В.М.* Избранные труды по психологии личности: в 2 т. Т. 1. Психика и жизнь / под ред. Г.С. Никифорова, Л.А. Коростылевой. СПб.: Алетейя, 1999. С. 203-222.
7. *Бовина И.Б., Драгульская Л.Ю.* Представления студентов о науке и об ученом // *Вопр. психол.* 2006. № 6. С. 73-85.
8. *Брушлинский А.В.* Социальная психология в России и теория Сержа Московичи // Предисловие к кн. С. Московичи «Век толп». М., 1998.
9. *Васильюк Ф.Е.* Понимающая психотерапия как психотехническая система: автореф. дисс.... д-ра психол. наук. М., 2007.
10. *Вахрушева А.С.* Вербальное опосредование в становлении предметного сознания: дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2003.
11. *Вундт В.* Сознание и внимание // Вундт В. Введение в психологию. СПб.: Питер, 2002. 128 с.
12. *Ганзен В.А.* Системные описания в психологии/ Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 176 с.
13. *Гроф С.* Путешествие в поисках себя/ М.: Ин-т трансперсональной психологии; Изд-во Ин-та психотерапии, 2001. 336 с.
14. *Джемс У.* Поток сознания // Психология сознания/ сост. и общ. ред. Л.В. Куликова. СПб., 2001. С. 8-19.
15. *Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества/ М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. 400 с.
16. *Емельянова Т.П.* Социальные представления — понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психол. журн. 2001. № 6. С. 39-47.
17. *Ждан А.Н.* История психологии: от античности к современности: учебник для студентов психологических факультетов университетов. Изд. 3-е, испр. М.: Педагогическое общество России, 2002. 512 с.
18. *Зинченко В.П.* Миры сознания и структура сознания // Психология сознания/ Сост. и общ. ред. Л.В. Куликова. СПб., 2001. с. 149 — 162.
19. *Левченко Е.В.* Психоанализ и психологическое знание: динамика отображений психоанализа в отечественных учебниках психологии// Психология будущего: материалы межвуз. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения З. Фрейда / под ред. Е.В. Левченко. Пермь, 2008. С. 3-21.
20. *Лейбниц Г.-В.* Монадология // Сочинения: в 4т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. Т.1. 636 с. (Филос. наследие. Т. 85). С.413-429.
21. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность / М.: Политиздат, 1975. 304 с.
22. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии /отв. ред. Ю.М. Забродин, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1984. 444 с.
23. *Лурия А.Р.* Язык и сознание/ под ред. Е.Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.

24. *Мясищев В.Н.* Сознание как единство отражения действительности и отношений к ней человека // Психология сознания / сост. и общ. ред. Л.В. Куликова. СПб., 2001. С. 56-63.
25. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70 000 слов/ под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1989.
26. *Пархоменко О.Г.* ИмPLICITные теории интеллекта студентов педагогического университета: дис....канд. психол. наук / М., 2003.
27. *Платонов К.К.* О системе психологии. М.: Мысль, 1972. С. 84-100.
28. *Подругина В.В.* Ментальные репрезентации базовых эмоций: дисс.... канд. психол. наук. М. 2003.
29. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 328 с.
30. *Савина Е.А.* Особенности представлений детей 5-10 лет о душе // Вопр. психол. 1995. № 3. С. 21-28.
31. *Симонов П.В.* О двух разновидностях неосознаваемого психического: под- и сверхсознании // Психология сознания/ сост. и общ. ред. Л.В. Куликова. СПб., 2001. С. 137-148.
32. *Ситников В.Л.* Психология образа ребенка: в сознании субъектов педагогического процесса: дисс.... д-ра психол. наук. М., 2003.
33. *Субботский Е.В.* Представление ребенка о соотношении телесных и психических явлений // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1985. № 2. С. 38-50.
34. *Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования. М.: Наука, 1966.
35. *Фрейд З.* Основные психологические теории в психоанализе/ З. Фрейд: Пер М.В. Вульф, А.А. Спектор. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. — 400 с.
36. *Шевелева М.С.* Психика и явления психики: Представленность в мышлении: дис.... канд. психол. наук. М., 2003.
37. *Шевченко О.Ю.* Учебно-профессиональная установка в структуре профессионального сознания студентов вузов: дисс.... канд. психол. наук. М., 2003.
38. *Штейнмец Э.А.* Донаучные представления студентов-психологов в контексте преподавания психологии // Вопросы психологии. 2000. № 4. С. 124-132.
39. *Юнг К.Г.* Личное и сверхличное, или коллективное бессознательное // Юнг К.Г. Психология бессознательного. М., 1993.
40. *Ясперс К.* Сознание и бессознательное. Флюктуации сознания // Психология сознания / сост. и общ. ред. Л.В. Куликова. СПб., 2001. С. 225-241.
41. *Kruglanski, A.W.* Implicit theory of personality as a theory of personality // Social psychology: handbook of basic principles. 2nd ed. N. Y., 2007.
42. *Moscovici S.* La psychanalyse, son image et son public. P.: PUF, 1961.
43. *Searle, J.R.* Minds, Brains, and Programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. 3. P. 417-457.
44. *Sobel D.M.* Children's knowledge of the relation between intentional action and pretending // Cognitive Development. 2007.V. 22. Issue 1. P. 130-141.

COMPARISON OF SCIENTIFIC AND STUDENTS' REPRESENTATIONS OF CONSCIOUSNESS

E.V. Levchenko, A.G. Prodovikova

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The paper presents findings of study of students' representations of consciousness and unconsciousness. The authors expose range of ideas in science and in common sense, formed representations of consciousness and unconsciousness. They compare the content of scientific and social (lay) representations of consciousness and unconsciousness. The author discovered similarities and distinctions of scientific and students' representations. *Keywords:* common cognition of mind; social representations; scientific representations of consciousness and unconsciousness; students' representations of consciousness and unconsciousness.

УДК

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ

А.Ю. Бергфельд

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, Букирева, 15
e-mail: bergfeld@yandex.ru

Обсуждается идея изучения эмоционального опыта как интегрального образования посредством исследования рефлексивных возможностей субъекта, используемых им в проработке эмоциональных явлений. Ставится проблема определения понятийного статуса эмоционального опыта в психологии эмоций. На основе теоретического анализа рассматривается содержание конструкта «эмоциональный опыт».

Ключевые слова: эмоциональный опыт, эмоциональная память, эмоциональный интеллект, имплицитные теории эмоций, ментальная репрезентация эмоций.

1. Проблема исследования

Психологические проблемы, связанные с областью эмоциональных явлений, были и остаются предметом многочисленных исследований. Определяя круг психических явлений, относящихся к разряду эмоциональных, ученые используют достаточно разнообразную терминологию: эмоции и чувства, эмоциональные состояния, эмоциональные переживания, эмоциональная сфера, эмоциональные процессы, эмоциональные реакции, эмоциональные свойства и т.п. Несмотря на отмеченное разнообразие понятий, в современной научной литературе под эмоциональными явлениями понимается некий теоретический конструкт, который выводится из набора показателей и их взаимосвязей, что, в свою очередь, приводит к фрагментарному изучению отдельных проявлений эмоционального мира человека.

Между тем с точки зрения здравого смысла очевидно существование эмоциональных яв-

ний не в качестве абстрактного конструкта, но как непосредственно данной субъекту реальности. Для не искушенного научным знанием субъекта содержательность определений эмоций оказывается зависящей от степени усвоения абстрактных категорий психологии эмоций, а не от глубины проработки им внутреннего опыта.

Указанное противоречие, существующее в научном и обыденном познании эмоциональных явлений, побуждает нас обратиться к изучению феноменологии эмоционального опыта. В эмпирическом исследовании проблемы восприятия эмоциональных явлений [1] было выявлено значительное многообразие понятий, которые использует человек в стремлении категоризовать эмоции, т.е. каким-то образом их систематизировать. Это приводит к мысли о том, что в сознании субъекта психические явления выступают как достояние его интегрального эмоционального опыта. Поэтому мы стре-

мимся изучить эмоциональный опыт как интегральное образование — в непосредственной данности его субъекту-носителю, через исследование рефлексивных возможностей, которые он использует в проработке эмоциональных явлений в себе и Другом. Кроме того, нас интересует, как осуществляется процесс познания эмоционального опыта в слабо осознаваемой или неосознаваемой сфере психического.

В настоящей статье нами актуализируется идея о возможности разработки новой исследовательской области знания в рамках психологии познания в области психологии [5] — «психология эмоционального опыта». На настоящем этапе исследования нами прорабатывается проблема специфики этой исследовательской области, в отличие от исследований, предметом которых является эмоциональный интеллект, имплицитные теории эмоций, ментальная репрезентация эмоций, определяется содержание конструкта «эмоциональный опыт».

* * *

Изначально при изучении заявленной проблемы мы обратились к анализу понятия «опыт» с целью определения смысловых единиц, являющихся необходимыми и достаточными для определения конструкта «эмоциональный опыт». Наиболее очевидны и в то же время важны две черты проблемы опыта. Во-первых, многовековая ее история, во многом совпадающая с развитием представлений человека о мире и о себе и, следовательно, имеющая теснейшие гносеологические связи с философским знанием. Во-вторых, ее комплексный характер, проявляющийся в междисциплинарном статусе и широчайшем спектре собственно психологических направлений ее разработки.

Так, в Малом энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона опыт определя-

ется, с одной стороны, как отдельные состояния сознания, переживаемые субъектом, с другой — как совокупность таких состояний у единичных людей и всего человечества [12].

Опыт является первичным источником знаний, дающим материал для познания. Различают внешний и внутренний опыт. При этом то, что испытывается посредством органов чувств, относится к внешнему опыту. То, что не определяется органами чувств, например, желания, чувствования, размышления человека, традиционно относят к опыту внутреннему.

Можно заметить, что в данной трактовке эмоциональные явления как феномены психики по сути и являются внутренним опытом. Таким образом, есть основания полагать, что именно в этом значении большинство исследователей использует понятие «эмоциональный опыт» и именно этим фактом объясняется отсутствие его определения в современной отечественной психологии.

Кроме того, в вышеуказанном контексте становится очевидным, что эмоциональный опыт как совокупность эмоциональных переживаний, с одной стороны, репрезентируется в сознании отдельного субъекта и испытывается им, с другой стороны, является достоянием всего человечества и передается, а также формируется в процессе освоения языка эмоций в онтогенезе.

Далее, в Большой советской энциклопедии «опыт» определяется через категорию «чувственно-эмпирическое познание действительности», как единство знаний, умений и навыков [4].

Эта трактовка соотносима с тем, как понятие «опыт» представлено в истории философии, в первую очередь в воззрениях представителей материалистического (Ф.Бэкон, Т.Гоббс, Дж. Локк, Д.Дидро, К. Гельвеций) и идеалисти-

ческого эмпиризма (Дж. Беркли, Д. Юм). Известно, что сторонники идеалистического эмпиризма ограничивали опыт совокупностью ощущений и восприятий, отрицая, что в его основе лежит объективная реальность, и признавали единственной реальностью субъективный опыт. Материалистический эмпиризм исходил из того, что источником опыта является материальный мир.

В противоположность эмпиризму представители рационализма (Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. Лейбниц) полагали, что логическое мышление не может базироваться на опыте, т.к. он даёт неясное, смутное знание, приводящее к заблуждениям, и считали, что разум обладает способностью постигать истину непосредственно, минуя чувственно-эмпирический уровень познания.

Диалектический материализм рассматривал опыт как производное объективной реальности. Опыт — это процесс активного, преобразующего воздействия человека на внешний мир, и в то же время результат этого воздействия в виде знаний и умений. Понятие опыта по существу совпадает с категориями «эксперимент», «наблюдение». На их основе формируется опыт как результат познания, включая совокупность исторически сложившихся знаний.

Таким образом, в истории философии дискуссии вокруг понятия «опыт» сводились к утверждению либо опровержению идеи о субъективности опыта и анализу проблемы взаимодействия субъекта и объекта в процессе познания действительности.

В современной психологии термин «опыт» является недостаточно четко определенным как концептуально, так и в эмпирических исследованиях. Не случайно в большинстве современных словарей и учебников по психологии отсутствует определение данной категории.

Опыт — это способ познания действительности, основанный на его непосредственном, чувственном практическом освоении. Опыт служит важным источником информации как об объективном мире, так и о психической жизни субъекта. В психологии понятие опыта приобрело особые признаки в связи с представлением о том, что ее предметом служит сознание как сфера, явления которой могут быть постигнуты только в качестве непосредственных данных самоопределения субъекта. Это воззрение под именем внутреннего опыта легло в основу интроспективной психологии. В случае ухода в область интроспективной психологии речь идет не об опыте, а о внутреннем опыте.

Со времен В.Вундта в психологии активно используется понятие внутреннего опыта, и именно он определил психологию как «науку о внутреннем опыте». Согласно этому определению, психические процессы принадлежат особого рода опыту, который отличается, прежде всего, тем, что его предметы даны «самонаблюдению» или, как называют это последнее, в противоположность восприятию через внешние чувства, «внутреннему» чувству [5]. Каждый опыт расчленяется непосредственно на два фактора: на содержание, данное человеку, и на способ его восприятия этого содержания.

В современной психологии обращение к категории опыта встречается в исследованиях интеллекта и мышления.

Так, Д.Н.Завалишина оперирует категорией «опыт» при характеристике интеллекта взрослого человека. По ее мнению, «опыт человека перестает выступать как второстепенный компонент интеллекта..., но скорее становится его ведущим компонентом, потенциальным резервуаром новых операциональных и предметных знаний, зачастую всплывающих в затрудненных условиях деятельности в виде ... неинстру-

ментальных сигналов и интуитивных механизмов» [7, С.111].

Е.И. Горбачева считает возможным обратиться к изучению опыта субъекта в контексте изучения мышления. Специфические структуры, организующие опыт — мыслительные стереотипы — задают предметную ориентацию мышления, т.е. обуславливают специфическую избирательность, рецептивность субъекта по отношению к вполне определенным сторонам окружающей действительности, и, в конечном счете, определяют то, что обычно обозначается как «склад ума» [6]. Однако следует отметить, что в психологии мышления опыт рассматривается как пассивное, статичное психическое образование, лежащее в основе репродуктивных форм психической активности. В этом смысле опыт является источником некоторых шаблонов, стереотипных схем умственных действий, применяемых человеком при решении привычных задач.

Опыт рассматривается и как совокупность представлений, схем мышления, присущих обыденному сознанию, который находится в противоречии с научным знанием. В этой связи устойчиво употребляют понятие «житейский опыт». Таким образом, либо субъект становится носителем нескольких видов опыта, либо научные знания не являются формой его опыта, а существуют сами по себе. По оценке Е.Ю. Савина, необходимо иметь в виду, что даже житейский, стихийно формируемый опыт все же содержит в себе некие обобщенные способы объяснения эмпирически наблюдаемых явлений [10].

Второй подход к рассмотрению понятия «опыт» связан с изучением профессионального опыта в концепции практического мышления (Конева, 2003, Корнилов, 2004). Опыт рассматривается как основание практического мышле-

ния, характеризуется как единство вербализованного и невербализованного знания. Основная роль отводится метакогнитивным составляющим опыта, которые могут выступать как стереотипы профессиональной деятельности.

И наконец, категория опыта рассматривается в концепции ментального опыта М.А. Холодной как основы интеллекта. Ментальный опыт представлен тремя уровнями: когнитивный опыт, который включает в себя структуры, которые отвечают за переработку информации (способы кодирования информации, когнитивные схемы, семантические структуры и понятийные психические структуры); метакогнитивный уровень, в который входят умственные образования, позволяющие осуществлять произвольную и непроизвольную регуляцию собственной интеллектуальной деятельности; интенциональный опыт, который включает в себя ментальные структуры, которые лежат в основе индивидуальных интеллектуальных склонностей (в виде предпочтений, убеждений, умонастроений). Опыт субъекта — это «и фиксированные формы опыта (то, что человек усвоил в прошлом), и оперативные формы опыта (то, что происходит в ментальном опыте этого человека в настоящем), и потенциальные формы опыта (то, что появится в его ментальном опыте в качестве новообразований в ближайшем или отдаленном будущем)» [11, С.82-83].

Таким образом, степень конкретизации и способ рассмотрения опыта субъекта в психологических концепциях различны. Однако важно отметить, что ключевое место субъектному опыту отводят именно как фактору, определяющему интеллектуальное поведение субъекта, но не эмоциональное. Чаще всего когнитивный (ментальный) опыт соотносят с рефлексивными возможностями субъекта, а эмоциональный опыт отождествляют с внутренним

опытом, рефлексивный компонент которого остается без должного внимания исследователей.

Развертывание исследований проблемы опыта в указанных (а также в иных) направлениях определяет две основные особенности ее современного состояния.

С одной стороны, сформулирован ряд объяснительных концепций в области проблем когнитивного (ментального) опыта и получены эмпирические данные в подтверждение таковых. С другой — по мере развития этих представлений все отчетливее проявляется уход от исследований, предметом которых являются различные аспекты эмоционального опыта. Кроме того, сохраняется доминирование так называемого абстрактно-философского подхода к исследованию проблемы опыта над конкретно-научным.

В связи с вышеуказанным предмет нашего исследования — эмоциональный опыт — не исследуется в современной психологии ни в гносеологическом аспекте, ни в качестве онтологически представленной и обладающей системой собственных закономерностей психической реальности.

Еще более принципиально то, что эмоциональный опыт характеризуется достаточно явно выраженной неопределенностью своего понятийного статуса и места в системе таких понятий, как: эмоциональная память, эмоциональный интеллект, имплицитные теории эмоций, ментальная репрезентация эмоций. Конструкт «эмоциональный опыт» недостаточно четко осмыслен с точки зрения качественной определенности и специфики.

Наконец, источником принципиальных методологических трудностей осмысления эмоционального опыта выступает дефицит эмпирических и экспериментальных методов его изучения.

Напомним, что изучение природы эмоционального опыта видится нам возможным, с одной стороны, через исследование характера рефлексивной проработки человеком эмоциональных явлений в себе и Другом, с другой стороны, через изучение процесса познания эмоционального опыта в слабо осознаваемой или неосознаваемой сфере психического. Определим понятийный статус конструкта «эмоциональный опыт».

2. Понятийный статус эмоционального опыта в психологии эмоций

Эмоциональная память и эмоциональный опыт
Рассматривая особенности аффектов, А.Н. Леонтьев указывал на то, что одной из особенностей этих эмоциональных явлений является возможность их возникновения в ответ на уже фактически наступившую ситуацию, что приводит к образованию специфического опыта — аффективных следов. Смысл их заключается в том, что человек, мысленно возвращаясь к событию, вызвавшему состояние аффекта, переживает аналогичные эмоции. Сохранение аффективных следов возможно в силу действия механизмов памяти.

Эмоциональный опыт и эмоциональная память не являются тождественными понятийными категориями в нашем понимании.

В понятии эмоциональной памяти «присутствует указание» на феномен сохранения в памяти субъективного отношения к запечатлеваемой информации. Такое запечатление свидетельствует об эмоциональном восприятии информации.

Эмоциональная память включает в себя не только память о самом состоянии аффекта, но и о системе запуска, т.е. о ситуации, обусловившей его возникновение (Громова, 1980). Таким образом, эмоциональная память — это способность воспроизводить пережитое ранее эмо-

циональное состояние в комплексе с воспоминанием о вызвавшей его ситуации и субъективным отношением к ней.

Эмоциональная память определяется как явление воспроизведения определенного эмоционального состояния при повторном воздействии той ситуации, в которой данное эмоциональное состояние возникло впервые.

На основе такого понимания конструкта «эмоциональная память» есть основания утверждать, что благодаря памяти происходит закрепление эмоциональных явлений в субъективном опыте. Однако эмоциональный опыт не следует отождествлять с памятью на эмоции и чувства или способностью воспроизводить пережитые ранее эмоциональные явления.

Эмоциональный опыт — интегральное психическое образование, доступное рефлексии в актуальном времени, однако в его содержание включаются и слабо рефлекслируемые или неосознаваемые формы организации знаний об эмоциональных явлениях, система неявных представлений о них. Содержание эмоционального опыта может быть отнесено как к прошлому, так и будущему.

ИмPLICITНЫЕ ТЕОРИИ ЭМОЦИЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ

В исследовании природы эмоционального опыта мы используем эмпирический материал, который получаем при изучении имPLICITНЫХ представлений о нем. Кроме того, полагаем, что имPLICITНЫЕ теории эмоций — это не только система категорий (или поле значений), посредством которой человек познает эмоциональный опыт, но и слабо рефлекслируемые или неосознаваемые формы организации знаний об эмоциональных явлениях, система неявных представлений, допущений, положений о них (Минева, Лидерс, 2007).

Таким образом, имPLICITНЫЕ теории эмоций, с одной стороны, включены в содержание эмоционального опыта. Эмоциональный опыт является отправным моментом в построении имPLICITНЫХ теорий эмоций, поскольку в нем фиксируются пережитые эмоции и чувства, опыт эмоциональных отношений, эмоционального взаимодействия с другими людьми.

С другой стороны, имPLICITНЫЕ теории эмоций можно рассматривать и как механизмы обработки эмоционального опыта. Они используются, чтобы осознать или интерпретировать эмоциональный опыт в себе и Другом.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Конструкт «эмоциональный интеллект» достаточно активно используется в современной психологии. По сути, в этом понятии зафиксирована идея о том, что эмоциональный опыт можно рассматривать как определенную сферу интеллекта.

В работах P.Salovey, J.Mayer (1990) этот конструкт раскрывается как состоящий из трех категорий адаптивных способностей: 1) *выражение эмоций* (компоненты — выразительность собственных эмоциональных переживаний, адекватное выражение эмоций, осознание своих эмоций и чувств, восприятие и понимание эмоций других людей, эмпатия); 2) *способность к эмоциональной регуляции* (управление своими и чужими эмоциональными переживаниями); 3) *возможности практического использования эмоций* (гибкость при планировании, возможность перенести опыт, полученный в одной ситуации на другую, творческий подход к решению проблем). Феномен эмоционального интеллекта тесно связан с социальным и когнитивным функционированием личности.

При изучении эмоционального интеллекта исследователь получает информацию об уровне развития у личности адаптивных способностей к пониманию своих и чужих эмоций, однако не имеет возможности исследовать содержание эмоционального опыта как психической реальности. Кроме того, исследователь не находит и ответа на вопрос о том, как осуществляется процесс познания субъектом эмоционального опыта в себе и Другом. Как следствие, за «кадром» исследования остаются механизмы, средства и способы познания эмоционального опыта, которые также включены в содержание последнего.

Ментальная репрезентация эмоций и эмоциональный опыт

Проблема осознания эмоциональных явлений в современной психологии рассматривается как проблема их ментальной репрезентации.

Термин «репрезентация» («representation») буквально переводится как «изображение, образ, представление». С одной стороны, «ментальная репрезентация» служит для обозначения субъективного опыта, описывает феноменологию переживаний человека, а с другой — выступает в качестве объяснительного понятия, связанного с попыткой выделения различных интрапсихических структур и их взаимосвязей.

В рамках когнитивного подхода изучают структуры и организации ментальных репрезентаций во взаимосвязи с когнитивными процессами, в том числе процессами символизации. Ментальные репрезентации рассматриваются в качестве результата действия когнитивных процессов, с одной стороны, и сами являются способом организации знаний о мире, с другой стороны (Frake, 1961; Cicourel, 1974).

Таким образом, в рамках когнитивной психологии при исследовании ментальных репрезентаций особый акцент делается на анализе

структуры, организации ментальных репрезентаций, их взаимосвязях с когнитивными процессами, подчеркивается роль символизации и означивания в их построении.

В исследованиях ментальных репрезентаций эмоций преимущественно рассматриваются вопросы, связанные с изучением образных, динамических и пространственных характеристик ментальной представленности базовых эмоций у лиц разных возрастов. Исследуются также содержательные и структурные характеристики ментальных репрезентаций эмоций через анализ категориальных и пространственных показателей базовых эмоций (Подпругина, Блинникова, 2002; Филимонцева, 2007). Ментальные репрезентации эмоций изучаются и в общей системе репрезентаций психических состояний.

Таким образом, современные исследования, касающиеся проблемы ментальной репрезентации эмоций, затрагивают в основном базовые эмоции. Очевидно, что в содержание эмоционального опыта входят не только базовые эмоции и представления о них.

Ментальная репрезентация эмоций выступает в нашем понимании как обобщенный способ организации знаний об эмоциональном опыте.

3. Содержание конструкта «эмоциональный опыт»

Итак, эмоциональный опыт — это целостное образование, интегрирующее в себе различные типы психических структур и временные слои.

Следуя концепциям ментального опыта М.А. Холодной, субъектного опыта И.С. Якиманской и ссылаясь на результаты пилотажного исследования представлений студентов-психологов об эмоциональном опыте [1], резю-

мируем, что в содержание эмоционального опыта входят:

1. Эмоциональные явления различной модальности, переживаемые и рефлекслируемые субъектом в актуальном времени (оперативная форма существования эмоционального опыта).

2. Эмоциональная память как основа построения имплицитных теорий эмоций (фиксированная форма существования эмоционального опыта).

3. Имплицитные теории эмоций как механизмы обработки эмоционального опыта (фиксированная форма существования эмоционального опыта).

4. Установки и стереотипы как механизмы познания эмоционального опыта (фиксированная форма существования эмоционального опыта).

5. Образы и понятия (формы отражения эмоционального опыта).

6. Способы вербального и невербального выражения эмоционального опыта.

7. Обобщенные способы объяснения (интерпретации) эмоционального опыта.

8. Интересоскопический и экстероскопический типы познания эмоциональных явлений [2].

9. Умения и навыки управления эмоциями и чувствами в себе и Другом (фиксированная и потенциальная формы существования эмоционального опыта).

Определение указанных выше составляющих эмоционального опыта на данном этапе исследования осуществлялось преимущественно на основе теоретического анализа. Каждая из этих составляющих рассматривается нами как самостоятельная область для исследований на перспективу.

* * *

Эмоциональные явления в современной психологии преимущественно изучаются как отдельные проявления эмоционального мира человека. В то же время в сознании человека они являются ему как субъективно переживаемая реальность, как его эмоциональный опыт.

Изучить природу эмоционального опыта как интегрального образования в непосредственной данности его субъекту-носителю возможно через анализ рефлексивных возможностей, которые субъект использует в проработке эмоциональных явлений в себе и Другом. Данная проблема выступает в качестве предмета изучения в рамках исследовательской области «психология эмоционального опыта».

Определение понятийного статуса конструкта «эмоциональный опыт» в психологии эмоций показало неправомерность его рудификации к таким феноменам, как эмоциональная память, эмоциональный интеллект, имплицитные теории эмоций, а также ментальная репрезентация эмоций.

На уровне теоретического анализа определено содержание эмоционального опыта, в составе которого выделяются формы его существования, отражения и выражения. Кроме того, в содержание эмоционального опыта включены и способы объяснения эмоционального опыта, а также типы познания.

Список литературы

1. Бергфельд А.Ю. Представления об эмоциональном опыте у начинающих психологов//Психологическое познание: актуальные проблемы: материалы Междунар. науч.-практ. конф./под ред. Е.В. Левченко, А.Ю. Бергфельд; Перм.гос. ун-т. Пермь, 2008. С. 53-58.
2. Бергфельд А.Ю. Феноменология познания эмоциональных явлений// Вестник Пермского университета. Серия Психология. 2009. Вып. 2 (28). С. 97 — 117.
3. Вундт В. Очерки психологии. М.: Моск. книгоиздательство, 1912.

4. *Завалишина Д.Н.* Психологический анализ оперативного мышления. М.: Наука, 1985.
 5. *Левченко Е.В.* Психология познания в области психологии// Экспериментальная и прикладная психология. Вып. 14. Актуальные проблемы психологической теории и практика/под ред. А.А. Крылова. СПб.: СПбГУ, 1995.С. 30-38.
 6. Опыт // Психологический словарь. Мир психологии. [Электронный ресурс] URL: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=604>, свободный.
 7. *Савин Е.Ю.* Понятийный и метакогнитивный опыт как основа интеллектуальной компетентности: автореф....дис. канд.наук. М., 2002.
 8. *Холодная М.А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб., 2002.
 9. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И.А. Ефрона. [Электронный ресурс] URL: <http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedic-dictionary>, свободный.
-

EMOTIONAL EXPERIENCE AS THEORETICAL CONSTRUCT

A.U. Bergfeld

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The idea of studying of emotional experience as integrated formation is discussed. The problem of definition of the conceptual status of emotional experience in psychology of emotions is put. The maintenance of construct of «emotional experience» is considered on the basis of the theoretical analysis.

Keywords: emotional experience; emotional memory; emotional intelligence; implicit theories of emotions; mental representation of emotions.

УДК

ВОСПРИЯТИЕ ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

А.Е. Деменева

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, Букирева, 15
e-mail: anna_demeneva@mail.ru

Рассматривается проблема восприятия внутреннего мира и психических явлений в соотношении с традиционной трактовкой восприятия как отражения предметов и явлений объективного мира, основанного на работе органов чувств. Описываются сходство и различие двух видов восприятия: внешнего и внутреннего. Рассматривается эмпатия как фактор, способствующий восприятию Другого и его внутреннего мира.

Ключевые слова: восприятие; психические явления; внутренний мир; межличностное восприятие; чувственное познание; образ; эмпатия.

Исследование познания психики и психического — едва ли не самая сложная из исследовательских задач. В рамках теории межличностного восприятия изучено восприятие и познание Другого, его индивидуальности [4]. Однако восприятие внутреннего мира другого человека и его составляющих психических явлений не объясняется закономерностями межличностного восприятия, так как воспринимается не сам объект (другой человек и его внешне воспринимаемые характеристики), а нечто более сложное, не видимое «невооруженным взглядом» — внутренняя психическая реальность, жизнь другого субъекта. Собственный же внутренний мир доступен субъекту благодаря интроспекции, самонаблюдению. Сила человеческого восприятия такова, что человек может воспринимать как внешнее, внешний мир, так и внутреннее, внутренний мир. Внутренний мир

является специфическим целостным объектом восприятия.

Восприятие психических явлений возможно в случае не только самонаблюдения, но и внешнего наблюдения — восприятие психических явлений, носителем которых является Другой [6]. Образ внутреннего мира Другого изначально формируется путем непосредственного восприятия, наблюдения за проявлениями внутренней жизни Другого. Как этот образ формируется? Имеет ли здесь место восприятие как познавательный процесс в «чистом виде» или как нечто другое? То ли же самое имеется в виду под восприятием, когда исследователь занимается изучением отражения в сознании не объектов внешнего мира, а психических, субъективных явлений? Вот ряд вопросов, которые возникают при рассмотрении данной проблемы. В этой статье мы пытаемся проанализировать и сопоставить понимание восприятия как

«рабочего» термина в оппозиции «внешнее» — «внутреннее» (объективное — субъективное; внешний мир — внутренний мир; образ объектов действительности — образ психических явлений).

Восприятие как процесс отражения действительности в сознании человека

При обращении к понятию «восприятие» обнаруживаем, что оно является проблемным и неоднозначно определяется в психологии.

С одной стороны, восприятие рассматривается как психический познавательный процесс (Л.М.Веккер, Б.Ф.Ломов, А.А.Гостев, С.Л.Рубинштейн, В.Д.Шадриков и др.), который имеет свою процессуальную сторону, и как продукт — первичный образ предметов и явлений внешнего мира, возникающий при непосредственном воздействии раздражителя на органы чувств.

С другой стороны, следует иметь в виду, что в реальном психическом акте частные формы (процессы) слиты и неотделимы: «Когда изучается, например, восприятие, то обнаруживается, что в принципе невозможно создать условия, которые позволили бы его отпрепарировать от памяти, мышления, эмоций и т.д.» [8, С.234].

Наиболее детальной концепцией восприятия обладает когнитивная психология, психология познавательных процессов. Восприятие психических явлений — несомненно более сложная проблема. Однако следует заметить, что и оно в определенной степени подчиняется основным законам восприятия.

Традиционно под восприятием понимают познавательный психический процесс отражения предметов и явлений действительности в совокупности их различных свойств и частей при непосредственном действии последних на органы чувств [12]. Функциональное назначе-

ние восприятия состоит в познании действительности; при этом предметы и явления действительности воспринимаются целостно и структурно.

Восприятие — процесс чувственного познания. Оно является чувственным отображением предмета или явления объективной действительности, воздействующей на наши органы чувств. Восприятие человека — не только чувственный образ, но и осознание выделяющегося из окружения противостоящего субъекту предмета [12]. Осознание чувственное данного предмета составляет наиболее существенную черту восприятия.

Восприятие связано с действием, с деятельностью вследствие его избирательного характера, и само оно есть специфическая познавательная деятельность сопоставления, соотнесения возникающих в нем чувственных качеств предмета. В восприятии эти качества как бы извлекаются из предмета для того, чтобы быть снова отнесенными к нему. Восприятие — это форма познания действительности.

Возникающие в процессе восприятия чувственные данные и формирующийся при этом наглядный образ тотчас же приобретают предметное значение, т. е. относятся к определенному предмету. Этот предмет определен понятием, закрепленным в слове; в значении слова зафиксированы признаки и свойства предмета, определенные общественной практикой и общественным опытом. Таким образом, существенным звеном восприятия как познавательной деятельности является сопоставление, сличение, сверка образа с предметом, признаки и свойства которого выявлены в ходе общественного опыта и закреплены в слове.

В восприятии целое определяет части (М.Вертгеймер, К.Келер, К.Коффка). Целое несводимо к отдельным частям так же, как вос-

приятие несводимо к сумме отдельных ощущений. Восприятие строится на чувственных данных ощущений, доставляемых нашими органами чувств под воздействием внешних раздражителей, действующих в данный момент. Но восприятие, вместе с тем, не сводится к сумме отдельных ощущений. Оно всегда является более или менее сложным целым. В каждое восприятие входит и прошлый опыт, и мышление воспринимающего, и его чувства и эмоции. Для восприятия характерно единство целого и его частей, единство анализа и синтеза. Отражая действительность, восприятие не делает этого пассивно, потому что в нем преломляется вся психическая жизнь конкретной личности воспринимающего — ее установки, интересы, общая направленность, опыт — и притом не одних представлений, а всего реального бытия личности, ее реального жизненного пути [10].

Восприятие как психическое явление изучается в нескольких *планах*. В плане анализа физического (и химического) взаимодействия предметов и явлений внешней среды с органами чувств (биофизический аспект); в плане отношения между субъектными величинами и отражаемыми в них физическими величинами (психофизический аспект); в плане функционирования органов чувств (психофизиологический аспект); в плане динамики становления перцептивного образа (микрогенетический аспект); в плане анализа операции приема информации, поступающей от технических устройств (инженерно-психологический аспект); в плане влияния социальных установок личности на перцептивные процессы (социально-психологический аспект); в плане развития сенсорики (психолого-генетический аспект) и др. К сожалению, различные направления изучения восприятия развиваются пока изолированно друг от друга, эта проблема может в

дальнейшем быть решена с помощью реализации системного подхода [8].

Образ восприятия является субъективным, т. е. в не меньшей степени, чем от действительности, зависит от воспринимаемого объекта. Восприятие всегда в той или иной мере опосредуется и дополняется имеющимися у субъекта знаниями и опытом. С точки зрения В.Д.Шадрикова, поскольку все люди обладают разными знаниями и опытом, то и восприятие одних и тех же предметов у них не совпадает и у одного и того же человека отличается в зависимости от возраста [12]. Не только предмет воздействует на субъекта, но и происходит обратный процесс — активное принятие или непринятие образа субъектом. При определенных условиях происходит внутреннее отталкивание образа, стремление его ослабить, отделаться от него [11]. Образ, мысль не допускаются человеком во внутренний мир.

Знание человека всегда субъективно, у каждого складывается своя чувственная картина мира, в центре которой стоит сам человек. Из всего потока чувственных впечатлений предметный смысл приобретает и отбирает то, на что обращено наше внимание, что для нас важно. Так формируется внутренний мир человека, который, в свою очередь, оказывает влияние на отражение внешнего мира [12]. Душевная жизнь пополняется предметным содержанием и одновременно выступает в качестве формирующей силы в строении предметного сознания. В этом процессе формируется предметно-духовная жизнь (термин В.Д.Шадрикова), а предметное сознание выступает в тесном единстве с переживанием. Внутренняя жизнь человека: страсти, порывы, любовь — открывает для него глубины бытия, недоступные рассудку. В указанных процессах формируются способности личности.

Обусловленность восприятия внутренним миром человека в последние годы получила подтверждение в современных нейропсихологических исследованиях. Как экспериментально показал К.Прибрам, «входные системы представляют собой некий фильтр для входных сигналов, экран, непрерывно настраивается на входные воздействия. Одной из характерных особенностей этого фильтра является то, что он создает самоадаптирующиеся системы, параметры адаптации которых находятся под контролем его собственной истории» [цит. по: 12. С.109]. С учетом этого рассматривают ряд основных *свойств* восприятия:

Предметность — способность человека воспринимать мир не в виде набора отдельных ощущений, цветовых и световых пятен и т.д., а в форме предметов и явлений окружающего мира (что касается восприятия *явлений психики*, предметность выражается в том, что они воспринимаются как целое, а не в виде отдельных проявлений: например, эмоция радости воспринимается именно как радость, а не как приподнимание уголков губ, образование морщинок вокруг глаз или только изменения интонации речи — *здесь и далее в скобках — прим. автора*).

Целостность — образ воспринимаемых объектов мысленно достраивается до некоторой целостной формы на основе набора элементов. Это свойство восприятия наиболее тщательно изучала гештальпсихология (М.Вертгеймер и др.) (что касается восприятия *психических явлений*, это свойство может выражаться в достижении видения целостного психического явления в другом человеке, достраивании образа этого явления по частным его проявлениям).

Константность — человек воспринимает окружающие его предметы как относительно

постоянные и неизменные по форме, цвету, величине независимо от меняющихся условий восприятия (в отношении восприятия *психических явлений* данное свойство может быть применимо в том смысле, что такие явления хотя и изменчивы, непостоянны в каждый момент восприятия, тем не менее опознаются человеком и категоризируются как то или иное явление, т. е. обладают определенной константностью).

Осмысленность (или категориальность) — восприятие связано с мышлением и носит обобщенный характер, так как каждый воспринимаемый объект мы относим к группе или классу предметов и обозначаем словом-понятием. Одновременно в восприятие предмета привносятся свойства, связанные в памяти с данной категорией: «по мере того как мы иначе понимаем действительность, мы иначе и воспринимаем ее» [10. С.233] (то же происходит и с *явлениями психики* — мы даем им названия, узнаем их по их проявлениям, находим им аналоги в памяти).

Структурность — все, что мы воспринимаем, мы воспринимаем в виде некоторой структуры (*психические явления* мы также можем воспринимать как структуру: например, психические состояния мы можем воспринимать как структуру, состоящую из нескольких элементов: физиологические проявления, эмоциональная составляющая и т.д.).

Апперцепция — характеризует зависимость восприятия от индивидуальных особенностей человека, его личности; апперцепция заключается во влиянии на формирование образа прошлого опыта человека, его целей, мотивов, установок, эмоций, убеждений, интересов (при восприятии *психических явлений* мы также привлекаем свой прошлый опыт, эмоции, установки и пр.).

Историчность — восприятие является относительно непосредственным актом познания мира историческим человеком, оно строится на основе опосредования его всей прошлой общественной практикой, оно, таким образом, есть продукт общественно-исторического развития (включая и историчность восприятия *внутренних процессов, явлений*) [Там же].

Таким образом, восприятие есть сложный психический акт, опирающийся на множество факторов, начиная от строения органов чувств, заканчивая личностными характеристиками воспринимающего субъекта. Выделить «чистое» восприятие, отмежевав его от остальных психических процессов и структур, представляется сложной и практически нерешимой задачей. Можно сказать, что «орган восприятия» — это сам человек и его психика.

Восприятие психической реальности

Восприятие психического должно рассматриваться в особом ключе. Воспринимает не орган чувств или восприятие, а человек. Восприятие внутреннего мира рассматривается в широком смысле, как включающее в себя не только свойства восприятия, но и свойства ощущения, и свойства мышления, т. е. как целостная отражательная система. Внутренний мир является специфическим целостным объектом восприятия, а почти все целостные объекты психологического исследования (как компоненты психики, так и психика в целом) непосредственно не наблюдаемы [5]. Непосредственное взаимодействие с объектом восприятия часто носит локальный характер, не захватывая объекта в целом (когда он велик, сложен или ненаблюдаем), в этом случае целостный образ возникает уже в памяти субъекта и носит промежуточный характер между образом восприятия и представлением. В связи с этим мы говорим о восприятии внутреннего мира, учитывая, что в за-

висимости от функции восприятия находится и его время — от долей секунд до часов, дней и лет [5].

Нужно отметить, что в восприятии внешнего мира и внутреннего мира существуют как сходства, так и различия. **Сходство** заключается в следующем: 1) продуктом и того и другого видов восприятия является образ; 2) оба вида восприятия зависят от самого воспринимающего субъекта (его личности, установок, опыта, внутреннего мира и т.д.). **Различным** можно назвать то, что образ восприятия *внешнего* мира — результат воздействия физических раздражителей на органы чувств, тогда как образ восприятия *внутреннего* мира — результат воздействия «латентных» раздражителей, не воспринимаемых традиционными органами чувств, таких как, например, психические явления (собственные или Другого) и т.п. В качестве «органа чувств» здесь выступает сам субъект как целое; в большей степени это результат работы самого внутреннего мира воспринимающего субъекта: его знаний о человеческой природе, о психике и ее явлениях, система внутреннего опыта субъекта (опыт переживания эмоциональных состояний, протекания психических процессов, поведенческих актов и их причин и т.д.).

Итак, восприятие — это один из немногих феноменов в психологии, который разрабатывается во многих психологических школах и течениях. Чаще всего восприятие рассматривается как познавательный процесс, помогающий строить в сознании образ объективной реальности. Восприятие как бы «вырывается» из целостной ситуации и подвергается анализу как отдельно существующий процесс. При таком подходе психические явления лишаются собственной онтологии, а психологии восприятия

отводится скромная роль регистратора перцептивных эффектов [1].

В.А. Барабанщиков в работе «Восприятие и событие» [2] предлагает новую концепцию восприятия, которая базируется на системном подходе. Наиболее перспективный подход к изучению перцептивного процесса, по мнению В.А. Барабанщикова, предполагает его анализ в качестве события. В наиболее общем ключе понятие «событие» характеризует локальное структурирование бытия в сжатые промежутки времени — в данный момент, здесь и сейчас. Событие означает раздельное существование, встречу или столкновение различных начал, в которых рождаются новые структуры, отношения или порядок вещей. Событие, следовательно, всегда взаимоотношение, взаимораспределение, взаимосвязь, в процессе которых исходные образующие не остаются неизменными. Источник становления и развития события заложен в нем самом. Событие допускает познающего субъекта (наблюдателя, исследователя, свидетеля, участника). В этом случае оно включает не только содержание происходящего, но и отношение к нему и / или усилие со стороны воспринимающего. Наблюдая череду повторяющихся явлений, исследователь обнаруживает в нем все новые и новые оттенки. Вместе с тем структурное сходство событий сохраняется и становится основным предметом исследования.

Описанная логика сохраняется и тогда, когда *наблюдатель и участник* события сливаются в одном лице. Восприятие совершается не само по себе, а тем, кому оно принадлежит. Поскольку субъект восприятия вовлечен в событие, оно становится единицей его жизни, обретая значение и смысл.

Восприятие, включаясь в разные отношения бытия, обнаруживает разные грани и опи-

сывается с помощью различных понятий. Восприятие многомерно. *Психика* проявляется в восприятии в преобразованной форме, в этом смысле оно голографично [2].

Человек может воспринимать не только внешний мир, но и собственный внутренний мир и даже внутренний мир другого субъекта (как бы парадоксально и сложно это ни казалось). Субъект восприятия в данном ключе не может быть отождествлен ни с ЦНС, ни с органами чувств. Воспринимает не глаз или мозг, но человек. Идея «внутреннего наблюдателя» [3] выражает акт самопознания человека, носящий по отношению к чувственному восприятию вторичный характер. Рефлексирующему сознанию само восприятие открывается как часть внешнего мира, вынесенная вовне — в мир людей, предметов, событий. В этот мир включен и сам человек, наблюдатель: нельзя воспринимать окружающее, *не воспринимая себя* [1].

Восприятие *внутреннего мира*, являясь много более сложным феноменом, чем восприятие предметов или явлений внешнего мира, подчиняется, с одной стороны, общим законам восприятия, с другой — логике общения. Воспринимая внутренний мир Другого, мы «читаем» о его эмоциональном состоянии, поведенческих реакциях, некоторых индивидуальных характеристиках и т.д. Поэтому, воспринимая Другого, мы относимся к данному предмету восприятия как к себе подобному. Соответственно и перцептивный процесс строится в том числе и по логике общения [1]. Из всего этого следует, что восприятие и определение наблюдателем внутреннего мира другого человека — это не просто процесс принятия решения, не просто прием и переработка информации, это эмоциональное сопереживание (эмпатия), т.е. целостный акт общения (а общение осуществ-

ляется по иным законам, чем когнитивные процессы).

Благодаря взаимному восприятию люди как бы «приникают» друг в друга, «вычерпывают» индивидуально-психологические, эмоциональные, этнические и другие характеристики партнеров [4]. Восприятие Другого совершается как прием — передача сообщения, которое непрерывно уточняется и корректируется. Воспринимая Другого, мы считываем о нем информацию и выражаем отношение к нему. Акты восприятия двух людей сливаются в таком процессе в единое целое [Там же].

Проблема восприятия человека человеком активно разрабатывается в психологии социального познания (Г.М.Андреева, А.А.Бодалев), однако в данной группе теорий восприятие раскрывается как познавательный процесс, в его традиционном понимании, а объектом восприятия является человек с точки зрения, в основном, его внешних характеристик: внешности, мимики, поведения и т.д. Еще Г.Олпорт указывал, что восприятие и познание человека человеком подчиняется тем же законам, что и восприятие любого другого объекта действительности, но появляется и новое. Другой подобен нам. Он обладает сознанием, он к нам как-то относится, он воспринимается и понимается нами как личность [9].

Особенности формирования образа другого человека в какой-то степени определяются опытом общения, степенью знакомства с воспринимаемым человеком, что необходимо учитывать при исследовании восприятия внутреннего мира.

Идея восприятия непосредственно *психической реальности Другого*, его внутреннего мира идет глубже: воспринимается не просто другой человек, а его глубинные, скрытые процессы и явления. Одним из **механизмов** такого воспри-

ятия может служить *эмпатия* как способность со-переживать, со-чувствовать, проводить аналогии с собственными психическими состояниями и явлениями. Так, А.А.Бодалев, цитируя Т. Липпса, говорил, что наш внутренний мир можно увидеть в телесных проявлениях, что важно более всего для стороннего наблюдателя, так как он, воспринимая и понимая обладающее определенными чувственными признаками тело, схватывает его эмоции и психические состояния [цит. по: 4. С.46]. Таким образом, знание о существовании у Другого того или иного состояния сознания основывается на вчувствовании, которое включает в себе тенденцию к *сопереживанию*.

Исследование собственной психической реальности и психической реальности Другого проводится в рамках подхода «Психология познания в области психологии» [6]. В рамках данного подхода выделяются четыре направления исследований:

1. Психология самопознания и самонаблюдения (психология познания психических явлений с позиции внутреннего наблюдателя).
2. Психология познания психических явлений, носителем которых является другой человек (психология познания психических явлений с позиции внешнего наблюдателя).
3. Психология творчества психолога (открытие и восприятие знания, полученного им самим).
4. Психология восприятия и понимания психологического знания, полученного другими, в готовом виде.

Первые два направления отражают взгляды школы на проблему восприятия психической реальности.

1) *Психология самопознания и самонаблюдения*. Б.Г.Ананьев указывал, что метод само-

наблюдения может дать наиболее интересные результаты при изучении самых сложных, интегральных психических образований — сознания и личности. При этом сознание должно рассматриваться не только как отражение объективной действительности, но и как внутренний мир человека. Постигание внутреннего мира человека осуществимо с помощью метода интроспекции. В истории интроспективной психологии можно найти данные, касающиеся процесса самонаблюдения, варианты методик его изучения.

2) *Психология восприятия психических явлений, носителем которых является другой человек.* Правомерность такой постановки может вызвать недоумение. Ведь психическое невоспринимаемо, «трагически невидимо» (К.Прибрам); «чужие же мысли, чувства, хотения, вообще чужие душевные явления, воспринимать мы не можем» (А.И.Введенский). Восприятию дано лишь поведение. Однако как могут работать, например, психологи-консультанты, не отслеживая постоянные изменения в актуальном психическом клиента, а оценивая только его (клиента) внешние проявления? Другими словами, как консультант может работать, не воспринимая психику клиента? [6. С.42-49; 7. С.16-21].

Подходы ученых Е.В.Левченко, В.А.Барабанщикова и других можно назвать еще субъектным подходом к изучению восприятия. В данных концепциях рассмотрение процесса восприятия отличается от того, что мы привыкли видеть в традиционных его теориях (теориях познавательных процессов). Здесь акцент смещен в сторону субъекта и субъективной реальности.

Как мы видим, восприятие психических явлений, внутреннего мира является неоднозначной и весьма непростой задачей психологии

субъекта. Существует и «оборотная сторона» данной проблемы — это **проблема передачи** данных о собственном внутреннем мире наблюдателю, воспринимающему субъекту. Когда мы говорим о восприятии внутреннего мира, следует помнить о том, что в данном случае активностью обладает не только субъект восприятия, но и сам его объект — носитель внутреннего мира.

В присутствии Другого объект восприятия как бы открывается в двух смысловых полюсах: «содержание для себя» и «содержание для других» (можно провести аналогию с кантовскими «вещь в себе» и «вещь для нас»). Наблюдатель, воспринимающий субъект, «требует» некоей понятности, формы изложения содержания внутреннего мира человека — носителя его. Человек может сообщать о своем внутреннем мире посредством различных техник, способов и приемов; задачей воспринимающего становится «уловить» содержание такого сообщения. Познание субъектом психических феноменов в себе и Другом опосредуется, таким образом, системой индивидуальных значений (слово, образ, действие и т.д.), которые одновременно выступают и средствами отображения явлений психики.

Список литературы

1. *Барабанщиков В.А.* Системность. Восприятие. Общение. М., 2004.
2. *Барабанщиков В.А.* Восприятие и событие. СПб., 2002.
3. *Бергфельд А.Ю.* Восприятие эмоций: автореф. ... канд. психол. наук. Пермь, 2002.
4. *Бодалев А.А.* Восприятие человека человеком. Л., 1965.
5. *Ганзен В.А.* Восприятие целостных объектов. Л., 1974.
6. *Левченко Е.В.* Психология познания в области психологии // Актуальные проблемы психологической теории и практики. Экспериментальная и прикладная психология. Вып. 14. / под ред. А.А.Крылова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.

7. *Левченко Е.В.* Психология познания в области психологии и практика // Психология и практика: ежегодник Росс. Психол. Об-ва. Т. 4. Вып. 5. Ярославль, 1998.
 8. *Ломов Б.Ф.* Системность в психологии. М.; Воронеж, 1996.
 9. *Олпорт Г.* Личность в психологии. М.; СПб., 1998.
 10. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.; М.; Харьков; Минск, 2004.
 11. *Франк С.Л.* Реальность и человек. М., 1997.
 12. *Шадриков В.Д.* Мир внутренней жизни человека. М., 2006.
-

PERCEPTION OF MENTAL PHENOMENONS AS A PSYCHOLOGICAL PROBLEM

A.E. Demeneva

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The problem of perception of the inner world of a person and mental phenomenons is considered in correlation with traditional interpretation of perception as a reflection of objects and phenomenons in objective reality, that is on organs of senses's work based. Likeness and distinction in work of two kinds of perception: perception of outer and inner — is described. Empathy as a factor that assists in perception of Another and his inner world is mentioned.

Keywords: perception; mental phenomenon; inner world; interpersonal perception; sensual cognition; image; empathy.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.324

**СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА***А.Г. Антипов*

Пермский государственный университет, 614099, Пермь, Букирева, 15
e-mail: agantip@psu.ru

Рассмотрено современное состояние российского общества, выделены его основные проблемы и тенденции развития социальной структуры. Среди основных тенденций преобладают негативные явления.

Ключевые слова: общество; социальная структура; социальная стратификация.

При изучении практически любой социальной проблемы нельзя не коснуться вопроса о состоянии нашего общества, его основных сферах и «болевых» точках.

К сожалению, как среди теоретиков, так и практиков нет единства мнений по поводу характеристики современного российского общества. Подходы к определению содержания нашего общества чрезвычайно разнообразны. Причем анализу состояния современного российского общества в последние два десятилетия посвящено огромное количество монографий, сборников, отдельных статей, проведено несколько десятков исследований, касающихся тех или иных сторон его жизни. По этой проблеме организуются научные и научно-практические конференции, конгрессы и семинары.

Сегодня сложилась такая ситуация, что нет фактически ни одного крупного ученого, поли-

тического деятеля, представителя культуры, который не выдвинул бы своей идеи о переустройстве российского общества. О чем свидетельствует столь устойчивый исследовательский интерес как отечественных, так и зарубежных ученых и политиков к данной проблеме?

Во-первых, наше общество — чрезвычайно сложное и противоречивое образование. Оно не является «застывшим», в нем идут интенсивные как открытые, так и латентные изменения. К сожалению, современные исследования социально-экономических и гуманитарных наук таковы, что в них ученые чаще всего «скользят» по поверхности социальных явлений, не подвергая анализу скрытые явления. Вторая причина слабого знания современного российского общества связана с тем, что наше общество развивается не автономно, оно «вплетено» в общемировые процессы. Они также слабо

изучены, и как следствие нет научно обоснованного представления перспектив развития человеческой цивилизации.

Названные пробелы теоретической науки отчетливо проявились в период нынешнего финансового кризиса. Так, среди отечественных исследователей и политиков нет единства мнений даже по такому, на первый взгляд простому, вопросу, как: завершился ли переходный период в нашем обществе?

Здесь можно выделить две основные точки зрения. Суть **первой** была раскрыта Е.Гайдаром. По его мнению, «переходный период» — это «...период социалистической рецессии, падения ВВП, дезорганизации хозяйственных связей, финансового кризиса, финансовой стабилизации, начала восстановительного роста, запуска тех мощностей, которые были созданы при социализме...» [26.С.1].

Временной лаг переходного периода, по Гайдару, составил 10 лет — 1992 — 2002 гг.

В подтверждение своей позиции он приводит данные статистики и выделяет некоторые положительные тенденции в развитии экономики, политики и других сфер российского общества. Гайдар не отрицает наличия массы проблем, но «...это проблема, — считает он, — более или менее нормальных экономик, ... не социалистических» [Там же. С.10]. Если кратко резюмировать определение переходного периода, данное Е.Гайдаром, то суть его сводится к тому, что это период освобождения от проблем социализма, или, проще, — от «пережитков» советской системы.

С такой трактовкой переходного периода никак нельзя согласиться. Это крайне примитивный подход к анализу современного состояния российского общества и перспектив его развития. Хорошо известно, что в советском обществе тоже шла борьба с «пережитками»

прошлого, т.е. капиталистическими, которые считались главным тормозом в построении коммунизма. Аналогично поступают представители сегодняшнего российского ортодоксального либерализма, ведя борьбу с пережитками социализма и не ставя вопроса о том, в какой степени эти «пережитки» сами по себе являются необходимым и неизбежным элементом постсоветского капитализма, цивилизованного общества.

Известный американский социолог и экономист И. Валлерстайн справедливо подмечает, что на смену ортодоксальному марксизму пришел ортодоксальный либерализм [7. С.13]. **Вторая** точка зрения на переходный период в нашей стране состоит в том, что он еще далек от завершения. Сторонников данной точки зрения несравненно больше, чем тех, кто стоит на иной позиции.

Переход от одной модели социального развития к другой — это сложный и противоречивый процесс, и он не может быть сведен только к экономике, политике, социальной сфере, какую бы значимость для общества эти сферы не имели. **Основное содержание переходного периода**, по нашему мнению, это **системный кризис общества**. И такое положение характерно в целом для современного человечества, развитых и неразвитых стран. «Тезис, миросистемного анализа, — пишет И. Валлерстайн, — состоит в том, что капиталистическая мирэкономика стоит перед кризисом, подобного которому она до сих пор не знала. Капитализм как историческая система далек от того, чтоб быть успешным и победоносным, он находится в состоянии невероятных структурных трудностей» [Там же.С.16]. Подобный вывод делали и другие крупные исследователи и представители бизнес-сообщества задолго до сегодняшнего финансового кризиса. К их числу относятся

Дж. Сорос и некоторые другие теоретики, практики, как отечественные, так и зарубежные.

Следовательно, проблемы переходного периода в современной России не есть только российские проблемы, тем более они не сводимы к «пережиткам» советского общества, многие из них связаны с общемировыми тенденциями и проблемами.

Но, конечно, есть и собственные проблемы, тормозящие переход нашего общества на качественно новый уровень развития. Нужно признать, что в нашей стране пока успешно не решена **ни одна заявленная реформа**. Все находится в процессе непрерывной «доработки», а то и полной «переработки». По некоторым реформам процесс явно затягивается на очень неопределенное время.

Думается, что такая ситуация в стране дала основание Президенту РФ Д.Медведеву в Послании Федеральному собранию РФ (ноябрь, 2009 г.) достаточно точно определить наше общество как «архаическое» [27.С.2]. И недавно прошедший первый в истории современной России конгресс экономистов во многом подтвердил такой вывод [17.С.1,5], не говоря уже о четырех всероссийских социологических конгрессах, также давших невысокую оценку современным процессам.

В контексте общего вопроса интерес представляет частный, но чрезвычайно важный вопрос, а именно: о социальной структуре современного российского общества.

В социологии под социальной структурой чаще всего понимают устойчивые социальные образования, связи и отношения. **Социальная структура общества** — это упорядоченная совокупность различных по положению в обществе взаимосвязанных и взаимодействующих социальных групп и общностей. К общностям

относятся самые различные с учетом масштабов, устойчивости и сплоченности совокупности людей, объединенных процессом взаимодействия. К социальным общностям можно отнести нацию, жителей города, села, трудовой коллектив, социально-профессиональную группу и т.п. Одни общности охватывают миллионы, другие — десятки людей, одни существуют веками, другие — считанные дни и даже часы. Возможны различные критерии классификации социальных общностей. В расширительном толковании они совпадают с понятием «социальная группа». В узком смысле социальная группа — одна из разновидностей социальной общности. В современном обществе существуют сотни групп, слоев и классов. Они занимают разное место в социуме и оказывают на него неодинаковое влияние.

Важность изучения социальной структуры объясняется рядом причин, но прежде всего тем, что она является своеобразным зеркалом, отражающим не только общее состояние социума, но и его основные проблемы и противоречия. Совершенно не случайно проблемы социальной структуры являются предметом исследования не только социологии, но и многих социально-экономических и гуманитарных наук.

В чем сложность изучения социальной структуры современного российского общества? Прежде всего, в том, что общество, как было установлено ранее, находится в переходном состоянии. Многие проблемы и тенденции его развития еще далеко не так очевидны и бесспорны.

И дело не только в этом, но и в отсутствии необходимой достоверной информации. Последняя перепись населения проходила восемь лет назад. За это время в социальной структуре российского общества наблюдались существ-

венные качественные и количественные изменения. Новая перепись позволила бы дать более глубокую и всестороннюю характеристику нашему обществу; как известно, сроки ее проведения определены на 2010 год. Тем не менее в социальной структуре российского общества уже сейчас можно выделить целый ряд достаточно устойчивых проблем и тенденций.

Одна из таких тенденций в развитии социальной структуры современного российского общества — ее **усложнение**. В социуме возникают все более подвижные, многообразные социальные группы и слои, все в большей степени перекрещивающиеся, взаимодействующие. Одновременно идет исчезновение старых и появление новых социальных групп и слоев. Основное влияние на этот процесс оказывают социально-экономические и политические трансформации в обществе. К сожалению, в меньшей степени его определяет научно-технический прогресс. Ярким отражением этого является показатель наукоемкости продукции. Так, в 2007 г. на долю США на мировом рынке наукоемкой продукции приходилось 39 %, Японии — 30 %, России только 0,3 % [8.С.37]. Степень износа основных фондов в реальном секторе экономики достиг уже 90 % [30.С.3].

Не случайно Президентом РФ Д.Медведевым выдвинута амбициозная цель — сделать нашу экономику “умной”, инновационной. Иначе нашему обществу–обществу сырьевой направленности — грозит катастрофа. Для реализации этой цели необходимо создать соответствующие условия, в том числе сформировать инновационный класс — класс инноваторов, а эта задача архисложная. Развитие рыночных отношений отчетливо обнажило диспропорции в структуре трудовых ресурсов и потребностях бизнеса.

В настоящее время в стране сложилась профессионально–квалифицированная структура рынка рабочей силы, мало восприимчивая к изменившимся отношениям в сфере производства. По-прежнему более половины работающих заняты на производстве, в основном, простым неквалифицированным трудом или традиционным трудом средней сложности. Отсюда и проблемы с трудоустройством этих людей, оказавшихся в силу обстоятельств безработными.

Обнаруживается низкая степень удовлетворенности работодателей качеством подготовки выпускников профессиональных учебных заведений — 10 %. Как отмечают некоторые руководители регионов, стандартам ожидания не соответствует 90 % молодых специалистов [37.С.18].

Кадровая политика на большинстве предприятий слабо связана с рыночными реформами. Основная масса работодателей и работников не заинтересована в повышении профессиональной квалификации кадров и росте производительности труда.

Исследователи считают, что новые рабочие места, созданные в течение последних пяти лет, отмеченных экономическим оживлением, в значительной своей части являются «периферийными» с точки зрения качества, уровня оплаты, социальной защиты. То есть рынок генерирует рабочие места, которые приносят работнику низкую «отдачу», недостаточную для удовлетворения потребностей его самого и семьи [3.С.6].

Еще одна немаловажная деталь: в период нынешнего кризиса, когда уровень безработицы, по данным МОТ, в нашей стране достиг 10 %, в официальных выступлениях называется цифра 1 млн. рабочих мест, созданных за период кризиса дополнительно, но не уточняется,

какие это рабочие места, а это принципиально важно знать.

Нынешняя социальная структура российского общества крайне затратная, не соответствующая задачам, нацеленным на инновационное развитие экономики и социальной сферы. В стране чрезмерно раздут управленческий аппарат. Государственных чиновников у нас больше, чем в советское время. В 2008 г. государственных и муниципальных чиновников насчитывалось 2.060.234 чел. [2.С.2].

Всякие разумные пределы превысил в нашей стране и административный аппарат милиции. Ни одна даже самая развитая страна в мире не может позволить себе содержать такую армию полицейских — таково мнение начальника штаба регионального ГУВД генерал-майора А.Первухина. «РУВД превратилось в «монстров», где на одного работающего с населением приходится с десятков начальников» [14.С.6].

О наличии существенных проблем в социальной структуре общества свидетельствует и наличие большой армии охранных структур (ЧОПов). Их сегодня более 27 тыс. В них работает почти 800 тыс. сотрудников. При этом налицо тенденция к их активному увеличению: ежегодно прирост численности составляет 15-20% [33.С.1]. Сотрудники этих ЧОПов, как правило, молодежь, в хорошей физической форме, нередко имеющая среднее специальное или даже высшее образование. И еще один показатель неблагоприятного состояния социальной структуры и кадрового потенциала нашего общества: за последние 16 лет — с 1992 по 2007 — в стране осуждено свыше 15 млн. чел. Это больше чем каждый десятый во всем населении страны [29.С.1]. И эта тенденция продолжает сохраняться. Наше общество незаметно для себя наращивает скрытый криминаль-

ный потенциал. Каждый год его подпитывает 300-тысячная армия недавних арестантов, многие из которых приходят на волю с устойчивыми уголовными привычками. Понятно, что это не может не влиять негативно на общество, сдерживать его развитие.

Положение с человеческим потенциалом усугубляет демографическая проблема. По мнению многих известных ученых и политиков, ее наличие таит самую большую опасность для нашего общества. Так, по данным ООН к 2050 г. население России сократится на 50 млн. [10.С.12]. По продолжительности жизни Россия находится на 119-м месте в мире [21.С.2].

С сокращением численности населения неизбежно будет расти нагрузка на молодежь и пенсионеров. Именно молодежь станет основным трудовым ресурсом страны, и на нее ляжет большая часть социального обеспечения нетрудоспособной части населения (коэффициент демографической нагрузки — количество нетрудоспособных на 1000 чел. трудоспособного населения — с 2005 до 2016 г. вырастает на 20 % и составит 709 чел.). В соответствии с этим прогнозом от молодежи требуется значительно большая вовлеченность в жизнь общества, чем та, что мы наблюдаем сейчас [20.С.7]. А тенденция пока такова, что за последние 10 лет, по расчетам специалистов, число работающих пенсионеров увеличилось на 13 %. Если раньше трудилась треть российских пенсионеров, то в настоящее время — 40%. 90% россиян после выхода на пенсию работают еще три года, 60% — еще 6 лет. Таким образом, пенсионный возраст для большей части мужчин наступает в 58-61 год и в 63-66 лет — для женщин [31.С.4]. В настоящее время в стране пенсионеров 37 млн. [9.С.7].

Идет процесс старения кадров во многих отраслях нашего хозяйства. Показательно в

этом плане здравоохранение. В этой отрасли около 60 % практикующих врачей старше 50 лет, а 30 % — люди пенсионного возраста [16.С.1].

Аналогичная ситуация наблюдается в других отраслях, в том числе в науке. Ученые в возрасте 50-59 лет составляют самую многочисленную группу — 27,8 %. На долю самых молодых (до 29 лет) приходится 17 %, а ученых наиболее продуктивного возраста (30-39 лет) еще меньше — 13 %. Обращает на себя внимание, что сокращение кадров в науке идет стихийно, деформируя ее структуру. Удельный вес исследователей и техников уменьшился соответственно до 49 и 8 %, зато до 43 % увеличилась доля вспомогательного персонала, т.е. научные учреждения сокращают исследования и постепенно превращаются в хозяйственные субъекты [24.С.12].

На состояние демографии отрицательное влияние оказывают многие широко распространенные негативные явления в нашем обществе. К их числу относятся алкоголизм, табакокурение, наркомания и др.

Если верить статистике, то в стране ежегодно умирает только от суррогатного алкоголя больше 35 тыс. чел. Кстати, на дорогах в авариях гибнет столько же [18.С.10], столько же погибает от рук преступников, 30 тыс. людей бесследно исчезает. Не исключено, что из числа пропавших без вести до 90 % убиты [32.С. 2]. К этим потерям надо еще добавить и гибель людей при пожарах. В среднем по 34 чел. в стране гибнет за сутки при пожарах [36.С.9].

Смертность от алкогольной кардиомиопатии в России в 100 с лишним раз больше, чем в США или во Франции, и даже в Финляндии (с северным типом потребления алкоголя) смертность примерно в 10 раз ниже, чем в России. Уровень смертности от отравлений алкоголем в

России вообще кажется несравнимым с уровнем США и Франции, а в Финляндии она ниже всего в 3,5 раза [1.С. 45-46]. Огромный урон социальной структуре и обществу в целом наносит употребление людьми наркотиков. Количество таких больных колеблется по разным источникам от 2 до 5 млн. [5.С. 5].

За пять лет за незаконный оборот наркотиков в тюрьме оказалось полмиллиона человек. В ближайшие три года, если придерживаться такой статистики, будет привлечено, по словам главы наркоконтроля В.Иванова, еще полмиллиона [5.С.5].

В стране, как свидетельствуют специалисты, сформировался гигантский спрос на наркотики. При этом только 10 % излечиваются от наркомании [15. С. 4].

Огромны потери от суицидов. Их численность растет — за последние десять лет в полтора раза.

Велико количество инвалидов с психическими нарушениями. Сегодня их на треть больше, чем десять лет назад [11.С.4]. Статистика свидетельствует о том, что число инвалидов психического профиля перевалило за миллион. 8 из 1000 россиян ежегодно госпитализируются с психиатрическими расстройствами. Среди больных инвалидов с психическими расстройствами около 66 % составляют лица молодого, трудоспособного возраста.

Расходы на организацию психиатрической службы в странах Евросоюза составляют в среднем 5-10 % бюджета здравоохранения. В России — меньше одного процента [12.С.4].

Справедливости ради следует отметить, что в демографии в последние год-два появилось два положительных факта: во-первых, в 2008 г. родилось на 107 тыс. детей больше, чем в 2007 г.; во-вторых, снизилась фактически до европейского уровня младенческая смертность —

до 8,5 на 1000 родившихся в 2008 г. Однако до 40 % родившихся детей уже имеют различные расстройства здоровья. В результате среди детей насчитывается почти полмиллиона инвалидов. А среди всего населения таковых уже более 13,5 млн.

К этим проблемам необходимо еще добавить и кризис семьи, проявляющийся в самых различных формах и имеющий разные последствия, в том числе бесправное положение значительного числа детей и подростков, прогрессирующая их вовлеченность в асоциальные процессы. Количество разводов в России растет, выводя нас в этой общемировой тенденции на первые позиции. Так, по данным Нью-Йоркского института семьи и брака, на 10 браков в Германии приходится 3 развода, в США — 5, в России же — 6. Это, естественно, без учета распавшихся гражданских браков. По данным Федеральной службы государственной статистики, только в 2008 г. в стране был заключен 1 млн 179 000 браков, а разводов зарегистрировано 703 412. Следствием этой безрадостной статистики становится другая, еще более мрачная: количество детей, ежегодно остающихся без одного из родителей по причине их развода, по разным упоминаемым в СМИ данным (в нашей официальной статистической службе этот важный социально-экономический показатель несколько лет назад «изъят из обращения»), — от 500 тыс. до 1 млн. Более 10 млн. российских детей уже живут в неполных семьях [13.С.10].

По мнению председателя детского фонда А.Лиханова, «с детством у нас самая настоящая катастрофа. Если в 1992 г. у нас было 40 млн. детей, сейчас — 27 млн.» [23.С.7]. Не случайно Президент РФ Д.Медведев вынужден был 16 марта 2009 г. провести совещание по вопросам борьбы с преступлениями против не-

совершеннолетних. Д.Медведев предложил ужесточить законодательство о защите прав детей и признал, что статистика, даже в приглагоженном виде, ужасает. Из 28 млн. детей в РФ 700 тыс. беспризорников, 2 млн. неграмотных, 6 млн. живет в социально неблагополучных условиях. В стране 100 тыс. неблагополучных семей, дети из них становятся беспризорниками, жертвами преступлений. В 2008 г. (данные следственного комитета при Генпрокуратуре РФ) жертвами преступного насилия стали 126 тыс. детей, погибло 1914 детей, 2330 — подверглись насилию, в розыске — 12,5 тыс. несовершеннолетних [28.С.7]. Дети и молодежь — это основа будущей социальной структуры нашего общества. Приведенные данные хорошо известны и власти, и обществу. Однако ситуация в последние два десятка лет не только не улучшается, но и даже в чем-то ухудшается.

Важнейшей характеристикой социальной структуры, ее содержанием, служит социальная стратификация. Под последней понимается иерархическое расположение социальных групп в обществе в зависимости от дохода и уровня заработной платы. (В науке помимо этих показателей общество может быть стратифицировано и по другим.)

В мировой и отечественной практике для оценки состояния социальной стратификации общества введен так называемый «децильный коэффициент» — соотношение в доходах 10 % самых богатых и 10 % самых бедных. В развитых странах внимательно следят за этим коэффициентом и не допускают большого разрыва в доходах различных категорий населения.

Децильный коэффициент в нашей стране по официальным данным за последние годы практически не изменяется и остается достаточно высоким -1 к 17. Это крайне опасно для общества и власти. Для сравнения: в Швеции дохо-

ды 10 % самых богатых превышают доходы 10 % самых бедных в 4 раза, в Европе — не более чем в 6-7 раз, в США — в 9 [34.С.13].

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года поставлена задача — снижение дифференциации населения по уровню доходов (с 16,8 раз в 2007 г. до 12 раз в 2020 г.) [19. С.80].

Негативной тенденцией в развитии социальной структуры и стратификации современного общества является усиливающийся процесс **маргинализации населения**. На этом явлении следует остановиться более подробно.

Понятие маргинальности (от латинского — край, граница, предел) было введено в 1928 г. лидером Чикагской школы Р.Парком для обозначения положения индивидов, находящихся на границе двух различных, конфликтующих между собой жизненных укладов, культур, рас (неадаптировавшиеся эмигранты, мулаты и т.д.). Маргинальность означает позицию на окраине социальной структуры, промежуточное положение по отношению к основным элементам. Маргинал — человек, находящийся на краю социальной структуры общества, лишенный полноправного духовного наследия, не адаптировавшийся к другой культуре, потерявший естественный стиль поведения, болезненно ощущающий неполноценность своего статуса, без четких ценностно-нормативных установок и ориентиров, с агрессивным поведением.

Маргинализация — процесс увеличения численности маргиналов в обществе. В узком смысле маргиналы — это часть населения, не участвующая в трудовом процессе, не выполняющая общественных функций. В расширительной трактовке основными проявлениями маргинальности являются: потеря объективной

принадлежности индивидуума к конкретной общности без последующего вхождения в иную общность; потеря индивидом субъективной идентификации с определенной группой. Ученые и политики констатируют рост маргинализации в российском обществе. Это крайне опасный процесс. Он препятствует выводу страны на новый уровень развития.

Основными причинами маргинализации российского общества являются несистемное, некомплексное реформирование общественных отношений, ломка старых структур и отставание в создании новых; формирующаяся экономическая система не может дать работу всем желающим; социально-психологические и физиологические особенности людей, осложняющие адаптацию к новым условиям экономической, политической и социокультурной жизни.

Маргинализация существовала всегда, ибо всегда были люди, не умеющие или не желающие трудиться, имеющие крайне ограниченные интересы и потребности. Однако в переломные периоды развития общества масштабы маргинализации резко возрастают. Маргинальные группы нередко пополняют вполне нормальные в психическом, физиологическом и нравственном отношении люди. Зачастую они не по своей воле выпадают из своих страт и не могут «пристроиться» к другим. К маргиналам можно отнести часть мигрантов, безработных, бомжей, заключенных, часть выпускников учебных заведений, элементы преступного мира и др. Численность этих категорий достаточно большая. К маргиналам относятся и такие социальные группы, которые имеют, казалось бы, достаточно высокий уровень профессиональной подготовки, общей культуры и т.п.

К числу маргиналов некоторые специалисты системы образования относят даже определенную часть педагогов. Так, Е.В.Рачевский

отмечает, что «логика появления таких «учителей» простая. Не самые лучшие выпускники школ шли в пединститут, и не самые лучшие выпускники пединститута вернулись в школу — примерно 27 %» [25.С.11].

Роль школы в нашем обществе явно недооценивается. Как показали результаты трех международных исследований PISA, проводимых Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по итогам опросов учащихся, достигших 15 лет, качество школьного образования в России за последние годы существенно снизилось, особенно в последних пятых классах [35.С.22-23]. Недооценка образования относится ко всем другим ее ступеням, включая высшую школу.

В качестве одной из важнейших задач российской власть ставит увеличение численности среднего класса. Известно, что в развитых странах он составляет 70-80 %, у нас, по оценкам Всероссийского центра уровня жизни, средний класс в 2007 г. составлял порядка 13, 5 млн. чел., т.е. около 10 % [4.С.46].

Исторический термин «средний класс» или «средний слой» возник довольно давно. К.Маркс и Ф.Энгельс под ним понимали антиреволюционный класс, играющий роль сдерживающего фактора революции. Классики научного социализма считали его «болотом», иногда — реакционным объектом воздействия.

Большинство современных исследователей и политиков полагают, что средний класс в обществе выполняет важные социальные функции. Главной среди них является обеспечение стабильности в обществе.

К среднему классу обычно относят: 1) научных и инженерно-технических работников; 2) управленческий, административный персонал, не занимающий высоких постов; 3) интеллигенцию; 4) городских и сельских местных

собственников; 5) рабочих высокой квалификации; 6) работников сферы обслуживания и др.

Выделим основные черты среднего класса в различных сферах.

Экономическая сфера. В ней средний класс экономически независим от государства, имеет высокий материальный уровень жизни, свободно распоряжается своей собственностью: как материальной, так и интеллектуальной.

Политическая сфера. Средний класс — противник бюрократизации общества, идей ультраправых консервативных кругов, люмпенства; радикальных изменений. Таким образом, средний класс занимает центристские позиции, заинтересован в стабильности и устойчивости общества.

Социальная сфера. Средний класс выступает за более справедливое распределение духовных и материальных благ.

Духовная сфера. Для среднего класса характерен высокий уровень образования, культуры, развитое чувство гражданской активности и ответственности.

В оценке качественных характеристик, структуры среднего класса нет единства. Одни считают, что к нему можно отнести тех, у кого уровень дохода позволяет иметь благоустроенное жилище, легковой автомобиль и полный набор бытовой техники. Другие утверждают, что к среднему классу можно отнести всех граждан, имеющих личный автомобиль. Точнее будет, если использовать комплекс показателей. К числу таких показателей можно отнести: 1) уровень благосостояния, уровень дохода; 2) возможность использовать высокотехнологические предметы быта и услуг; 3) уровень образования и культуры, который позволяет выполнять высококвалифицированную работу или руководить какими-либо предприятиями, организациями; 4) стремление к экономической са-

мостоятельности, наращиванию капитала; 5) индивидуальное развитие и совершенствование.

Исторически «традиционные» средние слои за годы существования советской власти исчезли, их нужно восстанавливать заново. А «новые» средние слои не похожи на средние слои развитых стран мира. Для формирования среднего слоя в России пока нет необходимых условий. У значительной части наших людей нет чувства уверенности в завтрашнем дне. Исследования показывают, что сегодня средний период планирования жизни у россиян — от трех месяцев до полугода [22.С.9.]. Это серьезный недостаток в развитии общества.

В данной статье рассмотрены только некоторые проблемы современного российского общества и его социальной структуры. Анализ основных проблем под силу только крупным научным коллективам. Тем не менее выделенные и раскрытые автором статьи проблемы и тенденции позволяют сделать вывод о том, что современное российское общество является переходным и его социальная структура пока крайне противоречива и не является устойчивой, что служит серьезным барьером на пути прогресса нашего общества.

Список литературы

1. Андреев Е.М., Збарская И.А. Статистика смертности в России от причин алкогольной этиологии // *Вопр. статистики*. 2009. № 8.
2. Белуза А. Не плодите и не размножайте чиновников // *Известия*. 2009. 7 окт.
3. Бобков В. Реальные масштабы бедности в России значительно больше, чем принято считать // *Человек и труд*. 2007. № 5.
4. Бобков В. Социальная дифференциация — новый ракурс // Там же. № 6.
5. Богданов В. Отрава про запас // *Рос. газ*. 2009. 8 окт.
6. Богданов В. Очная встреча // *Рос. газ*. 2009. 24 сент.
7. Валлерстайн И. Анализ мировых систем в современном мире / пер. с англ. П.М. Кудюкина; под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкий. СПб.: Университетская книга, 2001.
8. Говорова Н.В. Занятость в постиндустриальном мире // *МЭ и МО*. 2007. № 12.
9. Гонтмахер Е. Бюджет возможного // *Рос. газ*. 2009. 14 апр.
10. Грицюк М. Семейный стандарт // Там же. 2007. 27 нояб.
11. Добромислова О. Как нам реорганизовать психиатрию // Там же. 2009. 22 апр.
12. Досье «РС» // Там же. 2009. 22 апр.
13. Досье «РГ» // Там же. 17 сент.
14. Дубичева К. Милиция борется с «монстрами» // Там же. 8 окт.
15. Естифеев Д. Только 10 процентов излечивается от наркомании // *Известия*. 2009. 19 окт.
16. Ефременко Т. Пенсионный возраст увеличен // *Рос. газ*. 2005. 28 сент.
17. Зыкова Т. Кто проспал кризис // Там же. 2009. 8 дек.
18. Козлова Н. Самогон как пропуск в зону // Там же. 17 сент.
19. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // *Федеральные и региональные программы России: информ. сб.* М., 2009. Вып. № 1 (55).
20. Куликов В. 15 суток — не тюрьма // *Рос. газ*. 2009. 8 апр.
21. Лыткин П. Пенсия — наказание за труд // *Правда*. 2009. 1 окт.
22. Лебедева Н. Едоки картофеля // *Рос. газ*. 2008. 2 окт.
23. Лебедева Н. Тусклый огонек // Там же. 2009. 18 июня.
24. Медведев Ю. Академический загон // Там же. 17 марта.
25. Модернизация: пути и средства // Там же. 27 ноября.
26. Никитин А. Гайдар всегда готов // *Деловое Прикамье*. 2003. 16 дек.
27. Послание Президента РФ Д.Медведева Федеральному собранию РФ // *Рос. газ*. 2009. 13 нояб.
28. Платонова Г.Д. Дети — товар — деньги // *Сов. Россия*. 2009. 19 марта.
29. Радченко В. Хорошо сидим // *Рос. газ*. 2008. 15 мая.
30. Собко С. Последний шанс // *Правда*. 2009. 27–30 нояб.

31. *Соколова М.* 80 копеек на человека // Рос. газ. 2005. 16 сент.
32. *Соловьев В.* КС проявил правовой нигилизм // Сов. Россия. 2009. 21 нояб.
33. *Фалеева М.* Забирают в милицию // Рос. газ. 2009. 1 июля.
34. Человек и труд. 2007. № 5. С.13.
35. *Шаповал В., Митрофанов К.* Российская школа в ряду других (результаты международного исследования PISA) // Отечественные записки. 2008. № 1.
36. *Шмелева Е.* 365 дней спасателя // Рос. газ. 2008. 26 дек.
37. *Шувалова Л.* Кадры // Там же. 2009. 17 февр.
-

MODERN RUSSIAN SOCIETY AND ITS SOCIAL STRUCTURE

A.G. Antipov

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

The author examines modern state of Society, gives its characteristics and notes its main problems and tendencies of development of its social structure, where negative features prevail.

Keywords: a society; social structure; social stratification

УДК 316.776.22/23

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОСТУПА НАСЕЛЕНИЯ К ИНФОРМАЦИОННЫМ РЕСУРСАМ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

С.Е. Гасумова

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: svetagasumova@ya.ru

Выявлен ряд противоречий в обеспечении гражданам доступа к информационным ресурсам социальной сферы в России, не позволяющих эффективно использовать возможности информационных технологий в оптимизации жизнедеятельности. Особое внимание уделено формированию интернет-ресурсов. *Ключевые слова:* информатизация; информационные ресурсы; информационное законодательство; информационные технологии; Интернет; информационная политика.

Обеспечение доступа населения к информационным ресурсам социальной сферы, и в первую очередь к государственным информационным ресурсам, следует рассматривать как наиболее социально значимое направление государственной политики информатизации, затрагивающее интересы всего общества и призванное изменить повседневную жизнь каждого человека. Рассмотрим тенденции, проблемы и противоречия формирования и эффективного использования государственных информационных ресурсов, предоставления беспрепятственного доступа к ним и осуществления на их основе информационного обеспечения населения Российской Федерации.

В современных условиях информационные ресурсы государства или отдельного региона должны рассматриваться как стратегически важная социально-экономическая категория, сопоставимая по значимости с природными ресурсами. Социальные аспекты данной проблемы заключаются в том, чтобы создать в обще-

стве такие условия, которые стимулировали бы носителей живых знаний к их отчуждению и фиксации в формализованном виде, пригодном для широкого социального использования. Целями государственной политики в области информационных ресурсов является обеспечение для общества и всех его членов достаточности, доступности и достоверности информационных ресурсов [8. С. 102–117].

Анализ официальных документов показал, что российское законодательство содержит многочисленные **гарантии доступа к государственным информационным ресурсам**. Конституция РФ обязывает органы государственной власти и органы местного самоуправления (МСУ), их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом. Каждому гарантируется право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информа-

цию любым законным способом. Провозглашается запрет на сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, и право граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды (ч. 2 ст. 24, ч. 4 ст. 29, ст. 41, 42) [9].

В соответствии с *Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и защите информации»* [33] информация о деятельности государственных органов и органов МСУ является открытой и свободно доступной. Важно, что лицо, желающее получить доступ к такой информации, не обязано обосновывать необходимость ее получения.

Бесплатно предоставляется информация о деятельности государственных органов и органов МСУ, размещенная такими органами в информационно-телекоммуникационных сетях; затрагивающая права и установленные законодательством РФ обязанности заинтересованного лица; иная установленная законом информация. Установление платы за предоставление информации о своей деятельности возможно только в случаях и на условиях, которые установлены федеральными законами. Мы полагаем, что неурегулированность вопроса соотношения открытости и общедоступности информации и возможности получения за нее платы с пользователей является пробелом в законодательстве, устранение которого особенно актуально для социальной сферы. Например, в некоторых регионах на сайтах органов власти есть платные разделы — и это может стать ключевой проблемой для населения.

В *Указе Президента «О дополнительных гарантиях прав граждан на информацию»* [28] право на информацию признается одним из фундаментальных прав человека. Здесь же определяется, что деятельность государственных

органов, организаций и предприятий, общественных объединений, должностных лиц осуществляется на принципах информационной открытости, что выражается в доступности для граждан информации, представляющей общественный интерес или затрагивающей личные интересы граждан, в систематическом информировании граждан о предполагаемых или принятых решениях и др.

Между тем в России лишь 14% населения считают, что безусловно обладают свободой получать и распространять информацию [17. С. 49]. Это свидетельствует о том, что гарантии доступа к государственным информационным ресурсам на практике зачастую имеют декларативный характер и требуют разработки действенного механизма их реализации. Законодательство не дает возможности определить временные, территориальные и стоимостные характеристики доступа каждого к указанным информационным ресурсам. Большинство граждан России не имеют возможности ознакомиться с информацией, определяющей их права и обязанности и регулирующей их поведение в повседневной жизни, с минимальными затратами сил, времени и средств.

Таким образом, нами выявлено **первое противоречие** между прогрессивно формирующимися, декларируемыми в официальных документах гарантиями доступа граждан к информации и отсутствием реального механизма обеспечения этого доступа, вызывающим, судя по эмпирическим данным, резко негативную оценку населением собственных информационных прав и свобод.

Для решения этих проблем Г.Т. Артамонов предлагает разработать и принять федеральный закон «О государственном информационном стандарте», устанавливающий государственные гарантии доступа всех граждан к определенно-

му набору информационных ресурсов. В этом законе были бы определены градации и типология информационных стандартов, учитывающие интересы различных слоев населения, организаций и существующий уровень развития информационной инфраструктуры в различных регионах страны, а также порядок разработки и ввода в действие информационных стандартов и ответственность должностных лиц за их несоблюдение. Для удовлетворения наиболее массовых потребностей физических лиц в информировании целесообразно установить минимальные государственные информационные стандарты, выполнение требований которых органы МСУ должны быть обязаны обеспечить путем организации справочного обслуживания граждан. Отсутствие у большинства граждан возможностей реализовать свое конституционное право искать и получать информацию, необходимую им в повседневной жизни, существенно сдерживает их общественную активность, с одной стороны, и позволяет недобросовестным деятелям создавать антиобщественные настроения — с другой [1. С. 16–19].

Действительно, данные мониторинга Левада-Центра за 2006 г. свидетельствуют о том, что 42% россиян воспринимают власть как «далекую от народа, чужую» (в 1998 г. таких было лишь 8%). 32% респондентов (для сравнения в 1998 г. — 6%) отметили, что в 2005 г. положение дел во влиянии простых людей на государственные дела изменилось к худшему [15. С. 76–77]. В 2007 г. правительству доверяли лишь 19% россиян, региональным властям — 20% [21. С. 137–140].

Серьезность проблемы обеспечения доступа населения к государственным информационным ресурсам отмечается во многих официальных документах. *Концепция использования*

информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года и *Концепция управления государственными информационными ресурсами* направлены на формирование государственных информационных ресурсов и обеспечение их открытости и широкого социального использования [10].

В первом документе сформулированы приоритеты использования информационных технологий в сферах здравоохранения, образования, социальной защиты, адресной помощи, трудоустройства и миграции человеческих ресурсов, трудовых отношений и условий труда и культуры. Обеспечение информационной открытости должно осуществляться путем создания интернет-ресурсов, содержащих информацию о деятельности органов власти, а также предоставления доступа к ним граждан и организаций; единой системы навигации по интернет-ресурсам органов государственной власти; инфраструктуры пунктов общественного доступа к информации о деятельности федеральных органов государственной власти; систем учета и обработки запросов граждан о предоставлении информации и контроля их исполнения.

Второй документ содержит жесткую критику того, что для органов власти всех уровней остается характерным отсутствие ориентации создаваемых информационных ресурсов на массовое информационное обслуживание населения по вопросам, связанным с деятельностью этих органов. Это способствует сохранению закрытости и недемократичности российской власти.

В *Доктрине информационной безопасности Российской Федерации* признается, что необеспеченность прав граждан на доступ к информации, манипулирование информацией вызывают

негативную реакцию населения, что в ряде случаев ведет к дестабилизации социально-политической обстановки в обществе [4]. Сегодня в соответствии с российским законодательством открытость и доступность общественному контролю, объективное информирование общества выступают одним из основных принципов построения и функционирования системы государственной службы [32. Ст. 3]. Однако на практике информационная доступность управленческих структур социальной сферы отстает от других отраслей, оставляя желать лучшего. Например, в рейтинге информационной открытости органов власти за 2003 г. ведомства культуры, образования, труда и социального развития получили экспертную оценку 5 баллов из 9, здравоохранения (на тот момент отдельного министерства) — всего 3 балла [13].

Характерно, что при этом сами чиновники понимают важность информационной открытости. Экспертный опрос работников федеральных, региональных и муниципальных структур управления (всего 230 чел.), проведенный Российской академией государственной службы при Президенте РФ в 2007 г., показал, что они среди путей совершенствования государственной информационной политики на 1-е место ранжируют информационное обеспечение — предваряющее, аналитическое, прогностическое — осуществляемых реформ (коэффициент полезности 3,57 балла по пятибалльной шкале оценок), а среди недостатков государственной политики на 3-е место определяют ограниченный доступ граждан к управленческой информации (коэффициент угрозы 2,9 балла из 5) [7. С. 86–96].

Информационное обеспечение граждан органами государственной власти и местного самоуправления, а также общественными объединениями в России осуществляется в первую

очередь через «традиционные» средства массовой информации в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. В соответствии с *Законом РФ «О средствах массовой информации»* [5. Ст. 38] граждане имеют право на оперативное получение через средства массовой информации (периодические печатные издания, радио-, теле-, видеопрограммы, кинохроникальные программы и иное) достоверных сведений о деятельности государственных органов и организаций, общественных объединений, их должностных лиц. Социально значимые телерадиопрограммы и издания в целях улучшения информационного обеспечения населения России с 1996 г. отнесены к продукции для федеральных государственных нужд [24]. Расходы, связанные с их оплатой, предусматриваются в федеральном бюджете.

Особое внимание в официальных документах уделяется реализации прав инвалидов на доступ к информации в условиях информатизации и их информационному обеспечению. В *указе Президента РФ «О научном и информационном обеспечении проблем инвалидности и инвалидов»* [29] и *постановлении Правительства РФ «О мерах по обеспечению беспрепятственного доступа инвалидов к информации и объектам социальной инфраструктуры»* [22] регламентируются такие мероприятия, как поддержка редакций, издательств и предприятий полиграфии, осуществляющих выпуск периодической, научной, учебно-методической, справочно-информационной и художественной литературы для инвалидов и по проблемам инвалидности; увеличение выпуска кино- и видеопродукции с субтитрами для глухих; разработка долгосрочной государственной комплексной программы научного обеспечения и информатизации проблем инвалидности и инвалидов, включающей создание национального

банка данных по проблемам инвалидности и инвалидов, региональных центров информации.

Однако в условиях информатизации современного общества информационное обеспечение граждан не может осуществляться только через «традиционные» средства массовой информации. В информационном обществе с этой целью должны использоваться электронные СМИ, новые ИТ. Тем более что в России резко (примерно в 1,5 раза в год) возрастает количество лиц и институтов, имеющих доступ в Интернет и использующих его для удовлетворения своих потребностей [6. С. 73–82]. Все социально значимые информационные ресурсы общества должны переводиться в электронную форму для обеспечения их доступности для граждан, в том числе на основе удаленного доступа в сетевом режиме.

Рассмотрим **проблемы и перспективы формирования информационных ресурсов социальной сферы в российском сегменте сети Интернет**. Вообще, саму возможность использования в социальной сфере массового, свободного, удаленного доступа населения к информации, касающейся актуальных проблем жизнедеятельности граждан, которую предоставляет сеть Интернет, необходимо рассматривать как одну из величайших ценностей современного общества. Сегодня подобная технология позволяет, наконец, реализовать целый ряд законодательных гарантий доступа граждан к информации, носивших ранее во многом декларативный характер.

Статья 12 *Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации»* [33] предусматривает развитие информационных систем различного назначения для обеспечения граждан (физических лиц), организаций, государственных органов и органов МСУ информацией, обеспечение взаи-

модействия таких систем, а также создание условий для эффективного использования в Российской Федерации информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Государственные органы, органы МСУ в соответствии со своими полномочиями должны создавать информационные системы и обеспечивать доступ к содержащейся в них информации. Специалисты отмечают, что в этот закон должны быть внесены изменения, уточняющие конкретный порядок использования сети Интернет государственными органами и формирования в ней государственных информационных ресурсов с целью обеспечения граждан информацией о деятельности этих органов. Целесообразно предусмотреть обязательную публикацию в сети Интернет вступивших в силу законодательных актов. Необходимо закрепить положение об обязательном обеспечении доступа в Интернет учреждениям социальной сферы на некоммерческой основе. Федеральные органы государственной власти должны объявить и начать проводить, в том числе средствами нормативного регулирования, политику государственной поддержки развития Интернета в России, подобно тому, как это уже происходит в США, странах Европейского союза и других развитых странах мира. Важно урегулировать предотвращение общественно опасных деяний, совершаемых в Интернете (в частности, распространения оскорбительной и непристойной информации, антиобщественных призывов), создать нормативные условия для эффективного выявления и наказания лиц, совершающих такие правонарушения [12. С. 19–26].

Все это дает основания для выделения **второго противоречия** между необходимостью формирования «человеческого капитала» как основы инновационной экономики, базирую-

щейся на знаниях, и низким приоритетом в государственной информационной политике мероприятий социальной направленности, ее ориентацией на компьютеризацию при недостаточном внимании к интеллектуализации и медиатизации, провоцирующем формирование информационного неравенства в обществе, отсутствие возможностей социальной адаптации различных социальных групп посредством ИТ.

Критика существующей ситуации с доступом к электронным ресурсам содержится в ФЦП «*Электронная Россия (2002 — 2010 годы)*» [23], что, на наш взгляд, крайне прогрессивно, поскольку свидетельствует об осознании этой проблемы государством. Отмечается, что открытые информационные системы пока недоступны для граждан с невысокими доходами, а также существенно ограничена возможность их использования образовательными и научными учреждениями, учреждениями здравоохранения и культуры, бюджетными организациями, местными СМИ, органами государственной власти и МСУ.

Для решения проблемы предусматриваются мероприятия по двум направлениям: содействие развитию общей телекоммуникационной инфраструктуры страны и создание пунктов подключения к общедоступным информационным системам. Значительная часть средств, выделяемых на «*Электронную Россию*», направляется именно на создание компьютерных сетей в бюджетных организациях и пунктов доступа в Интернет в российской глубинке. Пункты доступа создаются на почтах, в учебных заведениях, в библиотеках, и их количество достигает более 13,5 тыс. по России [25]. Проект «*КиберПочт@*» по развертыванию сети пунктов коллективного доступа в Интернет предусматривает помощь специалистов всем желающим вне зависимости от возраста и уровня зна-

ния компьютерных и интернет-технологий вести поиск работы, получать дистанционное образование, заказывать товары в электронном магазине. Желающим помогают также завести собственный электронный адрес, распечатать электронные письма, газеты или нужный материал из сети Интернет. К 2010 г. программой «*Электронная Россия*» предусмотрено открытие таких пунктов во всех отделениях почты [14].

В то же время отметим, что за рубежом, в отличие от России, создаются пункты бесплатного общественного доступа в Интернет (например, в Великобритании — на базе библиотек [41]). Учитывая проблему информационного неравенства, считаем необходимым использовать этот опыт в России и сформировать сеть пунктов общественного доступа в Интернет на некоммерческой основе для вовлечения в процесс информатизации малообеспеченных социальных групп.

Вообще, первоначально ФЦП «*Электронная Россия*» только косвенно затрагивала социальную сферу. Однако мониторинг отношения общественности к программе, проведенный ВЦИОМ в 2003 г., обнаружил приоритет для населения именно мероприятий социальной направленности, таких как телемедицина, дистанционное образование, обучение компьютерной грамоте, создание возможностей для доступа к глобальной сети — например бесплатных интернет-пунктов. За обеспечение прозрачности государственной власти высказались более 40% россиян [16]. В результате разработчики пришли к выводу о некоторых недоработках программы и необходимости придания ей «*социального характера*» путем выделения конкретных проектов, нацеленных на удовлетворение насущных потребностей как общества в целом, так и отдельных граждан. К ним отне-

сены федеральные проекты «Телемедицина», «Дистанционное обучение», федеральная система оперативного контроля состояния природных ресурсов и опасных объектов и комплекс проектов по реализации концепции «электронного правительства» [30. С. 13]. Действительно, подобные технологии, на наш взгляд, не только резко повышают качество и оперативность информационного обеспечения населения по самым разнообразным направлениям повседневной жизни и деятельности, но и позволяют существенно уменьшить информационную нагрузку на государственных и муниципальных служащих и даже сократить их штат.

Мало кому известно, что с 2003 г. существует конкретный перечень обязательных для размещения в информационных системах общего пользования (в том числе в сети Интернет) сведений о деятельности Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти [19]. Данный перечень рекомендован также органам исполнительной власти субъектов РФ и органам МСУ для принятия мер по обеспечению доступа граждан и организаций к информации о своей деятельности. К обязательным для размещения в сети Интернет сведениям относятся: нормативные правовые акты, регулирующие сферу деятельности, и акты органа власти; порядок деятельности органа власти; сведения о реализации федеральных целевых программ; сведения об официальных мероприятиях; тексты официальных выступлений и заявлений руководителей и заместителей руководителей; сведения о проектах разрабатываемых законов; аналитические доклады и обзоры информационного характера; сведения о взаимодействии с иными органами государственной власти, общественными объединениями, политическими партиями и другими ор-

ганизациями; обзоры обращений граждан и организаций, результаты рассмотрения обращений и принятые меры; сведения об основных показателях, характеризующих ситуацию в отрасли и динамику ее развития; прогнозы; официальная статистическая информация и др.

К сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время на уровне субъектов РФ, а тем более на муниципальном уровне требования данного перечня обязательных для размещения на сайте органа власти сведений пока соблюдаются далеко не в полном объеме. Более того, федеральные органы исполнительной власти зачастую лишь в принудительном порядке на основании судебных решений создают свои сайты либо дорабатывают их содержание. Что касается ведомств социальной сферы, то, к примеру, в 2004 г. суд обязал Министерство труда и социального развития (в настоящее время — здравоохранения и социального развития) привести в соответствие с законодательством содержание официального сайта. В марте 2005 г. решением суда по иску Института развития свободы информации Федеральная служба по труду и занятости и Федеральное агентство по здравоохранению и социальному развитию были обязаны разместить на своих сайтах всю необходимую информацию [27].

Основным аргументом государственных органов власти в неисполнении требований перечня сегодня является отсутствие в штатном расписании специалистов по ведению сайтов. Как отмечают эксперты [26], к сожалению, даже создав собственные сайты, большинство федеральных органов власти пока ограничиваются формальным исполнением нормативов: заводят доменное имя, размещают там эмблему службы и фотографию ее здания, пускают по левой колонке несколько ссылок с не требующей обновления информацией.

Отметим основные недостатки российских сайтов органов государственной власти. Эксперты относят к ним отсутствие либо неоперативность обратной связи; отсутствие интерактивных разделов, в рамках которых посетители могли бы общаться и решать текущие проблемы (гостевая книга, конференция, форум); несоответствие контента потребностям и интересам целевой аудитории пользователей и отсутствие оперативного администрирования.

Соответственно можно сформулировать условия, при которых сетевые ресурсы государственных органов социальной сферы могут стать популярными. Во-первых, сайт должен презентабельно выглядеть, поскольку он является виртуальной «визитной карточкой» владельца. Современный дизайн, соответствие требованиям времени на уровне структуры и технологий — обязательные требования. Во-вторых, ресурс должен оперативно обновляться. Возможности сети Интернет позволяют свести разрыв от появления новости до ее публикации буквально к нескольким минутам. В-третьих, информация должна быть эксклюзивной и востребованной. Необходимо тщательно исследовать потребности аудитории для формирования контента. И, наконец, в-четвертых — интерактивность. Ничто не привлекает пользователя сильнее, чем возможность напрямую задать вопрос представителям власти или просто поделиться мнением о предпринимаемых ими действиях и получить «онлайнный» ответ [3].

Отсутствием интересных, полезных и важных для населения интернет-ресурсов обусловлены низкие темпы роста числа пользователей Всемирной сетью в нашей стране. Сравним распространение компьютеров с Интернетом и мобильных телефонов в России. Данные ВЦИОМ свидетельствуют, что в 2007 г. 33%

российских семей имели дома компьютер [20]. По оценкам фонда «Общественное мнение», в 2009 г. все еще лишь 33% совершеннолетних россиян являются пользователями сети Интернет (к примеру, в Великобритании 71%) [18]. При этом мобильную связь еще в 2006 г. могли себе позволить 58% россиян, москвичей — 70% [2]. То есть по количеству владельцев мобильных телефонов мы вполне соответствуем западноевропейским нормам. Следовательно, если у населения есть возможность массово пользоваться мобильной связью, компьютеры и Интернет россияне себе тоже смогли бы позволить. Не происходит этого, очевидно, потому, что нет такой потребности. Даже когда компьютеры есть, их возможности используются далеко не всеми — нужна информация, для доступа к которой требовались бы компьютер и соединение с Интернетом. Этой информации все еще недостаточно. По оценкам фонда «Общественное мнение», большинство россиян не только никогда не бывали во Всемирной паутине, но и не испытывают желания начать ею пользоваться. Кроме того, требуется обучение населения новым информационным технологиям, нужны программы, необходимо создание инструментов и потребности в их использовании.

Более того, по данным проведенного нами экспертного опроса специалистов в области информатизации Пермского края сформировалось мнение, что сегодня уже пора создавать даже детские интернет-ресурсы (например, разделы на сайтах, включая сайты органов власти, подающие информацию в доступной, забавной, визуально-экспрессивной форме).

Соответственно, выделим **третье противоречие** между обширностью и разнообразием электронных информационных ресурсов социальной сферы и несоответствием их содержа-

ния информационным потребностям социальных групп, обуславливающим слабую активность индивидов в овладении и использовании ИТ, низкую эффективность взаимодействия населения с органами и учреждениями социальной сферы.

Тем не менее в целом в последние годы отмечается существенный прогресс в формировании и использовании интернет-ресурсов в социальной сфере в России. Довольно активно развивающимися информационными технологиями на базе сети Интернет, на наш взгляд, можно назвать следующие:

- создание и использование web-ресурсов государственными (и пока в меньшей степени — муниципальными) органами и учреждениями социальной сферы;
- создание и использование интернет-ресурсов некоммерческими организациями (хотя эксперты, как показал опрос, и оценивают эти ресурсы как малодостоверные, непрофессиональные);
- создание и ведение баз и банков данных по социальной тематике различными коммерческими организациями (например, БД по трудоустройству, по частным детским учреждениям, по медицинским услугам и т.п.).

Мы оцениваем как прогрессивную меру введение с 30 декабря 2006 г. в России обязанности некоммерческих организаций размещать на сайте в сети Интернет годовой отчет о формировании и использовании целевого капитала [31]. Эта беспрецедентная по важности мера позволит довести до населения и органов государственной власти сведения о деятельности фондов, автономных некоммерческих организаций, общественных организаций, общественных фондов и религиозных организаций, доходы от целевого капитала которых используются

в сфере образования, науки, здравоохранения, культуры, физической культуры и спорта, искусства, архивного дела, социальной помощи (поддержки).

Появляются отдельные примеры инновационных проектов в области использования сети Интернет в социальной сфере в России. Так, уникальный интернет-проект начал реализовываться с 2006 г. для медицинских и фармацевтических работников. Его суть — в повышении навыков использования сети Интернет в профессиональных целях путем проведения обучающих семинаров, обеспечения бесплатным доступом в сеть, осуществления бесплатного консультирования по многоканальному телефону по вопросам пользования Интернетом в повседневной работе, выхода на нужные сайты, участия в различных профессиональных форумах [11]. Без сомнения, подобные проекты необходимо реализовывать и в других областях социальной сферы: в социальном развитии, образовании, культуре.

Зарубежный опыт использования интернет-технологий в социальной сфере тоже достаточно интересен и достоин внедрения в нашей стране. Например, в каждой школе Германии висит плакат и разложены маленькие карточки с информацией о сайте Уполномоченного по защите прав детей, на котором ребенок может анонимно обратиться за советом к специалисту по поводу любых возникающих проблем, о которых дети зачастую стесняются говорить открыто (таких, как насилие в семье и т.п.). Интернет-проекты используются в решении психологических проблем профессиональной ориентации молодежи, в профилактике эмоционального выгорания педагогов [37; 38]. В г. Вустер (Великобритания) стикеры с адресом сайта кризисного центра для женщин приклеивают на двери кабинок уборных в университете

и других общественных заведениях. Интересно, что реклама сайтов социальной сферы бесплатно распространяется среди населения и в виде различной сувенирной продукции (магниты на холодильник и т.п.), что обуславливает возможность использования таких предметов в быту, учебе или на работе, а следовательно, — их более длительное сохранение. В г. Бирмингем (Великобритания) в рамках программы «Электронный Бирмингем» среди населения ведется пропаганда использования бесплатного программного обеспечения, бесплатного доступа в Интернет на базе библиотек, бесплатных информационных услуг, предоставляемых всем желающим на сайтах органов государственной власти, распространяется бесплатная методическая литература об интернет-технологиях [34; 35; 36; 39; 40].

Еще одно направление использования интернет-ресурсов в социальной сфере — организация интерактивной связи органов власти с населением посредством информационных и телекоммуникационных систем, функционирующих в интерактивном режиме. Это хорошо известная в развитых странах Запада проблема, где она уже нашла свое практическое решение. Так, «электронное правительство» США («Официальный правительственный веб-портал» <http://www.First-Gov.gov/> сайтов федеральных, штатных и местных органов власти) предоставляет свыше 1 тыс. электронных форм и реальных услуг, условия для интерактивного диалога в режиме реального времени. Опыт США свидетельствует, что внедрение новых интерактивных технологий в сферу деятельности муниципальных органов управления позволяет существенно повысить эффективность работы городских служб, сделать их более отзывчивыми к нуждам и запросам населения и даже создать электронный форум для обсуждения

волнующих общественность вопросов. Специальные видеотерминалы, оснащенные сенсорными экранами и установленные в особых будках, размещены в библиотеках, продовольственных магазинах, торговых центрах и других общественных местах.

В Великобритании за годы существования «электронного правительства» число государственных служащих снизилось с 750 тыс. (в 1976 г.) до 475 тыс. чел. (в 2004 г.). Но самое главное — создание таких систем резко повышает качество и оперативность информационного обслуживания населения по самым разнообразным направлениям повседневной жизни и деятельности (процедуры регистрации юридических документов, информация по судебному делопроизводству, доступ к автоматизированному каталогу местной библиотеки и т.п.). Кроме того, до 40% операций производится в Интернете в нерабочее для правительственных чиновников время, что удобно для граждан [6. С. 73–82].

Электронная форма взаимоотношений с гражданами делает все услуги экономичными и оперативными, снижая издержки населения на взаимодействие с государственными чиновниками. По оценкам экспертов, в социальной сфере это — равная доступность благ и услуг образования, медицины, культуры вне зависимости от места проживания, т.е. преодоление регионального неравенства, сокращение расстояний и часовых поясов [3].

Таким образом, проведенный анализ показал существование ряда проблем и противоречий в обеспечении доступа населения к информационным ресурсам социальной сферы и позволил сформулировать некоторые рекомендации по их преодолению.

Список литературы

1. Артамонов Г.Т. К вопросу об информационном законодательстве России // Информационные ресурсы России. 2000. № 2. С. 16–19.
2. Гагин А. Клик за границу // Рос. газ. 2006. 22 нояб.
3. Государственные органы социального развития и социальная сфера в Интернете: анализ отечественного и зарубежного опыта, рекомендации: обзор / Консалтинговое Интернет-агентство «Промо.ру Интерэktiv» (Группа «Дот-Промо») для Минтруда России в рамках Проекта СПИЛ 2.2.5.2/25 // Уровень жизни населения России: Доходы. Социальная защита: [CD-ROM] / Минво труда и соц. развития РФ. Тула: ОАО «ПКТИ АСУ», 2002.
4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Президентом РФ 9.09.2000 № Пр-1895 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Закон РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124-I (ред. от 02.11.2004) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Ирхин Ю.В. «Электронное правительство» и общество: мировые реалии и Россия (сравнительный анализ) // Социс. 2006. № 1. С. 73–82.
7. Киричек П.Н. Современная информационная политика: императивно-модусная система // Там же. 2007. № 10. С. 86–96.
8. Колин К.К. Социальная информатика: учеб. пособие. М.: Акад. проект: Фонд «Мир», 2003.
9. Конституция Российской Федерации. М.: Приор, 2001.
10. Концепция использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года; Концепция управления государственными информационными ресурсами: материалы сайта М-ва РФ по связи и информационным технологиям [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minsvyaz.ru/> (дата обращения: 12.05.2008).
11. Краснопольская И. Подключайтесь! Обучайтесь! Общайтесь! В России стартовал образовательный проект для медицинских и фармацевтических работников // Рос. газ. 2006. 22 сент.
12. Кристальный Б., Якушев М. Концепция российского законодательства в области Интернета // Информационные ресурсы России. 2000. № 2. С. 19–26.
13. Круковец К. Кто делает погоду? Рейтинг открытости органов власти // Рос. газ. 2003. № 178.
14. Майгур В. Почта укореняется в киберпространстве // Там же. 2005. 29 дек.
15. Мониторинг Левада-Центра. Власть в общественном мнении // Социс. 2006. № 8. С. 76–77.
16. На то и мышка, чтоб клерк не дремал // Рос. газ. 2003. 26 авг.
17. Опросы без комментариев. Права и свободы // Социальная реальность. 2007. № 10.
18. Опросы «Интернет в России» // Специальный выпуск фонда «Общественное мнение». 2009. Март.
19. Перечень сведений о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти, обязательных для размещения в информационных системах общего пользования: утв. постановлением Правительства РФ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти» от 12.02.2003 № 98 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Персональный компьютер — в каждой третьей российской семье! // Пресс-выпуск Всерос. центра изучения общественного мнения. 2007. 28 нояб. № 821.
21. Подъячев К.В. Обращения граждан во власть: функциональные особенности // Социс. 2007. № 5. С. 137–140.
22. Постановление Правительства РФ «О мерах по обеспечению беспрепятственного доступа инвалидов к информации и объектам социальной инфраструктуры» от 07.12.1996 № 1449 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
23. Постановление Правительства РФ «О Федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 — 2010 годы)» от 28.01.2002 № 65 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
24. Постановление Правительства РФ «Об улучшении информационного обеспечения населения Российской Федерации» от 12.01.1996 № 11 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
25. Статистика отрасли связи: 1-е полугодие 2006 г.: материалы сайта М-ва РФ по связи и информационным технологиям [Электронный ресурс].

- URL: <http://www.minsvyaz.ru/> (дата обращения: 15.03.2007).
26. Телехов М. Парад эмблем: почти все органы федеральной исполнительной власти обзавелись сайтами // Рос. газ. 2006. 27 янв.
 27. Телехов М. Суд — за сайт: федеральные органы власти должны будут создавать свои Интернет-ресурсы // Там же. 2005. 21 окт.
 28. Указ Президента РФ «О дополнительных гарантиях прав граждан на информацию» от 31.12.1993 № 2334 (ред. от 01.09.2000) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 29. Указ Президента РФ «О научном и информационном обеспечении проблем инвалидности и инвалидов» от 27.07.1992 № 802 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 30. Федеральная целевая программа «Электронная Россия»: достижения, проблемы, перспективы // Библиотечка «Российской газеты». 2003. Вып. № 15.
 31. Федеральный закон «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» от 30.12.2006 № 275-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 32. Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27.05.2003 № 58-ФЗ. Ст. 3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 33. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 34. Access-Ability: Information for Disabled Students and those with Specific Learning Difficulties (including Dyslexia) / Equal Opportunities Centre, Disability Service, University of Worcester. Worcester, 2007.
 35. Austin C. Access to IT: Student Network Services Guide // Information and Learning Services. 2007. № 5.
 36. Shiel A. Electronic Resources // Information and Learning Services. 2007. № 8.
 37. Sieland B. Das Lehrerforum als virtuelle multiprofessionelle Lerngemeinschaft // Schulverwaltung NRW. 2006. № 2. S. 54-55.
 38. Sieland B., Rahm T. Personale Kompetenzen entwickeln // Handbuch Schulpsychologie: Psychologie für die Schule / Fleischer T., Grewe N., Jotten B., Seifried K., Sieland B. (Hrsg.). Stuttgart: Kohlhammer, 2007. S. 197-209.
 39. Taylor A. How to find information for your assignments // Information and Learning Services. 2007. № 10.
 40. Taylor A. Using Resources Online // Information and Learning Services. 2007. № 6.
 41. Try free computer software at your local library / Birmingham City Council. Birmingham, 2007.

THE MAINTENANCE OF ACCESS TO INFORMATION RESOURCES OF SOCIAL SPHERE

S. Gasumova

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

In the article a number of contradictions in maintenance of access to information resources of social sphere for citizens in Russia are revealed. They do not allow to use the opportunities of information technologies in optimization of ability to live effectively. The special attention is given to the formation of Internet-resources.

Keywords: informatization; information resources; information legislation; information technologies; Internet; information policy

УДК 316.356.2

РАЗВОД — ОБОРОТНАЯ СТОРОНА БРАКА*Л.А. Хачатрян*

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, Букирева, 15
e-mail: Hachatryan@psu.ru

Раскрывается социальная сущность развода, обосновывается положение о том, что развод сегодня является одним из параметров общественной жизни. Рассматривается история развода, выделяются факторы, увеличивающие его вероятность, анализируются причины развода и его последствия для членов семьи и для общества.

Ключевые слова: брак; развод; эволюция законодательства о браке и разводе; факторы развода; дестабилизаторы брака; вероятность и факторы развода; причины и мотивы развода; последствия развода.

Семья является связующим звеном между природой и обществом, первой формой социальной общности людей, опирающейся на кровные или брачные родственные связи. Благодаря семье сохраняется человек и природно-социальная среда его обитания. В ней осуществляется производство и социализация человека, реализуется потребность в коллективности существования, протекает его интимная жизнь.

Основу семьи составляет супружеская пара. Естественную потребность людей в продолжении рода реализует и упорядочивает институт брака. В социологии брак рассматривается как исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между мужчиной и женщиной, определяющая их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям. Заключение брака имеет большое значение не только для семьи, но и для общества. Юридическим оформлением брака фиксируется образование семьи, через брак общество способно осуществлять соци-

альный контроль за состоянием и развитием семейно-брачных отношений. Государство получает возможность прогнозировать развитие экономики, будущие трудовые ресурсы, определять перспективы роста населения страны, разрабатывать действенную семейную и демографическую политику.

Во многих экономически развитых странах институт брака подвергается радикальным изменениям: брак утрачивает свои функции, перестает играть определяющую роль в отношениях между супругами. Возникает множество нестандартных, нетипичных форм брака, среди которых наиболее популярен так называемый фактический брак, т.е. брак, не зарегистрированный в соответствующих органах. Во второй половине XX в. было предложено называть такой брак пробным, или этапом, предшествующим заключению.

На этом этапе молодая супружеская пара проверяла свою готовность к брачным отношениям. Но практика увеличения численности

пробных браков и сокращения числа официальных заставила некоторых социологов сделать неутешительный вывод: брак как социальный институт отмирает. В настоящее время социологи многих стран отмечают, что некоторые сожительствующие пары при появлении у них ребенка женятся. Но, несмотря на то что они прошли этап «притирки» в «пробном браке», их официальный союз не становится крепче. Английские социологи, проведя ряд исследований, пришли к выводу, что среди вступивших в брак в 1980-е гг. у сожительствующих пар вероятность развода через пять лет официального брака была на 50%, а после восьми лет — на 60% выше, чем у пар, которые до брака не сожительствовали [8. С.429]. Исследования, проведенные в США, подтвердили данный вывод: среди тех, кто сожительствовал до брака, доля разошедшихся или разведенных супругов в первые 10 лет брака была на треть выше, чем среди тех, кто не делал этого: 36% против 27%.

Рост числа разводов и процессы, происходящие с институтом брака, заставляют сделать вывод: распад брака в результате развода не утратил своей актуальности. Развод как официальное расторжение брака можно рассматривать и как результат эволюции брачно-семейных отношений, и как проявление их кризиса. В социологии под разводом понимается прекращение брака при жизни супругов с предоставлением им права вступления в новый брак. Массовый процесс распада супружеских пар в поколении вследствие расторжения брака получил название разводимости [15.С.367].

Проблема разводов существовала во все времена, и ученые искали объяснение данному явлению, выясняли его причины, пытались сформулировать предложения по укреплению брака. Общество в различные времена решало проблему разводов по-разному. У одних наро-

дов развод зависел от воли супругов, у других общество вырабатывало систему мер, направленных на предупреждение развода. А у некоторых развод вообще был запрещен. Но в оценке брака долгое время преобладала точка зрения тех, кто рассматривал брак как практически пожизненный союз мужчины и женщины. И установка прожить с супругом или с супругой до гробовой доски многое определяла в отношениях мужа и жены примерно до середины 40-х гг. XX в. Данная установка делала супругов терпимее друг к другу и к проблемам, с которыми они сталкивались, заставляла принимать действенные меры для сохранения и упрочения семьи.

Известно, что в Великобритании до 1857 г. развод был возможен только по специальному решению парламента. Долгое время преимущественным правом на развод обладал мужчина при условии, что он чувствовал себя несчастным в браке. Но уже к середине XX в. число разводов в Британии увеличилось в десять раз по сравнению с довоенным периодом. Столкнувшись с данным явлением, английское общество было вынуждено принять ряд законов, упрощающих процедуру развода. Закон, разрешающий развод, был издан лишь в 1947 г. [2.С.138]. Но в течение долгого времени он был длительным и дорогостоящим процессом, который могли себе позволить далеко не все желающие развестись. С 1970 г. единственным основанием для расторжения брака становится критерий «необратимого распада брака». С 1984–1985 гг. законодательство Великобритании пополнилось положением о возможности развода супругов сразу по истечении одного года после заключения брака. Общее число разводов в этот период стало для страны рекордным, и все чаще инициатором развода выступала женщина, именно она предпринимала

первый шаг на пути расторжения брака [8. С.378].

В США легализация разводов началась еще в XIX в., когда был определен судебный порядок расторжения брака, базирующийся на принципе вины одной из сторон. Закон определял перечень проступков, совершение которых могло привести к разводу: супружеская измена, жестокое обращение с супругой, отказ от материальной поддержки семьи, пьянство. Виновником развода обычно признавался муж, он лишался права на воспитание детей. В 1970-е гг. были приняты дополнения к закону: истец был избавлен от необходимости представлять в суд доказательства вины второй половины. Основанием для развода могли служить психологическая или сексуальная несовместимость, фактическое прекращение супружеских отношений и др.

В дореволюционной России признавался только церковный брак, развод был крайне затруднен, особенно для православных. В конце XIX в. 70% населения России было православным, и общий коэффициент разводимости среди них был равен 0,02 ‰. Из истории российского общества известно, что иногда разводы происходили по инициативе мужчин и по четко обозначенным причинам: доказанного прелюбодеяния жены, неспособности одного из супругов к «брачному сожитию», уголовного наказания или безвестного длительного отсутствия одного из супругов. В качестве примера можно привести разводы великого князя Московского Василия III, царя Петра I и др. [4.С.67]. Сама процедура была столь сложной и долговременной, что супругам проще было жить раздельно, не оформляя развода. Несмотря на то что расторжение брака по взаимному согласию, а тем более по инициативе женщины было невозможным делом, начиная с XVIII в. постепенно

начала складываться практика бракоразводных дел и по инициативе женщин. Все чаще женщины решались уйти от мужей, возвращались к родителям либо жили в одиночестве, или уходили к своему новому избраннику. Поэтому число фактических разводов было явно выше официально зарегистрированных.

После Октябрьской революции с принятием новых законов о браке и семье в России был отмечен рост их числа, и с середины 1920-х гг. число фактических разводов приблизилось к числу юридических. Одним из первых декретов советской власти был «Декрет о разводе», где провозглашалась полная свобода расторжения брака как по обоюдному согласию супругов, так и по желанию одного из них. В 1926 г. был принят первый советский кодекс о браке, семье и опеке, где закреплялась довольно простая процедура развода. Но в послевоенные годы законодательно была введена двухступенчатая процедура расторжения брака с обязательным рассмотрением дела в суде и публикацией факта развода в печати, что сразу привело к снижению числа разводов. Вся общественная жизнь была нацелена на сохранение семьи административно-принудительными методами. Развод стал признаваться серьезным общественным проступком.

С проблемой нарастания разводов все развитые страны столкнулись с середины 1940-х гг. Во многих странах, участвующих во Второй мировой войне, после ее окончания из-за развода распалось примерно 0,5% брачных союзов. Особенно остро этот процесс проходил в США, где распалось более 2% браков. К концу 1950-х гг. уровень разводов снизился. Но заметное увеличение произошло в период с 1965 г. до конца 1970-х гг. Следует отметить, что, несмотря на растущее число разводов, до середины XX в. разводимость не играла заметной

роли в воспроизводстве населения, не оказывала существенного воздействия на демографические и социальные процессы, на формирование брачно-семейной структуры населения. Но именно в это время развод становится главной причиной прекращения брака как в репродуктивном, так и в трудоспособном возрасте: так, разводом заканчивались 57% браков в США, 44% — в Исландии, 38% — в Нидерландах.

Увеличение числа разводов произошло и в СССР. В стране распался каждый третий брак [18.С.205]. Закон 1966 г. значительно упростил процедуру развода, особенно при отсутствии несовершеннолетних детей и наличии обоюдного согласия супругов, что привело к увеличению коэффициента разводимости почти в два раза: если в 1965 г. он составлял 1,6‰, то в 1966 г. — уже 2,6‰ [10.С.183]. К концу 1960-х гг. Советский Союз по количеству разводов был уже на втором месте после США.

Реформирование законодательства о браке продолжалось: с 1969 г. процедура развода стала еще проще: брак расторгался по заявлению одного из супругов в судебном порядке даже без согласия другого. В случае отсутствия детей и по обоюдному согласию развод стал возможен в органах ЗАГС. В результате уже к началу 1990-х гг. общий коэффициент разводимости в России составлял 3,8‰.

В то же время в отечественной науке развод зачастую рассматривался как пережиток капитализма. Именно ему были посвящены бурные научные дискуссии 1970-х гг. В итоге в советской социологии на проблему развода сложились две основные точки зрения. Одна из них заключалась в том, что в ходе строительства коммунизма будут сформированы новые отношения в быту, появится новая коммунистическая семья и все негативные явления в браке, в том числе и развод, исчезнут. Вторая точка

зрения опиралась на задачу, которая была поставлена перед советским обществом — формирование всесторонне и гармонически развитой личности. Поскольку решающим элементом удачного брака признавался характер человека, то считалось, что достаточно сформировать новую личность и разводов в новом коммунистическом обществе не будет. Всесторонне и гармонически развитая личность просто не способна привести семью к распаду.

Общество всегда заинтересовано в воспроизводстве поколений. Любому государству выгодно, чтобы люди состояли в браке, так как прочный брак ведет к прочной семье, прочная семья воспитывает будущих граждан, от которых зависит устойчивость экономики и темпы общественного развития. Поэтому государство принимало самые различные меры, направленные на борьбу с разводами, на их профилактику. В древнем обществе брак был обязателен для всех людей, достигших половой зрелости. На развод налагалось табу. Но в исключительных случаях развод был возможен. До сих пор в таких странах, как Афганистан, Индия, Ливан, Сирия, Иран и др., развод запрещен. В некоторых странах развод разрешен только с середины 1960-х гг. Испания до сих пор не признает права на развод.

В настоящее время в ряде стран в целях укрепления брака приняты меры, не всегда популярные у населения. Так, в 23 штатах США существуют законы, запрещающие супружескую неверность, которая определяется как важнейшая причина прекращения брака. Например, в штате Висконсин наказание за супружескую неверность предполагает два года тюремного заключения и 10 тыс. долл. штрафа. В штатах Мичиган и Нью-Йорк — 4 тыс. долл. и один год тюремного заключения. Год тюремного за-

ключения полагается за супружескую измену по законам Австрии, Австралии, Швейцарии.

Против развода достаточно активно выступает католическая церковь. В настоящее время католики могут получить разрешение на развод только после того, как супругам исполнится 50 лет.

В Японии по традиции развод является позором для женщины, хотя быт все в большей степени подвергается влиянию европейского образа жизни. В семье японский мужчина отстаивает жесткие традиции. Но современная японка получает образование, начинает активно заниматься внесемейной работой, у нее проявляется все более явное желание быть равной с мужем. Средством борьбы со старыми семейными порядками становится новое для Японии явление — инициатива женщины при разводе. Но закон не обязывает бывшего супруга нести ответственность за бывшую жену и детей. Она же из-за осуждения родственников и соседей вынуждена уезжать из города в другое место и должна сама обеспечивать себя и ребенка.

Своеобразны законы о разводе в арабском и исламском мире. В любой момент, не указывая оснований, по законам ислама мусульманин может дать жене развод. Правда, в этом случае он обязан возвратить приданое и выделить средства на содержание жены в течение 4 месяцев. Женщина считалась разведенной, если муж в пылу гнева восклицал: «Отпускаю тебя!». Этого было достаточно, чтобы расторгнуть брак. В исламских странах и жена может подать на развод при телесных недугах мужа, а также если муж не выполняет своих супружеских обязанностей, например, не доставляет жене сексуального удовлетворения, не заботится о ней и т.п.

Несмотря на то что общество заинтересовано в том, чтобы люди жили в браке, рост числа

разводов в настоящее время можно отметить практически во всех экономически развитых странах. В Европе заканчивается разводом в среднем 30% браков — в отдельных странах процент может быть и выше. Так, в Великобритании в 1996 г. 45% заключенных браков закончились разводом [3], а в 1997 г. число состоящих в браке англичан (в рамках одного поколения) удвоилось, в то время как число разведенных утроилось. В Швеции, Бельгии распадается каждый второй из заключаемых браков, в ФРГ — каждый третий. Интенсивность разводов отразилась на продолжительности брака. В целом по Европе продолжительность распавшихся браков составляет примерно четыре года.

Данные Росстата показывают, что процесс нарастания числа разводов в нашей стране наблюдался вплоть до 1985 г., когда уровень разводимости достиг 4%. В последующие четыре года произошло некоторое снижение числа разводов, а с 1995 г. вновь происходит увеличение, и в 1999 — 2002 гг. число зарегистрированных разводов возросло уже на 60% [14.С. 36].

Колебания в числе разводов и уровнях разводимости можно объяснить экономической ситуацией в стране, дефолтом, новой политикой в области рождаемости. Но приведенные данные могут не отражать реального положения вещей, поскольку не включают число разводов в фактических браках.

Со второй половины XX в. в развитых странах стало меняться отношение населения к разводам. Все большее число людей перестает воспринимать развод как трагедию, как нечто позорное и неприличное. Сегодня он воспринимается как один из параметров общественной жизни. Например, уже 37% американцев считают развод обычным явлением, австрийское общественное мнение не осуждает развод,

если у супругов нет детей. Но в то же время велика еще доля тех, кто оценивает развод негативно: 42% американцев не одобряют развод, считают его клеймом, а 21% затруднились выразить свое отношение к разводу; две трети австрийцев считают, что если в браке имеются дети, то ради них следует сохранить идущий к распаду брак, а 31% женщин и 28% мужчин готовы сохранить брак ради детей.

Опрос, проведенный в 1994 г. в России, показал, что 71% женщин и 64% мужчин считают, что развод — лучший выход из положения, если семья не может существовать дальше, в более зрелом возрасте и женщины, и мужчины более бескомпромиссны: 78 и 68% соответственно. С этим согласны и 63% британцев, причем более трети подчеркивают, что один родитель сможет не хуже воспитать детей, чем оба, находящиеся в глубоком конфликте.

В результате у социологов и других исследователей сложились разные точки зрения на развод:

- развод — это кризис брака как социального института и даже его исчезновение;
- развод — это неотъемлемый атрибут брачно-семейных отношений, развивающихся в условиях расширения индивидуальной свободы и утверждения реального равноправия полов, т.е. важный элемент современной семейной системы;
- развода можно избежать — для этого необходимо найти теоретические и практические пути решения данной проблемы.

Общий вывод современных исследователей: рост числа разводов — это тенденция, активно проявляющаяся сегодня и имеющая в своей основе ряд *объективных факторов*, формирующихся на макро- и микроуровнях общества.

Урбанизация, сопровождающаяся увеличением доли городского населения, признается многими исследователями важнейшим фактором, влияющим на развод. В настоящее время примерно 50% землян являются горожанами: в развитых странах городские жители составляют от 75 до 90% населения, в развивающихся — до 10%. Для городской жизни характерно ослабление социального контроля, нарастание анонимности общения, сокращение роли традиций и обычаев, характерных для сельской жизни. Преобладание городского образа жизни приводит к изменению норм и ценностей на уровне не только личности, но и общества в целом.

На протяжении XX в. урбанизация в России шла довольно высокими темпами.

В конце XIX в. горожан было менее 1/7 населения России, в конце 1930-х гг. — 1/3, в конце 1950-х гг. — уже половина, в конце 1980-х гг. — почти 3/4. Максимального значения доля городского населения достигла к 1990 г. — 73,9%. Затем наметилась некоторая убыль численности горожан, и в 2002 г. их было 73%.

Нарастающими темпами изменялась численность средних и больших городов, в которых и сосредоточивалась большая часть горожан. Но еще Р.Оуэн подчеркивал, что большие города приносят обществу зло [17. С.332]. Одним из таких зол является развод. Многолетние наблюдения отечественных демографов показали, что среди городских жителей уровень разводов выше, чем среди селян. В России в 1980 г. общий коэффициент разводимости в городе был выше более чем в два раза, чем в селе, и составлял соответственно 5,0 и 2,1‰, и это соотношение сохранялось до второй половины 1990-х гг.: 4,4 и 2,2‰ соответственно. Причем, чем крупнее городское поселение, тем выше коэффициент и вероятность расторжения брака. И если на селе для супружеской пары важным

было общественное мнение, осуждающее разводы, то в городе чувство соседства быстро исчезало, общественное мнение утрачивало функцию социального контроля. Таким образом, развод постепенно становился нормой жизни бывших селян. Переход от аграрного общества к индустриальному повлек за собой трансформацию места и роли женщины в обществе и семье. С одной стороны, темпы экономического развития, расширение сферы услуг, увеличение объема рутинного умственного труда и другие причины вызвали у работодателей интерес к женщине-работнице. С другой стороны, и у женщины сложилась потребность в общественном труде. Сегодняшняя женщина — это женщина, вышедшая из круга «трех К»: *Kinder — Kuchen — Kirchen*. Для большинства развитых стран нормой становится «2-карьерная семья», и в большинстве из них приняты законы, создающие женщине благоприятные условия для сочетания материнства и работы. Работа вне дома обеспечивает женщине экономическую независимость от мужа, расширяет круг ее интересов. В настоящее время 44% всей рабочей силы США и 43% рабочей силы Великобритании составляют женщины. В России доля женщин среди всех занятых постоянно росла: в 1918 г. она составляла 24% всех рабочих и служащих, в 1989 г. — 51%, в 2005 г. — 54%, что говорит о том, что женщина стала конкурентоспособной на рынке труда.

Современная российская женщина имеет довольно высокий уровень образования. Удельный вес женщин с высшим и неполным высшим образованием составляет 28,1% в общей численности работающих женщин (у мужчин — 22,9%), со средним специальным образованием — 31,3% (19,8% — у мужчин). Она овладевает самыми востребованными на рынке труда профессиями, экономически состоятель-

на, берет в свои руки главенство в семье и в конечном счете сама решает, сохранять ей семью или нет.

Анализ литературы, посвященной браку и разводу, позволяет выявить ряд социальных факторов, которые дестабилизируют брак и увеличивают вероятность развода.

Один из них — это возраст вступления в брак. Менее стабильны браки, заключенные в возрасте до 20 и после 30 лет. Это доказывают исследования Г.А.Бондарской (обследовала 300 тыс. семей), а также Р.Л. Кузнецова и Э.Тийта. Молодые люди, вступившие в брак до 20 лет, социально недостаточно зрелы и ответственны, они еще не обладают умением успешно выполнять супружеские и родительские роли. Столкнувшись с проблемами в первые годы совместной жизни, выход из создавшейся ситуации они находят в расторжении брака. Подрывает стабильность брачного союза и отсутствие у молодых супругов эмоциональных, образовательных и экономических ресурсов. Американская статистика показывает, что юные пары разводятся в два раза чаще, чем зрелые [16.С.414].

Супружеские союзы, созданные в возрасте 30 и более лет, отличает то, что супруги — это уже сложившиеся личности, у них имеются представления о браке, но они не всегда могут приспособиться друг к другу и развестись им бывает проще, чем «притереться». В итоге социологи пришли к выводу, что наибольшей стабильностью обладают браки, заключенные в возрасте 25 лет.

Выявлена зависимость разводимости от разницы в возрасте супругов. С увеличением разницы в возрасте супругов при вступлении в брак частота разводов увеличивается. В современном обществе действует тенденция заключения брака очень молодой девушки с довольно зрелым мужчиной, который старше ее лет на 15

— 20, и, наоборот, зрелые женщины вступают в брак с молодыми юношами, младше их на 10–15 лет. В первом случае у супругов проявляются разные интересы, разные взгляды на жизнь и только при наличии взаимной любви брачный союз не распадается. В большинстве случаев велика вероятность супружеской неверности, что приводит супругов к разводу. Наименее стабильны браки, где жена старше мужа. Взрослея, муж начинает осознавать, что его жена стареет, начинает болеть, и он находит ей более молодую замену. Более стабильными оказались браки ровесников. В демографии принято считать ровесниками людей, разница в возрасте которых составляет три года.

На вероятность развода оказывает влияние образование супругов. Но это влияние весьма противоречиво. Так, в США обнаружено, что уровень образования и разводимости связан с полом: у мужчин четко прослеживается тенденция — чем выше у них уровень образования, тем ниже коэффициент разводимости. Для женщин характерна противоположная тенденция: женщины, имеющие университетское образование, разводятся чаще, чем не имеющие диплома о высшем образовании. В России в результате ряда исследований, например Г.А.Бондарской, была установлена зависимость: рост образовательного уровня россиян прямо пропорционален росту разводимости. Особенно это касается браков, в которых жена получила или получает более высокое и престижное образование, чем муж. Он меняет свое поведение по отношению к ней, но сам же ничего не предпринимает для того, чтобы подняться до уровня жены. Супруги вдруг осознают, что их ничто, кроме детей, не связывает. Выход из создавшегося положения они видят только в разводе. Российские социологи обратили внимание на то, что в России, в отличие от

Запада, высокая частота разводов наблюдается у женщин и с невысоким уровнем образования.

Вероятность развода увеличивается, если модели брака мужа и жены не совпадают. Создавая семью, каждый из супругов создает для себя модель брака, «списывая» ее признаки с браков родителей, родственников, соседей, литературных героев и т.п. И если ожидания супругов в браке не оправдываются, то возникает конфликт, ведущий к разводу.

Фактором, влияющим на вероятность развода, выступает также уровень доходов. В США в результате социологических исследований были получены данные о том, что чем выше материальное положение мужчины, тем реже распадаются их браки. Для женщин характерна иная зависимость: если жена зарабатывает больше, чем муж, то вероятность развода увеличивается. В нашей стране прямая зависимость не обнаружена: среди разводящихся высока доля мужчин со средним уровнем дохода и женщин с низким уровнем дохода. Данная зависимость приводит к закономерному выводу: русскую женщину от развода не может удержать даже будущая низкая материальная обеспеченность.

В последнее время исследователи многих развитых стран приходят к выводу о том, что женщин на развод «провоцирует» политика государства по выплате социальных пособий малообеспеченным и неполным семьям. Например, в США предусмотрены социальные пособия бедным семьям (в перерасчете с долларов на рубли) от 4770,8 до 19781,2 руб. ежемесячно в зависимости от штата. В Великобритании бедные неполные семьи с двумя детьми получают помощь в размере 20607 руб., в Израиле неполной семье с одним ребенком выплачивается пособие в размере 17338 руб. ежемесячно

и т.д. [21]. Социальные пособия помогают женщине решиться на расставание с партнером.

Отечественные социологи также высказывают опасение, что значительное увеличение пособий на детей и их многообразии может повлечь за собой увеличение числа разводов.

Риск развода присутствует в повторных браках. В России, например, на их долю приходится в городе 30% всех браков, в селе — 20% [4.С.71]. Сам шанс возможности заключения повторного брака, или, как отмечал великий утопист Т.Мор, «доступная, легкая надежда на новый брак» [17.С.72], приводит при появлении малейших проблем в существующем браке к разводу. Из разведенных супругов в новый брак вступает примерно четверть разведенных женщин (при отсутствии детей) и немногим более 40% мужчин. Но статистика показывает, что 60% повторных браков заканчиваются разводом. В среднем уровень разводимости повторных браков выше на 75%, чем первых. Причины развода здесь могут быть завуалированы. Вольно или невольно супруги сравнивают свой новый брак с предшествующим, и некоторые пары видят, что первый брак их устраивал больше. Вторая проблема, возникающая в повторном браке, касается того, насколько сводные братья и сестры могут вписаться в новую семью, признают ли они нового родителя.

Изучая факторы, влияющие на разводимость, социологи обнаружили довольно противоречивое влияние детей на прочность брака. Так, американские социологи пришли к выводу: дети в одних случаях могут усиливать напряженность в браке, но в других — укреплять его. В нашей стране благодаря исследованиям А.Б.Синельникова была выявлена следующая зависимость: у двухдетных супругов вероятность развода в 2,35 раза ниже, чем у однодетных, а у трехдетных — в 4 раза ниже, чем у

двухдетных и в 9,4 раз, чем у однодетных. То есть обнаруживается обратно пропорциональная зависимость между рождаемостью и разводимостью. Особенно высока вероятность развода в бездетных и однодетных семьях. Бездетные супруги разводятся чаще, чем имеющие детей. В общем числе браков в России доля бездетных браков составляет по разным оценкам от 5 до 15%, а среди разводящихся доля бездетных супругов составляет 60 — 80% [4.С.71].

Вероятность развода возрастает в гетерогенных по социальной принадлежности, по городскому или сельскому происхождению, по национальности браках. Так, если в США через 10 лет супружества распадается 10% браков, где муж и жена белые, и 22% где оба супруга чернокожие, то из браков, где муж белый, а жена темнокожая, распадается 53%.

В настоящее время общественное мнение стоит на стороне тех браков, в которых муж и жена являются представителями одного социального слоя, одной национальности, принадлежат к одной конфессии. При нарастании миграционных процессов и деформации половой структуры общества доля гетерогенных браков возрастает, но возрастает и вероятность развода. В США, например, гетерогенные по религиозным параметрам браки распадаются чаще, чем гомогенные. Католики и иудеи разводятся реже, чем протестанты. Браки тех, кто активно участвует в богослужениях, регулярно посещает церковь, более прочные, чем у тех, кто посещает редко либо вообще не посещает церковь.

В нашей стране специальных исследований по этой проблеме давно не проводилось. Так, еще в советское время было отмечено, что межнациональный брак был одним из самых

прочных. Но с распадом Советского Союза распалась и часть межнациональных браков.

Фактором, влияющим на разводимость, признается качество брака в родительской семье. Вероятность развода возрастает (российские социологи считают, что даже в три раза) в случае, если хотя бы один из молодых супругов вырос в семье, в которой супруги развелись. Английские социологи пришли к выводу, что дети разведенных родителей чаще и раньше своих сверстников, выросших в полной семье, склоняются к сожительству, замужеству и обзаведению потомством. А ранний брак, как уже отмечалось, не самый прочный.

На вероятность развода влияет качество и продолжительность предбрачного периода. За короткий период юноша и девушка не успевают узнать друг друга, выяснить семейные ценности партнера. Определенная парадность этого периода может сформировать у будущих супругов ложные представления друг о друге, которые не отвечают реальным качествам каждого из них. И разочарование наступает уже в первый год, поскольку не оправдываются ожидания от брака. Поэтому самой оптимальной продолжительностью предбрачного «ухаживания» социологи считают два-три года.

Подтачивает брак и влияет на развод не только мысль о возможном разводе в данном браке, но и сама нацеленность на брак. Одними из первых ученых, обративших внимание на эти факторы, были немецкие социологи, отметившие, что при заключении брака 10% женихов и невест Германии предполагают, что их брак будет недолговечным. По России цифра оказалась еще большей — 60% невест и 40% женихов не нацелены сохранить брак, сделать его «пожизненным».

Вероятность развода зависит также и от продолжительности функционирования брака.

Многие исследования подтверждают выявленную закономерность: половина разводов в нашей стране приходится на первые пятнадцать лет брака, из них наименее прочными являются браки, которые существуют первые пять лет. Американские социологи называют критическими датами в браке первый, седьмой, семнадцатый и двадцать седьмой годы — это так называемые «пики разводимости». В эти периоды совместной жизни частота разводов выше, чем в другие.

Внимание социологов и демографов привлекли причины разводов, знание и понимание которых позволяет выделить закономерности протекания процесса разводимости и определить направления работы социальных служб, задачей которых является укрепление семьи.

В отечественной науке выделяют демографические и социальные причины разводов. К демографическим относят бесплодие одного из супругов или нежелание иметь детей, желание вступить в новый брак, а также неудовлетворенность браком как таковым, не предполагающая возможности вступить в новый брак.

Бесплодие является одной из характеристик стерильности одного или обоих супругов и означает неспособность зрелого женского или мужского организма к воспроизведению потомства. Брак признается бесплодным, если более трех лет супружества либо не происходит зачатия, либо беременность женщины постоянно заканчивается самопроизвольным абортom или рождением мертвого ребенка. В настоящее время, как считают специалисты, в экономически развитых странах абсолютно бесплодны 10 — 15% брачных пар и примерно столько же в обществе относительно бесплодных супругов [10. С.194]. В России бесплодием страдает примерно каждая пятая брачная пара, причем женское и мужское бесплодие представлено

почти в равных долях [20], хотя в течение длительного времени в общественном сознании устойчиво держалось мнение о том, что бесплодна в браке обычно женщина.

Нежелание одного из супругов иметь детей приводит к тому, что супруг, мечтающий о ребенке, может решиться на развод. В современной России примерно каждая седьмая семья является бездетной. Если ранее признавалось, что материнский инстинкт заставляет женщину стать матерью, то сегодня мы наблюдаем, как он «затухает» и в иерархии ценностей на личностном уровне дети уступают первое место образованию, карьере, материальному благополучию.

Развод с целью вступления в новый брак является результатом того, что не оправдались ожидания от первого брака. И когда реальный брак не совпадает с желаемым, то начинается поиск нового партнера (партнерши), чьи представления о браке отвечают требованиям обоих супругов. Но разочарования от первого брака могут быть настолько велики, что инициатор развода предпочитает оставшуюся жизнь провести в одиночестве. Мужское безбрачие — явление, о наличии которого говорили еще античные философы. Современное общество породило феномен женского безбрачия, причины и степень распространенности которого еще недостаточно изучены.

Нельзя отрицать социальных причин распада брака. Как показывают и социологические исследования, и практика судебных бракоразводных процессов, самой распространенной причиной разводов в нашей стране является пьянство одного из супругов. В Российской Федерации за последние 15 лет количество браков, распавшихся по этой причине, возросло с 40 до 55 %. Если двадцать лет назад заявление на развод обычно подавала жена, то сего-

дня уже никого не удивляет тот факт, что инициатором развода по причине пьянства жены может быть муж. Еще несколько лет назад в России на одну пьющую женщину приходилось двенадцать мужчин-алкоголиков, сегодня же их пять, т.е. число пьющих женщин практически удвоилось. Реальность такова, что алкоголизм не только разрушает семью, но и отрицательно влияет на здоровье детей. Для общества опасно и другое: наблюдения социологов показывают, что половина детей повторяют путь пьющих отца или матери. Под угрозой оказывается будущее нашей страны.

Причиной развода многие разводящиеся называют такую, как «прошла любовь». Еще Ж. Мелье подчеркивал, что мужчины и женщины должны обладать правом расторгнуть брак, «когда им станет в тягость совместная жизнь или когда новое влечение побудит их к заключению другого союза...» [17.С.132]. Часто развод происходит в том случае, если за любовь молодые приняли страсть, которая действительно быстро гаснет. Более серьезная ситуация складывается в браке, где нарушается духовный контакт супругов. Вполне естественно, что со временем пылкие чувства остывают, любовь переходит в иное качество. Это происходит примерно через четыре года супружеской жизни. Появляется чувство, что супруги уже только близкие родственники, живущие под одной крышей. Юношеской страсти уже нет, но остается что-то другое, что удерживает супругов вместе: общие интересы, ответственность за детей, чувство уверенности и т.п. Но это не значит, что любовь прошла совсем. У любви свои законы, и желательно, чтобы супруги их знали и не провоцировали друг друга на «испытания любви» — ревность, супружеская неверность и т.п. (ревность является причиной расторжения примерно 20% браков).

Примерно 15–20% браков расторгается по причине супружеской неверности. Даже в прежние времена прелюбодеяние было главным мотивом расторжения брака, причем иск мог предъявить лишь оскорбленный супруг. В течение последних 30 лет отношение к адюльтеру изменилось. Как показали специальные исследования, в России, США, Франции и Германии изменяют женам от 74 до 76% мужей. Половина мужчин, нарушивших верность жене, считают, что их отношение к супруге не изменилось; около трети полагают, что даже больше стали ценить свою жену; 67% мужчин жалеют о том, что изменили своей жене [6]. Пятая часть респондентов отмечает, что после измены окончательно разочаровалась в супруге. Интересно, что только четверть супругов никогда не прощает этого своим партнерам, но разводится по этой причине примерно пятая часть супружеских пар. Причем в обществе до сих пор поразному относятся к мужской и женской неверности [9]. Мужская неверность не зависит от качества брака; мужья изменяют и хорошим, и плохим женам. В основе мужской неверности лежат объективные и субъективные причины, анализ которых дал Ш.Хайт, опросив 7000 мужчин. Его выводы: 1) мужчины изменяют потому, что все так делают; 2) мужчина не может примириться с тем, что в лице своей жены он должен любить мать своих детей, а мать для него — табу; 3) с помощью измены он защищает свою индивидуальность, рекламирует собственное «Я». И Ш. Хайт приходит к выводу, что большинство внебрачных связей позволяют сохранить семью, а супружеская измена укрепляет брак.

Биологически мужчина — охотник. Пресная семейная жизнь начинает его раздражать. Возникает интерес к приключениям вне семьи. Но ему интересно изменять, когда этого делать

нельзя, когда это сопряжено с опасностью разоблачения, когда надо лгать жене, придумывать алиби и т.п. Это подогревает инстинкт. Общество не возражает против измен мужа, принимая его внебрачные связи как норму. Причиной мужской неверности может быть и «синдром старого халата» — понятие ввели сексологи, говоря про супругов, которые перестали следить за собой, своей внешностью после нескольких лет брака. Тогда и появляется любовница. Но и в этом случае мужчина редко сам решается на развод. Он терзается комплексом вины: ему бывает жаль бросать жену, дает знать себя чувство ответственности за детей, существует и страх перед будущим с молодой женой: как она себя поведет, когда он начнет стареть и т.п. Он старается спровоцировать жену на скандал, чтобы таким образом переложить на нее ответственность за разрыв. Но психологи отмечают, что, даже уйдя от жены, мужчина редко женится на любовнице; она — живое напоминание о скандале, обмане, разводе. Психологи предлагают жене, которая не хочет потерять мужа, сделать все, чтобы стать для него единственной, принимать все меры, чтобы у него на вторую женщину не оставалось ни времени, ни сил. Она должна помнить, что ему есть куда идти, если она решится прогнать его.

По отношению к неверности женщин преобладает общественное мнение, что жены изменяют мужьям чаще, чем мужья им. Так, опросы, проведенные на улицах Нью-Йорка, Парижа, Москвы, Оренбурга и др., показали, что почти все респонденты считают, что женщины изменяют чаще, чем мужчины. В некоторых странах результаты данного опроса вызвали недоверие граждан. Для проверки полученных социологами данных были проведены массовые обследования крови детей, и оказалось, что только у 11% детей, рожденных в браке, закон-

ный отец не является их биологическим отцом. Возникло предположение, что женщины не искренни, лгут при заполнении анкет. Были проведены дополнительные исследования, итогом которых стал вывод: изменяет мужу каждая четвертая женщина. Реально жена начинает изменять мужу, если не удовлетворена качеством брака. Она бежит от супружеских отношений, унижающих ее, формирующих у нее низкую самооценку. Ей в большинстве случаев нужна эмоциональная поддержка, а не просто приключения на стороне. Пик женских измен приходится на возраст между 33 и 37 годами. Но было выяснено, что она, ощущая эмоциональный гнет, признается в неверности чаще, чем мужчина, что и послужило основанием считать, что жены изменяют мужу чаще, чем мужья — женам. Общество всегда осуждало женскую неверность, считало, что тем самым жена разрушает домашний очаг, и искало способы наказания за адюльтер. Мировые религии и обычаи, осуждая убийство, не возражали против убийства неверных жен. Наказание за измену мужу существует и в настоящее время. Например, во многих исламских странах считается нормой забить изменившую супругу жену камнями.

О необходимости изменения общественного мнения по отношению к супружеской неверности говорят и некоторые ученые западных стран. Философ А. Эчегуайнен, автор книги «Сила верности в неверном мире», утверждает, что только верность может убедить человека в собственной ценности. «Верность сегодня — это абсолютно новая идея... Все в мире подталкивает нас к измене... Но самоутверждение личности всегда было возможно лишь в противопоставлении потоку», — считает философ. Его идею подхватывает социолог С. Шомье, подчеркнувший, что «адюльтер сегодня стал невыносим» [11].

Серьезным испытанием для брака является рождение первенца. В семье происходит перераспределение ролей. Главным объектом внимания, заботы становится ребенок. Сексуальные отношения супругов отходят на второй план. Ребенок супругом воспринимается как новое приобретение жены, а не совместное «производство». Муж переживает разочарование: ведь именно он был единственным и любимым и вдруг перестал таковым быть. У него появляется чувство, что он забыт, не нужен ни жене, ни семье, и он начинает ревновать жену к ребенку [7]. Чаще всего такие обвинения можно услышать от мужей, которые были единственным ребенком в семье либо выросли в неполной материнской семье.

Сегодня не подтверждается вывод социологов, сделанный в 1960 — 70-х гг. XX в., о том, что дети укрепляют семью. Число разводов тогда было обратно пропорционально количеству детей в семье. В современной семье все чаще наличие детей не удерживает супругов от развода. Так, в США ежегодно около одного миллиона, а в России более пятисот тысяч детей остаются с одним из родителей.

Мотив «несходство характеров» как причина развода существует в течение довольно длительного времени. Это трудно определяемый мотив, за которым просматриваются более глубокие причины разлада. Обычно это неумение строить конструктивное общение, дисгармония интимных отношений. Проблема не нова. Уже в древних источниках говорилось о возможности расторжения брака из-за обстоятельств, связанных с половой жизнью супругов. Развод по этой причине существовал у древних германцев, в Византии, на Руси. Из летописей известны факты разводов великих московских князей из-за «холодности жены», хотя в то время в культуре многих народов традиционной

была сексуальная сдержанность. В настоящее время примерно 40% разводов в нашей стране так или иначе связаны с сексуальной неудовлетворенностью супругов, неумением найти гармонию.

В современном обществе развод стимулируется ролевыми конфликтами чаще, чем во второй половине XX в. Если раньше причинами ролевого конфликта были работа жены в народном хозяйстве и несправедливость в разделении домашнего труда, то сегодня ситуация изменилась. Женщина сегодня все чаще является деловой дамой, ей не до посуды и приготовления обеда. А муж, тип которого сегодня меняется в сторону «мужа — ребенка», часто ставит вопрос ребром: или семья, или работа. И женщина выбирает работу, там ее выше ценят. Другая ситуация: муж с головой окунулся в карьеру, бизнес, дома появляется поздно вечером, рано утром уходит на работу, а она не работает, занята собой и детьми. Постепенно супруга начинает ощущать себя покинутой, ничемной, у нее появляется мысль о разводе. Чтобы развод не грозил браку, психологи рекомендуют: кто-то из супругов должен быть второй скрипкой, даже если оба супруга яркие и талантливые личности.

Удивительно, но в условиях нуклеаризации семьи, причиной развода могут стать плохие отношения с родителями либо с другими близкими родственниками. Этот мотив был выявлен зарубежными исследователями, подтвержден результатами исследований в СССР, поскольку фигурировал часто в бракоразводных процессах в Армении, Грузии, Узбекистане. Как оказалось, и в XXI в. мотив не утратил своей актуальности. Свекровью сегодня достаточно часто оказывается сравнительно молодая дама. Ей сложно признать невестку, которая имеет высшее образование, хорошо оплачиваемую рабо-

ту, обладает независимым характером. Объектом заботы и внимания у них оказывается один и тот же мужчина. И свекровь начинает находить аргументы, доказывающие сыну, что его женитьба — ошибка, что невестка не достойна его. Он же, оказавшись в ситуации выбора: мать или жена, предпочитает жене мать.

Безусловно, значимым мотивом распада брака является насилие в семье. Во все времена в семье провозглашалась идея покорности жены мужу. Изменился тип семьи, изменилась женщина, но в обществе и в семье данный стереотип сохраняется до сих пор. Семейное насилие в разных видах проявляется как в проблемных, так и во вполне благополучных семьях.

В развитых странах, где провозглашались различные демократические свободы, семейное насилие стало объектом пристального внимания со стороны социологов, психологов и криминалистов. Используя теорию конфликта, исследователи (Л. Козер и др.) пришли к выводу, что конфликты в семье были, есть и будут, так как они стимулируют ее саморазвитие. Вторым вывод опирался на давно известное положение — это проявление природной сущности человека, поскольку он во все времена защищал себя, потомство и свое имущество. Насилие легче проявить по отношению к близким людям, нежели к несправедливому начальнику, например. В США было проведено два крупных исследования по изучению причин, видов и последствий семейного насилия (в 1975 и в 1985 гг.). Был создан центр «Национальный союз против семейного насилия», который занимался сбором статистических данных и их анализом. Данные центра: в 80-е гг. ежегодно избивались близкими и родными мужчинами 3 — 4 млн. женщин, каждые 15 секунд в США избивалась женщина. Одна из четырех женщин, по-

кончивших с собой, была до этого избита. Мужья чаще бьют жен, имеющих более высокий уровень образования, достигших больших успехов в карьере, чем они. 60% мальчиков, видевших насилие в семье, став взрослыми, повторяют путь своего отца. Физическое насилие со стороны родителей становится для детей нормой, и в будущем они будут бить своих детей.

Исследования английских социологов показывают, что обычно насилие применяется по отношению к детям в возрасте до шести лет и со стороны мужа по отношению к жене. Данные британской статистики свидетельствуют, что человек дома чаще оказывается объектом насилия, чем ночью на улице. Одно из четырех убийств в Великобритании совершается в семье [2.С.142].

В результате в 45 странах мира приняты законы против насилия в семье.

В России в далеком прошлом единственным законом, регламентирующим внутрисемейные отношения, был Домострой. Сегодня в нашей стране от рук мужа ежегодно погибают 12 тыс. женщин, 54 тыс. получают тяжкие телесные повреждения [1]. Изучая семейное насилие, отечественные исследователи сделали любопытные выводы: 1) женщина сама провоцирует мужчину на насилие по отношению к ней и 2) для нее характерна психологическая установка: бьет — значит любит. В России специальных исследований по насилию в семье практически нет, есть статистика органов МВД, которая показывает следующее:

- чаще бьют женщин в возрасте 30 — 40 лет и после 60 лет; последние страдают и от детей, и от подрастающих внуков;
- жен и других членов семьи бьют мужчины в возрасте от 20 до 50 лет, часто вполне уважаемые и уважаемые в обществе;

- как правило, мужчина избиением жены компенсирует свои неудачи в карьере, на работе;
- избиваемая жена в среднем семь раз пытается покинуть мужа, прежде чем уходит от него. Почему? Да потому, что ей либо жаль мужа: она считает, что он совсем пропадет без нее; либо она стесняется «вынести сор из избы»; иногда она опасается того, что ее дети останутся без отца.

В 1990-е гг. прошлого века интерес специалистов вызвали результаты исследования В.М. Кормщикова, проведенного на Урале: 43% подростков из неблагополучных семей избивались родителями, 12% детей избивались систематически, а 29% периодически оставались голодными. От физического насилия страдают и взрослые. Пилотажные исследования по изучению природы насилия показали, что 38% обратившихся за помощью женщин пострадали из-за насилия со стороны мужа, 37% — из-за насилия со стороны взрослых детей по отношению к своим старым матерям [12]. В России нет специальных программ борьбы с семейным насилием. Первый приют для женщин, пострадавших от семейного насилия, был открыт в Санкт-Петербурге 19 мая 1996 г., но в нем было всего 17 мест.

В современной науке выделяют три сферы, на которые воздействует развод: психическое и физическое здоровье, материальное положение и взаимодействие с ближайшим окружением. Последствия разводов имеют значение для социальных и демографических процессов. Негативное воздействие развода на бывших супругов отмечено в исследованиях З. И. Файнбурга. В. Гайдис, Р. Муксинов и другие ученые также отмечают неоднозначное действие развода: одни разведенные переживают глубокий жизненный кризис, другие — чувствуют освобождение

ние. Исследования социологов и психологов выявили любопытный феномен: супруги при помощи развода разрешают назревший семейный конфликт, но, разведясь, они начинают скучать по своим бывшим женам и мужьям, испытывают тревогу. О негативных последствиях развода говорят не только социологи, но и психологи, правоведаы, социальные работники и т.п.

Прежде всего, развод влияет на самих супругов и членов их семей. В науке появился термин «травма развода». Она проявляется в эмоциональной нестабильности, низкой самооценке, нарушении сна, психических расстройствах, тоске. У женщин это все проявляется ярче. Но они и приходят в себя быстрее — легче переносят одиночество. Травма развода усиливается с увеличением возраста разводящихся и стажа брака. Молодые быстрее обретают эмоциональное равновесие и привыкают к новому стилю жизни. У них лучше перспективы вступления в новый брак. Более тяжелое психическое самочувствие бывших супругов может быть обусловлено малым предразводным периодом; принадлежностью инициативы развода другому супругу; сохранением позитивных чувств к партнеру.

Специалисты обратили внимание на то, что заболеваемость и смертность у разведенных супругов выше, чем у состоящих в браке. Профессор И. Юнг провела обследование 19 тыс. чел. в Роттердаме. В результате исследования был сделан вывод: среди супружеских пар общая заболеваемость на 30% ниже, чем среди одиноких и разведенных. Многие исследования подтверждают прямую связь между ростом разводов и самоубийств. Разведенные более подвержены алкоголизму. Развод негативно влияет на демографические процессы и демографическую структуру общества. Так, пред-

чувствуя развод, женщина воздерживается от рождения детей или ограничивается рождением одного ребенка. Довольно часто после развода женщина остается одинокой, в обществе образуются множество семей с одним родителем, чаще всего это матриархальные семьи. Женщина становится главой неполной семьи, растит и воспитывает имеющегося у нее ребенка, не реализуя полностью своей репродуктивной функции.

В результате разводов нарушается брачная структура населения, так как растет число людей, не желающих вступать в новый брак. Исследования позволяют предположить, что часть разведенных не желает заключать новый брак, так как сохраняет эмоциональную привязанность к бывшему супругу. По данным зарубежных социологов, даже спустя два года 25% женщин и 20% мужчин жалеют, что расстались; в России — 35 и 45% соответственно [4.С.72]. Не вступая в новый брак, некоторые из бывших супругов долгие годы поддерживают друг с другом разного рода отношения: так, в США 17% мужчин помогают бывшим женам в домашних делах; 8% присматривают за детьми в отсутствие матери; 9% разведенных продолжают интимную жизнь. В России более 9% разведенных мужчин и более 8% разведенных женщин готовы восстановить прежний брак.

Другая часть разведенных мужчин и женщин не желает вступать в новый брак, так как предыдущий опыт брака был весьма негативным. И после развода они враждуют между собой, ссорятся, унижают друг друга. Разведясь, многие супруги разрешают одни проблемы, но создают новые, более сложные.

В результате в обществе увеличивается доля одиноких людей, деформируется брачная структура населения. Например, в Великобритании большинство одиноких людей в возрасте

от 30 до 50 лет — это разведенные или находящиеся в состоянии между браками люди [2.С.144]. Распадаются социальные связи бывших супругов, дружба семьями с родственниками, сокращаются формы проведения досуга. Разведенные вынуждены все чаще проводить его в одиночестве. Они начинают стесняться ходить в одиночку в гости, в театр, на выставки. Возникает чувство отчаяния, тоски. Развод вызывает беспокойство у супругов из ближайшего окружения разведенных: они видят в разводе «дурной пример» и угрозу собственному браку. Вывод социологов: жизнь вне брака воспринимается как норма, которая может транслироваться последующим поколениям.

Важным последствием развода является ухудшение финансового статуса разведенных супругов. Особенно это касается женщин с детьми, которые чаще других попадают в группы бедных, вынуждены работать полный день, сокращая время на общение с детьми. Пожилые женщины вообще не могут найти работу, а если и есть работа, то низкооплачиваемая, бесперспективная. Из-за материального положения они вынуждены переселяться в худшее жилье. Американские исследования подтвердили гипотезу, что распад брака коррелирует с бедностью, так как доход трети женщин падает после развода так, что они попадают в категорию бедных. В США материальные доходы мужчин после развода увеличиваются на 42%, а жизненные стандарты женщины падают на 70% [9]. Минимизируют экономические потери лишь женщины с высоким уровнем образования, не имеющие детей дошкольного возраста. Наблюдение английских социологов привели их к выводу, что распад семьи — это первопричина наблюдаемого сегодня в Великобритании роста численности низшего класса.

Важнейшим для России последствием развода является проблема раздела жилья. После развода примерно 2/3 бывших супругов живут в одной квартире. Разделив квартиру, бывшие супруги ухудшают условия жизни сразу нескольких человек. Опыт других стран показывает, что проблема жилья там не обладает такой остротой, как в России. Например, в США дом чаще всего остается у жены с детьми. Но бывшая жена обычно должна выплатить стоимость части дома мужу — дом продается, а деньги делятся. Разделу подлежат домашняя утварь, мебель, автомобили, акции и другие ценные бумаги и накопления. Накопления, связанные с профессиональной карьерой, остаются у мужчин.

Особенно остро развод родителей переживают дети. С 1960-х гг. в США была проведена масса исследований, по результатам которых было констатировано, что развод родителей отрицательно сказывается на моральном состоянии детей. Дошкольники обычно чувствуют страх, неуверенность в себе и считают себя виноватыми в разрыве родителей. Большинство детей успокаиваются в течение года или двух лет после развода, некоторые дети чувствуют себя несчастными и одинокими в течение пяти лет и даже дольше, даже если родитель, с которым они живут, снова вступил в брак [16.С. 418]. В начале 1980-х подобные исследования были проведены в России. Результаты показали, что у многих детей формируется чувство обиды, вызванное разводом, особенно если кто-то из родителей вступает в повторный брак. Дети младших возрастных групп высказывали мнение, что у всех детей должны быть мамы и папы. И мать, и отец одинаково дороги ребенку, он не может сделать выбор между ними.

Развод приводит к странной ситуации, когда отцы передают своих детей на воспитание

чужим дядям, а сами начинают воспитывать чужих детей. Ежегодно с такой ситуацией встречаются примерно 600–700 тыс. детей, которые становятся полусиротами. Реальность такова, что 80% российских отцов ограничивают свои отцовские обязанности выплатой алиментов. 10 отцов из 100 скрываются от собственных детей. И только 10% готовы и согласны нести ответственность за судьбу ребенка, активно участвуют в его воспитании [13]. Вероятность участия разведенного отца в воспитании своего ребенка тем меньше, чем младше ребенок, и еще больше снижается, если ребенок — девочка. Развод родителей особенно остро переживают мальчики в возрасте 5–7 лет, а девочки — в возрасте от 2 до 5 лет. Ряд отечественных социологов нашли следующую зависимость: 8 из 10 неблагополучных детей, состоящих на учете в детской комнате милиции, растут в неполных семьях. Дети разведенных родителей разводятся чаще, став взрослыми, чем дети из полных семей [4.С.72].

Вывод американских социологов: дети проблемных родителей обречены на выбор проблемных партнеров и могут повторить путь своих родителей. В Великобритании у детей разведенных пар в два раза больше шансов не окончить школу, не получить профессию или стать родителем в возрасте до 20 лет [9]. По мнению английских социологов, развод существенно влияет на уровень получаемого ребенком образования, а в дальнейшем — на его зарплату, на способность сформировать стабильную семью. В 60% случаев девочки становятся матерями-одиночками, так как сами были воспитаны одинокой мамой, плохо учились в школе.

В обществе появляется феномен безотцовщины. Безотцовщину испытали два поколения детей — это дети, пережившие Первую и Вто-

рую мировые войны. Сегодня есть опасность, что возможно формирование третьего поколения детей, растущих без отцов, а это уже опасно для общества: начинается сознательное уклонение от отцовства.

Но, безусловно, развод нельзя расценивать только как всегда отрицательное, нравственно неоправданное явление. Он имеет право на существование, в демократическом обществе люди должны иметь право воспользоваться им. В некоторых случаях развод — единственно возможное разрешение кризисной ситуации.

Демографы пытаются спрогнозировать развитие процесса разводимости в XXI в. Многие из них предполагают, что в России и США на 10 свадеб будет приходиться 4–6 разводов.

Таким образом, развод превратился в один из параметров современной жизни, в важный компонент современной семейной системы, способствующий предотвращению перманентного конфликта двух взрослых в семье. Он сегодня перестал быть клеймом. Развод в последнее время становится как бы наследственным. Дети, выросшие в неполных семьях, повторяют жизненные ошибки своих родителей. Некоторое снижение уровня разводимости в последнее время вызвало определенный оптимизм у специалистов, которые стали утверждать, что XXI в. будет «веком семьи». Изменится лишь ее модель. Большинство людей вступают в брак по разным мотивам, но только не для развода.

Список литературы

1. Аргументы и факты. 2000. № 37.
2. Гидденс Э. Социология: учебник 90-х годов. (Реферированное издание). Челябинск, 1991.
3. Губернские вести (газ.). 1998. 24–30 апр.
4. Демография: учеб. пособие/ кол. авт.; под ред. проф. В.Г. Глушковой. 3-е изд. М.: КНОРУС, 2007.
5. Демография: учебник/под общ. ред. В. А. Волгина. М., 2003.

-
6. Изменяли ли вы своей половине?// Комс. правда. 2006. 8 апр. 7. Как быть, если Ваша семья вот-вот развалится?//Там же. 2005. 23 апр. 8. Лоусон Т., Гэррод Д. Социология. А — Я: Словарь-справочник / пер. с англ. К.С.Ткаченко. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 9. Маккей Д.: Атлас сексуального поведения людей//Комс. правда. 2000. 2 авг. 10. Медков В.М. Демография: учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2002. (Сер. «Учебники и учебные пособия»). 11. Мода на измены прошла. Неужели навсегда? // Комс. правда. 2004. 20 нояб. 12. Московский комсомолец. 1998. 2–9 апр. 13. Московский комсомолец. 2000. 17–24. февр.	14. Народонаселение: энциклопедический словарь. М.,1994. 15. Население России в 2002 г.: десятый ежегодный демограф. докл. М., 2004. 16. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 17. Утопический социализм: хрестоматия / общ. ред. А.И.Володина. М.: Политиздат, 1982. 18. Харчев А.Г. Социология семьи: проблемы становления науки. [Перепеч. с изд.1979 г.]. М.: ЦСП, 2003. 19. Цветов П. Вьетнам: здесь не допускают ссор с битьем посуды// РФ сегодня. 2003. № 12. 20. Цифры в тему//Комс. правда. 2001. 3–10 мая. 21. Чем помогает государство семьям с детьми//Аргументы и факты. 2001. № 30.
-

DIVORCE — THE REVERSE SIDE OF MARRIAGE

L.A. Hachatryan

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

It reveals the social nature of divorce, justified the position that divorce is now one of the parameters of social life. The history of divorce, are provided by factors that increase the probability, analyzes the causes of divorce and its consequences for the Members of the family and for society.

Keywords: marriage; divorce; evolution of the legislation on marriage and divorce; divorce factors; stable marriage; probability and factors of divorce; the reason and motives of divorce; a divorce consequence.

УДК 316:61

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РИСКА ЗДОРОВЬЮ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА

А.О. Барг, Н.А. Несебря

Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, 614045, Пермь, Орджоникидзе, 82
e-mail: an-bg@yandex.ru, natnes@fcrisk.ru

Систематизируются теоретико-методологические подходы к анализу влияния социальных факторов на индивидуальное и популяционное здоровье, представленные в отечественной и зарубежной научной литературе. Раскрываются существующие проблемы теоретического и прикладного исследования социальных рисков здоровью населения. Обосновывается необходимость построения комплексной модели воздействия социальных факторов на здоровье, разработки единого подхода к их типологизации.

Ключевые слова: управление здоровьем; социальные детерминанты здоровья; социальные факторы риска здоровью.

Проблемы социальной обусловленности ухудшения индивидуального и популяционного здоровья раскрываются в многочисленных зарубежных и отечественных исследованиях, являясь традиционной темой для обсуждения в рамках как медицинской, так и социологической науки. Первые попытки междисциплинарного научного объяснения влияния социальных факторов на заболеваемость и смертность были предприняты еще в середине-конце XIX в. после того как в 1848 г. французский ученый J. Guerin, введя в научный оборот понятие «социальная медицина», в качестве предмета данной дисциплины определил связь физического и психического состояния населения и законодательства, а также других социальных институтов, связь между социальными факторами, здоровьем и заболеваемостью; меры по укреплению здоровья и профилактике заболеваний [34].

Сегодня Всемирная организация здравоохранения отводит социальным детерминантам ведущую роль в определении состояния популяционного здоровья, продолжительности жизни граждан, подчеркивая, что «удельный вес социально-экономических факторов риска в общей совокупности факторов риска здоровью составляет 50%»; по мнению экспертов, микросоциальные факторы риска в ближайшее десятилетие могут детерминировать причины смерти 338 млн. людей [16].

Безусловная актуальность проблемы влияния социальных факторов риска на здоровье населения, а также многообразие и разнонаправленность научных исследований данной темы требуют структурирования существующих подходов к анализу социальных факторов риска здоровью, выделения «ключевых идей», теоретических и эмпирических стратегий, которым

может следовать ученый при изучении социальной детерминированности здоровья, а также определения проблемных зон и противоречий в данной области научного поиска.

Степень научной разработанности темы влияния социальных факторов риска на здоровье с первого взгляда кажется высокой. Указанные вопросы рассматриваются в работах таких зарубежных ученых, как L. Berkman и L. Syme, K. Horn [2], B. Link [3], M.G. Marmot [5], R.G. Wilkinson [7], G. Steinkamp [42], G. Pappas, M. Susser, W. Watson, K. Hopper и др. Среди отечественных исследователей проблемы социальной детерминированности здоровья поднимают Р.М. Баевский [12], М.С. Бедный [13], И.В. Журавлева [19], О.А. Кислицына [22], Ю.М. Комаров [24], Ю.П. Лисицын [25], И.Б. Назарова [28], В.П. Петленко [31], А.В. Решетников [34], Н.М. Римашевская [35], Н.Л. Русинова [36], Г.И. Царегородцев [20], Л.С. Шилова [41] и другие ученые.

В целом можно выделить несколько основных направлений анализа влияния социальных факторов на индивидуальное и популяционное здоровье.

Первое направление, назовем его условно *«сущностно-ориентированное»*, раскрывает содержание понятия «социальные факторы риска», описывает взаимосвязи и механизмы воздействия данных факторов на популяционное и индивидуальное здоровье, исследует контексты их возникновения. Работы, относящиеся к данному подходу, носят теоретико-методологический характер, отличаются комплексным подходом к изучаемой проблеме [3; 2; 42; 24].

Второе направление, *«структурно-ориентированное»*, предлагает различные варианты типологизации социальных факторов здоровья. В работах, представляющих данное направление исследования, содержатся, во-

первых, предложения по группировке факторов в зависимости от степени управляемости, характера воздействия и пр. (выделяются объективные и субъективные, факторы устойчивости (благоприятные детерминанты) и факторы риска (неблагоприятные детерминанты), контролируемые и неконтролируемые), во-вторых — предложения по систематизации самих факторов [17; 5; 7; 22; 28, 36 и др.].

Третье направление, *«предметно-ориентированное»*, концентрирует внимание на отдельных факторах риска, проявляющихся либо на уровне общества в целом или конкретных его подсистем, либо на уровне отдельного индивида, с точки зрения его поведения, образа и условий жизни. Сюда можно отнести все работы, посвященные как изучению влияния социально-экономических, социокультурных и других условий макрохарактера на здоровье населения, так и исследованию проблем здорового образа жизни, самосохранительного поведения, безопасной жизнедеятельности [19; 41; 13; 39 и др.].

Четвертое направление, *«эмпирически-ориентированное»*, представлено работами, раскрывающими эмпирические методы исследования распространенности социальных факторов риска, подверженности рискам отдельных социальных групп, содержащими результаты апробации данных методов на уровне страны, региона, территории [15; 21; 30; 36 и др.].

Пятое направление, *«специально-ориентированное»*, отражено в исследованиях, преимущественно носящих медико-социальный характер и описывающих механизмы воздействия отдельных факторов риска на развитие конкретных заболеваний (например, влияние курения на развитие рака гортани, рака легких, хронического бронхита и пр., злоупотребления алкоголем — на болезни печени и сердца, гиподи-

намии — на развитие сердечно-сосудистых заболеваний и т.д.) [18; 27; 29 и др.]

Несмотря на обилие литературных источников, посвященных проблеме влияния социальных факторов риска на здоровье, общей теоретико-методологической базы для их анализа научное сообщество пока не выработало. По-прежнему актуальны проблемы построения комплексной модели воздействия социальных факторов на здоровье, требуется обоснование механизмов управления социальными рисками здоровьем населения, принятие единой типологии социальных детерминант здоровья. В довольно широком спектре проблем можно выделить шесть основных.

Первая проблема связана с отсутствием в научном сообществе единого представления о сущности социальных факторов риска, характере их воздействия на здоровье, механизмах их обусловленности. Наличие данной сложности подчеркивают в своей работе В. Link et al. [3], замечая неправомерно завышенное внимание современных исследователей к ближайшим факторам риска, потенциально контролируемым на личностном уровне при игнорировании фундаментальных предпосылок ухудшения здоровья, носящих макросоциальный характер.

В. Link, утверждая наличие прочной связи между социальными факторами и здоровьем, указывает на необходимость контекстуализации факторов риска, подразумевая под этим: 1) понимание того, что именно в обстоятельствах жизни человека предопределяется его подверженность таким факторам риска, как небезопасный половой акт, плохое питание, малоподвижный образ жизни или полная стресса семейная жизнь; 2) определение социальных условий, при которых отдельные факторы риска связаны с болезнью. Иначе говоря, важно сконцентрировать внимание на том, при каких социальных

условиях факторы риска ведут к болезни и есть ли какие-либо социальные условия, при которых индивидуальные факторы риска никак не влияют на болезнь, т.е. на причинах того или иного поведения человека, имеющих макросоциальный характер, или на «риске рисков» [3]. Основная идея В. Link состоит в рассмотрении социальных условий как фундаментальных причин болезни.

Важность указанной В. Link проблемы отмечают в своих работах G. Steinkamp и К.Ногн. Преобладающий в современных исследованиях поведенческий подход к анализу социальных факторов риска имеет, по их мнению, существенный недостаток, заключающийся в игнорировании макросоциальных факторов (по В. Link «риска рисков»), не зависящих от индивида, но приводящих к тем или иным отклонениям в поведении человека. За основание для анализа берутся обычно только сами отклонения (микрорезультаты), в результате чего основная вина за них ложится на индивида, что нарушает причинно-следственную связь в интерпретации результатов каких-либо исследований, направленных на изучение взаимосвязи социальных факторов и заболеваемости. К.Ногн обращал внимание на то, что «поведение риска» должно интерпретироваться на основе смысловых структур, стоящих за поведением, в котором можно было бы попытаться достичь компромисса между субъективными интересами, потребностями, ресурсами и противоречивыми требованиями общества [2; 49].

Вторая проблема заключается в неоднозначности интерпретаций влияния социальных факторов риска на здоровье. Так, Г. Штайнкамп (G. Steinkamp) обращает внимание на то, что доказываемые во многих научных работах зависимости ухудшения здоровья от условий и качества жизни, материального благополучия индиви-

да, социального неравенства могут иметь обратный характер. Ученый отмечает, что, например, при анализе связи социально-экономического статуса и заболеваемости/смертности эмпирически доказанная взаимосвязь между данными показателями является результатом неточной операционализации и неточного эмпирического учета независимой (социальный слой) и зависимой (заболеваемость/продолжительность жизни) переменных. Автор пишет: «Социальные стратификационные различия в здоровье и продолжительности жизни могут быть рассмотрены как результат социального продвижения здоровых или как социальное падение больных», поясняя, что социальное положение можно было бы интерпретировать как результат состояния здоровья, а не наоборот [42. С. 34].

В итоге Г. Штайнкамп предлагает многоуровневую модель объяснения неравенства в болезнях и продолжительности жизни, где выделяет три уровня: макроуровень (место в системе социального неравенства), мезоуровень (материальные и социальные условия производства (труда) и воспроизводства (партнеры, семья, досуг) и микроуровень (личность, организм).

Третья проблема, характеризующая описываемую область научных исследований, состоит в отсутствии единой типологии факторов риска, неясности их структуры. Подходы к классификации социальных факторов риска многочисленны и разнообразны. Так, М.Уайтхед и Дж. Далгрэн представляют социальные факторы риска здоровья в виде «слоев» влияния, начиная от индивидуального и заканчивая уровнем общества в целом. Центром такой структуры является человек с его неизменными характеристиками, такими как пол, возраст, наследственные факторы. Далее идут 4 слоя: первый слой — это особенности характера и образ жизни, второй —

отношения между людьми, третий — условия жизни и работы (включает в себя факторы инфраструктуры) и четвертый слой — общие социально-экономические условия, уровень культуры, окружающая среда и т.п. [17].

М. G. Marmot и R.G. Wilkinson выделяют такие факторы риска здоровью, как социально-экономические условия, включающие стресс, раннее детство, работу, безработицу, социальную поддержку, химическую зависимость, питание, транспорт и социальную отчужденность [5].

Известный отечественный специалист в области социальной гигиены и общественного здоровья Ю.П. Лисицын [25], утверждая, что здоровье и болезни опосредованы через социальные условия и социальные факторы, относит к таковым деятельность служб здравоохранения и образ жизни, причем образ жизни полагается им фактором наиболее значимым, оказывающим влияние на здоровье человека на 50%. Фактор образа жизни Ю.П. Лисицын представляет как производственную, общественно-политическую, внеуродовую и медицинскую активность человека.

Другие отечественные исследователи — Б.Б. Прохоров, И.В. Горшкова, Д.И. Шмаков и Е.В.Тарасова, — говоря о ведущей роли социально-экономических факторов в определении состояния здоровья населения, включают в их число жилищно-бытовые условия; степень урбанизации территории; качество рекреационных ресурсов; вредные привычки; величину доходов населения; развитие социальной помощи нуждающимся группам населения; наличие или отсутствие достойной работы; доступность и качество образования; напряженность информационного поля в среде обитания; проблемы семьи и нравственности; миграционную подвижность; специфику образа жизни в регионах с различ-

ными природными, социальными, этническими, религиозными особенностями [33].

О.Я. Кислицына предлагает подразделять социальные факторы риска на бедность, социально-экономические условия в раннем детстве, жилищные условия, безработицу и условия работы, социальный капитал (семья, друзья, соседи — социальные сети), образ жизни (питание, вредные привычки, двигательная активность) [22].

И.Б. Назарова классифицирует социальные факторы на демографические (пол, возраст, национальность, место проживания), экономические (образование, доход, занятость), социальные и поведенческие (употребление алкоголя, курение, занятие физкультурой, контролирование веса, конфессиональная принадлежность) [28]. Также исследователь говорит о зависимости здоровья от культурных факторов: традиций, воспитания и как следствия, поведения и стиля жизни.

Н.Л. Русинова группирует социальные факторы риска здоровью в три категории: социально-структурные, социально-психологические, поведенческие. В числе социально-структурных факторов отмечаются пол, возраст, образование, материальное положение, семейное положение, наличие детей в семье. Группа социально-психологических факторов включает в себя стрессовые события жизни, хронические стрессоры, связанные с различными жизненными обстоятельствами, личностные психологические ресурсы. Среди поведенческих факторов изучаются превентивная физическая активность, курение, потребление алкоголя, правильность питания. В данном исследовании демонстрируется самооценка здоровья респондентами по трем составляющим: общая самооценка, оценка физического самочувствия и психического здоровья. Особое внимание уделяется проблеме гендер-

ных различий в самооценке своего здоровья [36].

Четвертая проблема, во многом ограничивающая возможности управлять социальными факторами риска, разрабатывать адекватные методы их минимизации, заключается в неоднозначной оценке вклада социальных факторов риска в ухудшение здоровья, а также в сложности и многообразии подходов к оценке силы их влияния на здоровье. Так, отечественные ученые Ю.П. Лисицын и Ю.М. Комаров выявили, что удельный вес факторов образа жизни в ухудшении здоровья составляет 49-53%, а дисфункций системы здравоохранения — 8-10%, на долю прочих генетических и внешнесредовых факторов приходится от 35 до 42% .

Иную оценку вклада социальных факторов риска в ухудшение здоровья предлагают С.М. Чечельницкая, А.А.Михеева и В.Г. Финагин [40]. В рамках работы по построению экспертной модели здоровья человека на основании экспертной классификации состояния здоровья исследователями было выявлено, что среди классов факторов, влияющих на здоровье, первое место следует отдать режиму (4,0 балла), второе — биологическим факторам (3,9 балла), затем равные коэффициенты имеют семейная и профессиональная среда (3,8 балла). С.М.Чечельницкая с коллегами, ранжировав факторы и показатели, предлагает использовать их при построении мониторинга здоровья.

Другой пример оценки вклада того или иного фактора в состояние здоровья представлен в работе Р.М. Баевского, который исследовал состояние здоровья и заболеваемость одной из социальных групп — административно-управленческого аппарата предприятия. В рамках исследования было установлено, что данная социальная группа характеризуется неблагоприятной структурой здоровья (более 50% лиц в

этой группе имеют неудовлетворительную адаптацию к условиям окружающей среды или срыв адаптации), а также определено, что административно-управленческий аппарат крупного промышленного предприятия (руководящий состав) в наибольшей степени подвержен воздействию факторов, оказывающих неблагоприятное влияние на адаптационные возможности организма. Среди этих факторов максимальный удельный вес принадлежит психоэмоциональным напряжениям, гиподинамии и курению [12].

Пятая проблема заключается в сложности причисления ряда социальных детерминант здоровья к факторам риска ввиду неоднозначного характера их влияния на здоровье, способности выступать как в качестве рисков, так и антирисков.

Неоднозначность связей социальных и прочих факторов риска со здоровьем выражается V-образными или U-образными кривыми зависимостей [11; 23; 43; 1; 6; 4 и др.]. Имеется в виду нелинейность зависимости заболевания от фактора риска, когда в определенных крайних точках значений фактора (очень высокая степень двигательной активности и очень низкая степень двигательной активности) он одинаково негативно воздействуют на организм человека. В.Я.Ядов пишет: «V-образные связи отражают такие зависимости, как, например, связь смертности с массой тела. Оказалось, что смертность минимальна в средней части распределения показателя, а лица с избыточной или недостаточной массой тела умирают чаще, но от разных болезней: полные — от сердечно-сосудистых, худые — от легочных и онкологических» [43, 92]. М. G. Marmot приводит другой пример подтверждения V-образных связей: смертность вследствие сердечно-сосудистых заболеваний у чрезмерно пьющих по анализу результатов исследований значительно меньшая, чем у не-

пьющих, однако смертность от всех других заболеваний, наоборот, была выше [6].

Употребление алкоголя также имеет U-образную взаимосвязь с риском развития ишемической болезни сердца. Ряд исследователей полагает, что умеренное употребление алкоголя оказывает кардиопротективное действие [32]. U-образные зависимости обнаружены в связи смертности с употреблением алкоголя, частотой сердечных сокращений, продолжительностью ночного сна и т.д. Обнаруженная универсальность этих связей приводит к необходимости нового мышления при формировании здорового образа жизни. Суть его заключается в том, что рекомендации по здоровому образу жизни не могут быть одинаковыми для всех. Они принципиально различаются в зависимости от того, где находится популяция или индивид на U-образной кривой — слева или справа от точки минимальной смертности. При этом конкретные значения показателя на U-образной кривой зависят от региона проживания популяции или индивида и отношения этих значений к конкретным заболеваниям [23].

Необходимо отметить, что многие исследователи, используя литеры V или U при описании детерминированности состояния здоровья факторами риска, не делают между типами зависимостей, описываемыми данными литерами, различия, однако оно определено существует. Несмотря на то что и под U-образным, и по V-образным распределением понимается распределение с высокими частотами (или вероятностями) для очень низких и очень высоких значений и низкими частотами (или вероятностями) для умеренных значений, V-образный характер зависимости предполагает существование некоего абсолютного минимума, т.е. единственного значения, для которого характерны наименьшие вероятность или частота. Для объяснения

связей социальных факторов риска и состояния здоровья представляется более правомерным использование термина «U-образная связь», так как он точнее характеризует обнаруживаемые зависимости. V-образная связь — это динамичная структура, где существует одна точка с минимальным риском, а любые отклонения от нее вправо или влево означают повышение вероятности болезни. U-образная связь представляет собой более широкий диапазон значений, в которых риск минимален. Например, если взять потребление алкоголя, то вряд ли можно точно сказать, что человек, выпивающий, допустим, 100 мл красного сухого вина в день, подвержен минимальному риску сердечно-сосудистых заболеваний (V-образная связь). Тогда как U-образная связь дает возможность считать, что есть некий диапазон потребления алкоголя, в рамках которого человек не только не подвергает себя риску ухудшения здоровья, но и осуществляет профилактику сердечно-сосудистых заболеваний. Отметим, что исследований, посвященных замерам крайних точек значений социальных факторов риска, в которых он был бы минимальным или максимальным, практически нет.

Таким образом, один и тот же социальный фактор может выступать по отношению к здоровью человека как фактор риска, так и фактор антириска, негативно влияя на состояние здоровья или, напротив, способствуя увеличению ресурсов здоровья человека, нации.

Наконец, *шестой проблемой*, во многом детерминирующей существование проблем интерпретации связей социальных факторов риска со здоровьем и оценки вклада данных факторов в развитие различных заболеваний, является отсутствие единой методологии эмпирического исследования влияния социальных факторов риска на здоровье. Во-первых, при изучении

влияния социальных факторов риска на здоровье последнее оценивается по-разному: как на основании результатов медицинских обследований [9; 14; 8; 26; 27; 37; 10; 18], так и с учетом самооценки индивидами состояния своего здоровья, выявляемой в ходе социологических опросов [36; 28; 22]. Адекватная оценка связи социальных факторов риска и здоровья возможна только при сопоставлении результатов тех и других обследований, так как результаты, основанные только на самооценке индивидуального здоровья, не позволяют определить истинное его состояние ввиду субъективности представлений человека, а также правильно оценить социальные факторы риска, их значение и удельный вес каждого при исключительно медицинском анализе состояния организма, потому что в таком случае они могут быть просто не выявлены. Во-вторых, существование тех или иных факторов риска также оценивается с помощью различных методов — медицинских или социологических. Это касается, например, действия таких факторов, как злоупотребление алкоголем, курение, двигательная активность, которые могут быть определены с помощью лабораторных анализов или путем опроса или анкетирования. В-третьих, в России практически не проводятся мониторинговые исследования влияния социальных факторов риска (особенно это касается поведенческих факторов) на здоровье населения. Большинство исследований носят локальный, разовый характер и преследуют цели получения «среза» ситуации, а не наблюдения ее в динамике.

Обзор научных работ, направленных на изучение влияния социальных факторов риска на здоровье населения, позволяет сделать следующие выводы относительно состояния изученности проблемы.

Несмотря на то что, по мнению большинства ученых, влияние социальных факторов на здоровье носит доминирующий, определяющий действие остальных факторов характер, общей теоретико-методологической базы для их анализа научное сообщество пока не выработало, что осложняет процесс сопоставления полученных разными исследователями результатов.

По-прежнему актуальна проблема построения комплексной модели воздействия социальных факторов на здоровье, определения характера взаимосвязи различных факторов, особенностей их взаимовлияния.

Необходимо принятие единой типологии социальных факторов риска здоровью, что не только позволит достоверно оценивать вклад каждого из них в развитие конкретных заболеваний, но и будет способствовать построению действенной политики управления социальными факторами риска, максимизировать эффект принимаемых управленческих решений.

Задачи развития человеческого потенциала на уровне страны, региона, территории требуют высокого уровня информированности лиц, принимающих управленческие решения, в отношении факторов риска ухудшения здоровья, что обуславливает целесообразность их выявления и оценки в мониторинговом режиме.

Также необходима разработка измеряемых показателей тех или иных социальных факторов риска. Социально-гигиенический, социологический, медико-социальный мониторинг выступающий базой для принятия решений, направленных на улучшение состояния здоровья граждан, немислим без анализа социальных факторов, однако отсутствие единой системы их показателей, основанной на общей типологизации, сужает спектр возможностей их использования в оценке здоровья населения в режиме мониторинга.

Список литературы

1. Doll R., Peto R., Boreham J., and Sutherland I. Mortality in relation to alcohol consumption: a prospective study among male British doctors // *International Journal of Epidemiology*. 2004. September 8.
2. Horn, K. Gesundheitserziehung im Verhdltnis zu anderen sozialisatorischen Einflssen: Grenzen individueller Problemlsungsmglichkeiten // *Europdische Monographien zu Forschungen in Gesundheitserziehung*. 1983. № 5. P. 49 — 71.
3. Link B., Phelan J. Social Conditions As Fundamental Causes of Disease // *Journal of Health and Social Behavior*. 1995 (Extra Issue). P. 80 — 94.
4. Manson J.E., Willet W.C., Stampfer M.J., et al. Body weight and mortality among women // *N Engl J Med* 1995; 333: 677 — 685.
5. Marmot M. G. Social inequalities in mortality: the social environment // *Class and Health* / ed. by R. G. Wilkinson. London; New York; Tavistock. 1986.
6. Marmot M.G. et. al. Alcohol and mortality: a U-shaped curve // *Lancet*. 1981. № 1. P. 580 — 583.
7. Wilkinson R.G. Socio-economic differences in mortality: interpreting the data on their size and trends // *Class and Heath* / ed. by R. G. Wilkinson. London; New York: Tavistock, 1986.
8. Акимова Е.В., Пушкарев Г.С., Смазнов В.Ю., Гафаров В.В., Кузнецов В.А. Сердечно-сосудистый риск и социальный градиент в тюменской когорте // *Материалы объединенного съезда кардиологов и кардиохирургов Сибирского федерального округа с международным участием*. Томск, 2009.
9. Акимова Е.В., Смазнов В.Ю., Кузнецов В.А., Гафаров В.В. Курение и риск сердечно-сосудистой смерти у мужчин // *Профилактика заболеваний и укрепление здоровья: науч.-практ. журн.* 2006. № 3. С. 16-19.
10. Амосов Н.М., Бендет Я.А. Физическая активность и сердце. Киев: Здоровье, 1989.
11. Апанасенко Г.Л. Профилактика в кардиологии: необходимость новой стратегии // *Здоровье Украины*. 2004. № 22. С. 107.
12. Баевский Р.М., Берсенева А.П. Оценка адаптационных возможностей организма и риск развития заболеваний. М.: Медицина, 1997.
13. Бедный М.С. Демографические факторы здоровья. М.: Финансы и статистика, 1984.
14. Берштейн Л.М. Онкоэндокринология курения / *Рос. акад. наук; науч.-исслед. ин-т онкологии им. Н. Н. Петрова*. СПб.: Наука, 1995.

15. Бредихина Н.В. Ориентации населения на здоровый образ жизни: региональный аспект : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06. Челябинск, 2006. 153 с.
16. Всемирная организация здравоохранения. URL: <http://www.euro.who.int/> (дата обращения: 1.12.2009).
17. Далгрэн Дж., Уайтхед М. Политика и стратегия обеспечения справедливости в вопросах охраны здоровья / ЕРБ ВОЗ. 1992.
18. Журавлева А.И. Физическая реабилитация больных инфарктом миокарда. М.: ЦОЛИУВ, 1983.
19. Журавлева И.В. Социальные факторы ухудшения здоровья населения // Россия трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. М.: Изд-во «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С. 506-519.
20. Изуткин А.М., Петленко В.П., Царегородцев Г.И. Социология медицины. Киев: Здоровье, 1981.
21. Кардялис К., Кардялене Л., Шукис С., Янкаускаене Р. Отношение будущих специалистов физической культуры к здоровому образу жизни // Социол. исслед. 2007. № 12. С. 129-132.
22. Кислицына О. Я. Социально-экономические детерминанты здоровья россиян // Народонаселение. 2007. № 2. С. 24-37.
23. Козловский В.А. Цикл лекций по валеологии, формированию и медикаментозному поддержанию здорового образа жизни и спортивной медицине / АОЗТ Фармацевтическая фирма «ФарКоС» [сайт]. URL: http://www.farkos.ua/Sports_medicine/tsikl_lects (дата обращения: 1.12.2009).
24. Комаров Ю.М., Магнитский В.А., Иванова А.Е. Оценка решения задач по достижению здоровья для всех в России / науч.-произв. об-ние мед.-соц. исслед., экономики и информатики. М.: НПО «Медсоцэконинформ», 1997.
25. Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник для студентов медицинских вузов. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009.
26. Логинов А.С., Блок Ю.Е. Хронические гепатиты и циррозы печени. М.: Медицина, 1987.
27. Моисеев С.В. Поражения внутренних органов при алкогольной болезни // Врач. 2004. № 9.
28. Назарова И.Б. Здоровье российского населения: факторы и характеристики (90-е годы) // Социол. исслед. 2003. № 11. С. 57 — 69.
29. Нуралиев А. Курение и рак. Фрунзе, 1990.
30. Панова Л.В., Русинова Н.Л. Гендерные неравенства в здоровье // Социол. исслед. 2007. № 6. С.114 — 122.
31. Петленко В.П., Царегородцев Г.И. Философия медицины. Киев: Здоровье, 1979.
32. Профилактика ишемической болезни сердца в клинической практике. [Рекомендации Европейского кардиологического общества (ЕКО), Европейского общества по изучению атеросклероза (ЕОА), Европейского общества по изучению гипертонии (ЕОГ). Рекомендации для врачей] / Г. де Бейкер (ЕКО); А. Грахам (ЕКО); П. Пул-Уилсон (ЕКО); К. Пайорала (ЕКО); Д. Шеферд (ЕОА); Д. Вуд (председатель) (ЕКО); А. Занкетти (ЕОГ) // Рус. мед. журн. 1996. Т. 3, № 4.
33. Прохоров Б.Б., Горшкова И.В., Шмаков Д.И. и др. Общественное здоровье и экономика / отв. ред. Б.Б. Прохоров. М.: МАКС Пресс, 2007.
34. Решетников А.В. Эволюция и проблемы современной социологии медицины // Экономика и здравоохранение. 2000. № 5,6/45.
35. Римашевская Н.М. Копина В.Г. Здоровье и благосостояние // Общественные науки и здравоохранение. М.: Наука, 1987.
36. Русинова Н.Л. Механизмы формирования социальных неравенств в здоровье (на примере Санкт-Петербурга) [Материалы интернет-конференции «Охрана здоровья: проблемы организации, управления и уровни ответственности» с 16.04.07 по 15.06.07] // Федеральный образовательный портал. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/308468.html> (дата обращения: 1.12.2009)
37. Скворцов Ю.И., Панченко Л.Ф., Скворцов К.Ю. Алкоголь и сердце: механизмы воздействия, клиника, лечение. Саратов : Изд-во Саратов. мед. ун-та, 2004.
38. Соколов В.Д. Влияние условий жизни на здоровье в семье // Здравоохранение. 1981. № 1.
39. Тапилина В.С. Социально-экономический статус и здоровье населения // Социол. исслед. 2004. № 3. С. 126 — 137.
40. Чечельницкая А.А. Михеева В.Г. Финагин. Экспертная модель здоровья человека // Журн. науч. публикаций аспирантов и докторантов. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2008/inf22.html> (дата обращения: 18.11.2009).
41. Шилова Л.С. Трансформация самосохранительного поведения // Социол. исслед. 1999. № 5. С. 84 — 92.
42. Штайнкамп Г. Смерть, болезнь и социальное неравенство // Журн. социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2, вып. 1.

43. Ядов В.Я. Социология в России / под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998.
-

**SOCIAL DETERMINANTS OF HEALTH:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF ANALYSIS**

O.A. Barg, N.A. Nesevrya

Federal State Scientific Institution «Federal Scientific Center for Medical and Prophylactic Health Risk Management Technologies» of Russian Federal Service For Surveillance on Consumer Rights Protection and Human Well-being (Rosпотребнадзор), 82, Ordjonikidze str., Perm, 614045

Theoretical and methodological approaches to the analysis of the influence of social factors on individual and public health, presented in the Russian and foreign scientific sources, are systematised. Existing problems of the theoretical and empiric researches of the social determinants of health reveal. Necessity of complex model of influence of social factors on health is proved.

Keywords: public health, health risk, risk factors, social determinants of health.

УДК 316.624

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АЛКОГОЛИЗМА И НАРКОМАНИИ В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Н.А. Несебря, Д.А. Кирьянов

Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, 614045, Пермь, Орджоникидзе, 82
e-mail: natnes@fcrisk.ru

На основе стоимостного подхода оценивается социально-экономический ущерб от высокой распространенности среди населения Пермского края злоупотребления психоактивными веществами. Определяется вклад данных девиаций в преждевременную смертность населения трудоспособного возраста. Рассчитывается экономический ущерб, вызванный недовыпуском продукции в результате вовлечения населения в наркоманию и алкоголизм.

Ключевые слова: девиантное поведение; наркомания; алкоголизм; преждевременная смертность.

Проблема злоупотребления психоактивными веществами, среди которых — алкоголь и его суррогаты, наркотические и токсические вещества, остро стоит перед Пермским краем. Так, по показателю «число больных, зарегистрированных наркологическими учреждениями с диагнозом психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением психоактивных веществ» в 2008 г. Пермский край занимал 24-е место в ряду субъектов Российской Федерации. По показателю заболеваемости синдромом зависимости от алкоголя (алкоголизм и алкогольные психозы) край в 2008 г. вышел на 17-е ранговое место, синдромом зависимости от наркотиков — на 13-е место среди регионов России [7].

Высокий уровень распространенности злоупотребления алкоголем и наркотиками в Пермском крае имеет серьезные социальные последствия, оборачивается значимым эконо-

мическим ущербом, который может быть дифференцирован следующим образом:

1. Экономический ущерб, вызванный преждевременной смертностью населения (в том числе населения трудоспособного возраста) от злоупотребления алкоголем и наркотиками.
2. Экономический ущерб, вызванный недовыпуском продукции в результате вовлечения населения в наркоманию и алкоголизм.
3. Реальный и потенциальный ущерб, наносимый потребителями наркотических средств, в том числе состоящими на профилактическом учете и наблюдении, в связи с противоправными действиями.
4. Расходы на лечение больных наркологическими расстройствами.
5. Расходы на профилактические программы, реализуемые с целью противодействия распространению алкоголизма, наркомании и токсикомании.

В рамках данного исследования оценка экономического ущерба региону, наносимого в связи с высокой распространенностью наркологических расстройств, рассчитывалась через оценку ущербов от преждевременной смертности и через оценку ущерба, вызванного недопуском продукции в результате вовлечения населения в наркоманию и алкоголизм. В основу расчетов была положена стоимостная оценка. Полученные в результате вычислений данные в денежном выражении составили объем потерь региона в связи с распространением алкоголизма, наркомании и токсикомании. Расчет стоимости производился на основе данных об учетном количестве больных наркологическими расстройствами. Действительный же социальный и экономический ущерб, наносимый краю вследствие высокой степени латентности наркологических расстройств, значительно превышает полученные результаты¹.

Зависимость преждевременной смертности от наркологических расстройств и имеет два аспекта. Во-первых, преждевременная смертность выступает одним из важных показателей тяжести последствий злоупотребления психоактивными веществами. Показатель смертности среди больных алкоголизмом, наркоманиями и токсикоманиями значительно превышает соответствующие показатели в популяции в целом. По данным В.Ф. Егорова, риск преждевременной смерти для мужчин, употребляющих наркотики внутривенно, превосходит риск смерти для мужского населения в 5 раз, а для женщин — почти в 11 раз; причем смерть наркоманов наступает в основном в молодом возрасте (средний возраст умерших 36 лет) [1]. Смертность среди алкоголиков при со-

матических болезнях в 3-5 раз выше, чем смертность среди людей, не потребляющих спиртные напитки. В целом высокий риск смерти в группе злоупотребляющих психоактивными веществами сопряжен с рисками завершенных суицидов, несчастных случаев, передозировки, развития гепатита, ВИЧ-инфекции и т.п.

Во-вторых, тяжесть наркологической ситуации на территории в значительной мере определяет уровень преждевременной смертности трудоспособного населения, особенно мужчин.

Вследствие преждевременной смертности населения Пермский регион несет значительные социальные и экономические потери. Высокая смертность экономически активного населения обуславливает снижение человеческого потенциала края, нехватку трудовых ресурсов, а следовательно, невозможность успешного социально-экономического развития региона.

По всем случаям смерти, которые в 2008 г. в Пермском крае составили 13 327 чел. в трудоспособном возрасте, было потеряно 466 264 чел.-года потенциальной жизни. Из этой суммы на мужскую часть контингента пришлось 82% (потеряно 385 379 чел.-лет потенциальной жизни). На долю женского контингента пришлось 17%, или 80 885 чел.-лет потерянной жизни. В среднем каждый умерший мужчина не дожил до окончания трудоспособного периода жизни 15,3 года, каждая женщина — 12,8 года.

В структуре смертности населения Пермского края в трудоспособном возрасте наибольшая доля, равная 36%, принадлежит группе травм, отравлений и некоторых других последствий воздействия внешних причин. По вкладу в общую сумму демографических потерь в рамках рассматриваемой социальной группы

¹ По оценкам экспертов, реальная численность наркозависимых превосходит данные официальной статистики в 5-10 раз. Коэффициент латентности нар-

комании для Пермского края в 2007 г. составлял 4,7 (см. об этом [4; 7]).

смертность из-за внешних причин незначительно превосходит таковую вследствие болезней системы кровообращения (31%), вместе составляя более двух третей в общей структуре преждевременной смертности.

Из-за смерти населения трудоспособного возраста по причине травм и отравлений в 2008 г. было потеряно 91 422 чел.-года потенциальной жизни. На мужскую часть населения пришлось 85% (77 651 чел.-год потерянной жизни), на женскую — 15% (13 771 чел.-год). Данная ведущая причина смерти представителей обеих половозрастных групп тесно связана с употреблением алкоголя, наркотиков и токсикоманий. Так, по мнению А.В. Немцова, около 2/3 смертей от несчастных случаев и насилия связаны с алкоголем [3]. Около 80% убийц нетрезвы в момент убийства; более 60% смертельно травмированных в дорожно-транспортных происшествиях погибают с повышенным содержанием алкоголя в крови [2]. Кроме того, от 60 до 80% самоубийц находятся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Наркологические расстройства вносят весомый вклад и в смертность от болезней органов пищеварения. Так, например, по разным данным от 40 до 80% случаев развития цирроза печени своей причиной имеют хроническую интоксикацию алкоголем [5], среди хронических панкреатитов доля алкогольных составляет от 40 до 75% [6].

Исследование доли смертей, сопряженных со злоупотреблением алкоголем, с наркоманиями и токсикоманиями, в общем количестве случаев смерти по различным классам причин позволило определить коэффициенты вклада данных девиаций в уровень смертности:

Фиброз и цирроз печени	0,5
------------------------	-----

Алкогольная болезнь печени	1
Острый панкреатит	0,4
Самоубийства	0,65
Нападение (убийство)	0,7
Случайное отравление алкоголем	1

Приведенные выше коэффициенты необходимы для адекватной оценки социального и экономического ущерба от преждевременной смертности трудоспособного населения по причинам, обусловленным злоупотреблением психоактивными веществами.

С учетом поправочных коэффициентов, указывающих на долю смертей, непосредственно связанных с наркологическими расстройствами, в общем числе смертей по выделенным причинам общие потери населения трудоспособного возраста в 2008 г. в Пермском крае в связи со злоупотреблением алкоголем, наркотиками и ненаркотическими психоактивными веществами составили 2 385,9 чел. (18% всех потерь трудоспособного населения), в том числе потери мужского населения — 1 904,6 чел., женского — 481,3 чел. (см. табл. 1).

Свыше половины (53%) смертности трудоспособного населения по причинам, связанным со злоупотреблением алкоголем, с наркоманиями и токсикоманиями, приходится на смертность городского населения мужского пола. Вклад сельского населения в этот показатель равен 26%. Совокупная смертность женщин, проживавших в городских и сельских населенных пунктах, составляет в общей сложности 20%.

Таблица 1. Смертность трудоспособного населения Пермского края в 2008 г. по причинам, обусловленным наркологическими расстройствами (чел.)

Причина смерти	Город	Село	Все население
----------------	-------	------	---------------

	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Всего:
Самоубийства	49,4	304,9	29,3	221,0	78,7	525,9	604,5
Случайное отравление алкоголем	69,0	318,0	41,0	173,0	110,0	491,0	601,0
Нападение (убийство)	69,3	231,0	19,6	109,2	88,9	340,2	429,1
Алкогольная болезнь печени	72,0	158,0	27,0	51,0	99,0	209,0	308,0
Прочие случаи отравлений	27,0	154,0	3,5	34,5	30,5	188,5	219,0
Фиброз и цирроз печени	42,0	82,0	23,5	30,0	65,5	112,0	177,5
Острый панкреатит и др.	6,8	29,2	2,0	8,8	8,8	38,0	46,8
Итого	335,5	1277,1	145,9	627,5	481,3	1904,6	2385,9

* Дробные значения потерь в таблице обусловлены введенными поправочными коэффициентами, приведенными выше.

Таблица 2. Ущерб от преждевременной смертности трудоспособного населения по причинам, обусловленным злоупотреблением алкоголем, наркоманиями и токсикоманиями

Причина	Количество случаев		Ущерб относительный (лет на 1 случай)	Ущерб абсолютный (лет)
	абс.	на 1 000		
Самоубийства	604,5	0,39	21,6	13065,0
Случайное отравление алкоголем	601,0	0,39	14,6	8783,0
Нападение (убийство)	429,1	0,28	18,8	8049,3
Алкогольная болезнь печени	308,0	0,20	14,3	4394,0
Прочие случаи отравлений	219,0	0,14	26,5	5804,5
Фиброз и цирроз печени	177,5	0,11	12,8	2267,5
Острый панкреатит и др.	46,8	0,03	16,8	788,4
Всего	2385,9	1,5	18,1	43151,7

Несмотря на то что для всей исследуемой половозрастной совокупности наиболее распространенной причиной смерти являются самоубийства, наибольший вклад среди всех групп, выделенных по критериям пола, типа территории и причины смерти, вносит городское мужское население, умершее от случайного отравления алкоголем (13% всех случаев).

Наибольшие значения коэффициента смертности от причин, связанных со злоупотреблением алкоголем, с наркоманиями и токсикоманиями, в 2008 г. были зафиксированы в городах Кизеле и Губахе, а также в Кумыкарском, Юрлинском и Косинском районах Пермского края.

Потерянные годы потенциальной жизни, обусловленные смертностью по причинам, зависящим от злоупотребления алкоголем, наркоманий и токсикоманий, составили в общей сложности 43 151,7 чел.-лет (табл. 2).

По причине самоубийств, так или иначе связанных с «наркологическими» девиациями, потери составили 13 065 чел.-лет, по причине случайных отравлений алкоголем — 8 783, по причине убийств — 8 049. В среднем каждый житель Пермского края, умерший по наркообусловленной причине, не дожил до окончания периода активной трудовой деятельности 18,1 года.

Одним из ключевых показателей при расчете стоимости социально-экономических по-

следствий преждевременной смертности выступает стоимость экономического ущерба от потери члена общества. В качестве меры стоимостного выражения данного ущерба чаще всего используется либо величина среднегодовой заработной платы, либо подушевой размер валового регионального продукта (ВРП), рассчитанный исходя из численности населения, занятого в экономике в данном году. В контексте настоящего исследования последний подход более целесообразен, поскольку позволяет определить размер экономического ущерба, или *упущенной выгоды*, для региона вследствие смертности населения, находящегося в трудоспособном возрасте, при допущении, что все оно является экономически активным.

При подушечном ВРП в Пермском крае в расчете на экономически активное население в размере 364,71 тыс. руб. размер упущенной выгоды при производстве ВРП в 2008 г. составил 11 242 руб. на одного занятого в экономике

(подробнее см. ниже).

Количество человеко-лет, потерянных вследствие преждевременной смертности населения в году	43151,7
Валовый региональный продукт, млрд. руб.	510,566
Размер ВРП на одного занятого в экономике, тыс. руб.	364,71
Размер упущенной выгоды в производстве ВРП, млн. руб.	15 737,8
Размер упущенной выгоды в производстве ВРП, руб. на одного занятого в экономике	11 242

Злоупотребление алкоголем, наркомании и токсикомании наносят региону экономический ущерб не только посредством упущенной выгоды в производстве ВРП из-за преждевременной смертности потребителей. Экономический ущерб, вызванный недовыпуском продукции в результате высокой учтенной распространенности наркологических расстройств, рассчитывается по формуле.

$$P_{\text{учетн.ущерб.нарк.}} = \mathcal{C}_{\text{зарег.трудоспособ.}} * \text{ВРП}_{\text{ср.душ.}} * d_{\text{безработ.нарк.}}$$

где $\mathcal{C}_{\text{зарег.трудосп.}}$ — число зарегистрированных больных наркологическими расстройствами трудоспособного возраста; $\text{ВРП}_{\text{ср.душ.}}$ — среднедушевой валовой региональный продукт, производимый на территории; $d_{\text{безработ.нарк.}}$ — доля не работающих и не учащихся больных наркологическими расстройствами, находящихся в трудоспособном возрасте (коэффициент занятости).

$$\mathcal{C}_{\text{зарег.трудоспособ.}} = \mathcal{C}_{\text{зарег.нарк.}} - \mathcal{C}_{\text{зарег.нарк.дет.}} - \frac{\mathcal{C}_{\text{зарег.нарк.подростк.}}}{2},$$

где $\mathcal{C}_{\text{зарег.нарк.}}$ — учтенная распространенность психических и поведенческих расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ (чел.); $\mathcal{C}_{\text{зарег.нарк.дет.}}$ — число зарегистрированных детей с наркологическими заболеваниями; $\mathcal{C}_{\text{зарег.нарк.подростк.}}$ — число зарегистрированных подростков в возрасте 15-17 лет.

Представленная формула расчета экономического ущерба, вызванного недовыпуском продукции в результате распространенности наркологических расстройств, базируясь на показателе учтенной распространенности, не отражает реального уровня вовлеченности населения в злоупотребление алкоголем и наркома-

нию, а следовательно, и реального ущерба региону. Дополнив формулу коэффициентом фактического уровня распространенности наркологических расстройств, можно рассчитывать реальный экономический ущерб, обусловленный тяжелой наркологической ситуацией.

$$P_{\text{вовл.ущерб.нарк.}} = Ч_{\text{зарег.трудоспособ.}} * k_{\text{факт.нарк.}} * ВРП_{\text{ср.душ.}} * d_{\text{безраб.нарк.}}$$

где $k_{\text{факт.нарк.}}$ — коэффициент фактического уровня распространенности наркологических расстройств (коэффициент латентности).

Для максимизации точности оценки экономического ущерба региону целесообразно рассчитывать адресные коэффициенты латентности и занятости специально для Пермского края и отдельно для различных контингентов наркологических больных. В Пермском крае исследований по выявлению уровня латентной распространенности алкогольных расстройств и наркомании среди различных социальных групп не проводилось. В связи с этим в рамках данной работы были использованы значения коэффициентов в среднем по Российской Федерации.

Значение коэффициента латентности было принято на уровне 4,5 [8]; коэффициента занятости — на уровне 0,25 [7]. Размер валового регионального продукта в расчете на 1 экономически активного жителя Пермского края в 2008 г. составлял 364,71 тыс. руб.

Значение показателя «число зарегистрированных больных наркологическими расстройствами трудоспособного возраста» ($Ч_{\text{зарег.трудосп.}}$) в 2008 г. в Пермском крае составило 71 196,5 чел.¹, число больных с алкогольными расстройствами — 56 021,5 чел., наркоманиями — 13 385, токсикоманиями — 417.

Как видно из табл. 3, размер экономического ущерба, вызванного недовыпуском продукции в Пермском крае вследствие высокого уровня учетной распространенности наркологических расстройств, в 2008 г. составил 6 491 518 тыс. руб. Реальный же экономический ущерб, детерминированный вовлечением насе-

ления в алкоголизм и наркоманию, достиг уровня 29 211 835 тыс. руб.

В 2007 г. размер валового регионального продукта на 1 экономически активного жителя равнялся 357,319 тыс. руб. Количество учтенных больных наркологическими расстройствами составило 75 732,5 чел. (с учетом коэффициента занятости). Объем экономического ущерба, рассчитанного на основе учтенной заболеваемости наркологическими расстройствами, находился на уровне 6 765 165 тыс. руб. В 2008 г. экономический ущерб, вызванный недовыпуском продукции в результате высокой учетной распространенности наркологических расстройств, снизился на 273 646,4 тыс. руб.

Расчет объема социально-экономического ущерба от злоупотребления психоактивными веществами практикуется всеми развитыми странами и должен стать регулярным для нашей страны. Причем, оценка затрат, обусловленных издержками высокой преждевременной смертности в молодом возрасте и снижением производительности труда, должна сопровождаться исследованиями растущей стоимости лечения, расходов на пенитенциарную систему, организацию следствия и судопроизводства, непосредственного ущерба от преступлений, совершаемых лицами в состоянии алкогольного и наркотического опьянения.

¹ Дробные значения показателя обусловлены введенным коэффициентом занятости подростков на уровне 0,5.

Таблица 3. Экономический ущерб, вызванный недовыпуском продукции в результате вовлечения населения в наркоманию и алкоголизм в 2008 г.

Показатель	Наркологические расстройства (всего)	Алкогольные расстройства	Наркомании	Токсикомании
$Ч_{зарег.трудоcп.}$	71 196,5	56 021,5	13 385	417
$ВРП_{cp.душ}$ (тыс. руб.)	364,71	364,71	364,71	364,71
$d_{безо.нарк.}$	0,25	0,25	0,25	0,25
$P_{учетн.ущерб.нарк.}$ (тыс. руб.)	6 491 518,879	5 107 900	1 220 411	38 021,02
$k_{факт.нарк.}$	4,5	4,5	4,5	4,5
$P_{вовлеч.ущерб.нарк.}$ (тыс. руб.)	29 211 835	22 985 551	5 491 849	171 094,6

Список литературы

- Егоров В.Ф. Смертность больных наркоманиями (клинико-социальное исследование): автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1995.
- Злоупотребление алкоголем в Российской Федерации: социально-экономические последствия и меры противодействия: доклад Общественной палаты Российской Федерации [Утвержден Советом Общественной палаты РФ 13 мая 2009 г.]. URL: <http://www.oprf.ru/files/dokladalko.pdf> (дата обращения: 15.12.2009).
- Немцов А.В., Терехин А.Т. Размеры и диагностический состав алкогольной смертности в России // Наркология. 2007. № 12.
- Рущенко И.П. Латентные социальные процессы: теоретические и практические аспекты исследования наркомании // Социол. исслед. 1999. № 10. С. 74 — 85.
- Садовникова И.И. Циррозы печени. Вопросы этиологии, патогенеза, клиники, диагностики, лечения // Рус. мед. журн. 2003. Т. 5, № 2. С. 37 — 43.
- Сереброва С.Ю. Хронический панкреатит: современный подход к диагностике и лечению // Рус. мед. журн. Болезни органов пищеварения. 2008. Т. 10, № 1. С. 30.
- Социальная стоимость наркомании в Уральском федеральном округе / под ред. Н.Н. Иванца, А.А. Куклиной, Е.А. Кошкиной. М.; Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2005. 166 с.
- Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. URL: <http://www.fskn.gov.ru/fskn/index.htm> (дата обращения: 15.12.2009).

SOCIAL AND ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE ALCOHOLISM AND DRUG ADDICTION IN THE PERM REGION

N.A. Nesevrya, D.A. Kiryanov

Federal State Scientific Institution «Federal Scientific Center for Medical and Prophylactic Health Risk Management Technologies» of Russian Federal Service For Surveillance on Consumer Rights Protection and Human Well-being (Rosпотребнадзор), 82, Ordjonikidze str., Perm, 614045

The social and economic damages from the high prevalence of the alcoholism and drug addiction among the population of the Perm region are estimated. The contribution of these deviations to the health and premature death of the population is defined. The economic damage caused by underproduction as a result of involving of the population in drug and alcohol consumption is pointed out.

Keywords: deviant behavior, drug addiction, premature death, economic damages.

УДК 316.014

СТЕПЕНЬ И ХАРАКТЕР ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В УЧЕБНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

И.А. Сыкалов

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, Букирева, 15

Представлен обзор учебных пособий по социологии с точки зрения характера и степени представленности в них методологической проблематики. Рассматриваются основные подходы к пониманию социологической методологии, ее роли в социологической науке. Анализируются подходы к определению места методологии в системе теоретико-методологических понятий социологии.

Ключевые слова: метод; методика; методология; методологический анализ.¹

Социология — дисциплина, часто побуждающая прочесть какой-нибудь научный труд вместо, скажем, романа на ту же тему, который может быть написан гораздо более живым и удобоваримым языком.

П. Бергер. Социология как способ времяпрепровождения

Справедливость вышеприведенного высказывания П. Бергера обусловлена в первую очередь той значительной ролью, которую играет методология в социологической науке. Как отмечает П. Бергер, «социология изначально трактовала себя как науку. <...> Верный призванию социолог делает утверждения на основе наблюдений в соответствии с определенными критериями очевидности так, чтобы дать возможность коллегам проверить, повторить и продолжить дальше его изыскания. <...> Пытаясь разработать в своей науке критерии очевидности, социологи вынуждены обращаться к методологическим проблемам. Вот почему методология является необходимой и существенной частью

социологического познания», — заключает автор [З.С. 20]. Вторая причина, не менее важная, состоит в специфике соотношения между социальной реальностью и понятиями, которыми она описывается и через которые объясняется в рамках социологической науки. П. Бергер характеризует эту ситуацию следующим образом: «Именно потому, что мы хорошо знаем социальные институты, которые нас окружают, наши представления о них в обыденном сознании весьма нечетки и часто ошибочны, подобно тому, как большинству из нас очень трудно дать точное описание собственных родителей, жен и мужей, детей и близких друзей. Кроме того, при обозначении реалий социальной действительности наш язык часто (и, может быть, слава Богу) оказывается расплывчатым и невразумительным» [Там же. С. 21]. В связи с этим особая терминология для социальных наук, и прежде всего социологии, оказывается не менее, а, возможно, даже и более важна, чем для наук естественных. В свете этого методологический ас-

пект социологии оказывается чрезвычайно актуальным.

Обосновывая необходимость выделения методологического анализа в особую область научной деятельности, О.И. Иванов справедливо отмечает, что «данный процесс является общей закономерностью развития всех видов человеческой деятельности, в том числе и научной. Чем сложнее научная деятельность, тем острее потребность в ее анализе» [12.С.6]. Вряд ли у кого-то вызовет сомнение, что современная социологическая научная деятельность, представляя собой, образно выражаясь, безбрежное и бездонное море различных парадигм, теорий, подходов, является весьма сложным видом социального познания.

Вместе с тем методологические вопросы, от решения которых зависит создание и осознание исследователями определенных ориентиров, обуславливающих адекватный научный поиск и «успешное завершение плавания в социологическом море», находят явно недостаточное отражение в современной русскоязычной учебной литературе по социологии, несмотря на указанную выше их актуальность как для состоявшихся ученых, так и для начинающих исследователей, определяющих пути и способы своего будущего научного поиска. Помощь в этом определении и должна оказывать в первую очередь учебная литература. Однако, несмотря на весьма широкий круг учебников по социологии, данная задача решается в недостаточной степени. Нередко в учебных пособиях методологические вопросы поднимаются в рамках разделов, посвященных по сути методике и технике социологических исследований, а само понятие «методология» иногда лишь присутствует в названии данных разделов, при этом никак не раскрывается и подменяется рассмотрением конкретных правил и методических приемов эмпирического исследования [16]. К сожалению, данная практика характерна не только для

отечественной учебной литературы, но и для западной. По словам В.Я. Ельмеева и В.Г. Овсянникова, «нередко, особенно в зарубежной эмпирической социологии, вместо фундаментальной методологии предлагаются обычные методические приемы и процедуры. К методологическим проблемам те же западные авторы относят объяснение техники исследования, выбор процедур исследования и другие подобные чисто методические приемы, которые вроде бы должны характеризовать лишь процесс работы социолога, а не отношение научных принципов к изучаемой социальной действительности» [11]. Таким образом, методология, отождествленная с правилами и процедурами, теряет свои специфические функции, по существу превращаясь в методику. Недостаточная укорененность понятия «методология» в современной учебной литературе по социологии иллюстрируется примерами, когда вместо данного понятия авторы используют понятие «метод» (в единственном числе). Так, К. Воробьев, отталкиваясь от бэконовского сравнения метода со светильником, освещающим путнику дорогу, дает следующее определение этого понятия: «метод — это путь исследования, форма теоретического и практического освоения действительности, исходящая из закономерностей движения изучаемого объекта; это система регулятивных принципов преобразующей, практической или познавательной деятельности. Метод познания имеет важнейшее, даже определяющее значение в любой науке» [4.С.16].

Не претендуя на исчерпывающий охват учебников и учебных пособий по социологии ввиду как их большого количества, так и, в первую очередь, сложности доступа ко многим из них, предлагаем беглый обзор подходов к пониманию социологической методологии и ее места в структуре социологического знания, представленного в соответствующей учебной литературе как российских (центральных и ре-

гиональных), так и зарубежных авторов. Отметим также, что, так как, с одной стороны, в большинстве проанализированных учебников интересующие нас вопросы специально практически не затрагиваются, а с другой — в ряде некоторых учебных пособий представлены идентичные подходы к пониманию методологической проблематики, это дало нам возможность остановиться лишь на некоторых работах, в которых наиболее четко излагается тот или иной подход к пониманию того, что является собой методология социологии.

Прежде всего, обратим внимание на весьма широкое толкование данного понятия, распространенное в ряде учебных пособий и представленное, например, в учебнике В.И. Добренькова и А.И. Кравченко. Им принадлежит следующее определение: «Методология — учение о системе принципов и способов, правил и нормативов, приемов и операций. В методологию входит ряд вопросов, в частности, о том, какова природа научного знания, как устроена научная теория и как она развивается, о том, как строятся гипотезы и происходят их эмпирические подтверждения, как надо концептуализировать и операционализировать понятия, строить выборочную совокупность, делать логический анализ данных и т.д.» [9.С.31]. Аналогичную трактовку данного понятия дает А.И. Кравченко в своем учебнике [13.С.34]. Еще более отчетливо такое расширительное понимание социологической методологии прослеживается в учебнике по социологии под редакцией В.Н. Лавриченко [15.С.379]. Наполняя рассматриваемое понятие содержательным смыслом, авторы данного учебника выделяют в нем следующие составляющие: объект социологического исследования; предмет исследования; проблему; программу; гипотезу; социальные факты; социальные законы; социальные закономерности; социологические законы; социологические теории; парадигмы; эмпирическую базу; методы.

Как видим, такое понимание социологической методологии существенно сближает его с понятием самой социологической науки.

Следующее направление, в рамках которого авторы учебников и учебных пособий подходят к определению методологии социологии, характеризуется попытками увязать ее с понятием социологической теории. Как правило, в данном случае методология выступает в качестве определенного уровня последней. Так, Ж.Т. Тощенко рассматривает социологическую методологию как «такой уровень теоретического знания, который интерпретирован на языке, позволяющем оперировать информацией, посредством соответствующих индикаторов и показателей. Исходя из этого, сознание может быть представлено через такие компоненты, как знание, потребности, интересы, мотивы, ценностные ориентации, установки, мнение, настроение и т.д. Оперирование этими конкретными «носителями» сознания позволяет наполнить «кровью» и «плотью» многие понятия, которые в социальной философии или политологии не требуют такой детализации и конкретизации» [17.С.7]. В.И. Добреньков и А.И. Кравченко в этой связи рассматривают методологию в качестве своего рода моста «между высоколобой теорией и приземленными методами» [10.С.435]. Также сложно не согласиться с вышеуказанными авторами в том, что теоретические и методологические проблемы настолько тесно связаны друг с другом, что их разведение носит сугубо условный характер: «методологическая проблема часто оказывается проблемой построения принципиально новой теоретической конструкции, а вытекающая из этого социологическая составляющая проблемы становится методологической, заставляя нас пересматривать содержание соответствующего методологического принципа» [10.С.435].

Весьма распространенным подходом к рассмотрению методологии социологии в совре-

менных учебных пособиях является раскрытие данного понятия через совокупность методов, которые она в себя включает. Причем, если одна часть авторов под совокупностью методов понимает лишь конкретные методики и техники социологического исследования, сводя методологию к методике, о чем уже было упомянуто выше, то другая часть авторов пытается систематизировать эту совокупность методов, выделяя в ней иерархические уровни. Так, Е.М. Бабосов, отмечая очень важную позицию методологии в структуре социологии, представляет саму методологию в виде иерархической структуры, включающей в себя следующие группы методов: общефилософские (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, обобщение, конкретизация); общенаучные (системный, комплексный, моделирование, аналогия, типологизация); методы общей социологии (структурно-функциональный анализ, сравнительный, кросскультурный, корреляционно-причинный, вычленение инвариантности); методы прикладной социологии (включенное наблюдение, анализ документов, выборочный метод, метод опроса, социальный эксперимент, анализ и обобщение социологической информации) [2.С.39]. Схожую структуру описывает в своем учебнике О.Г. Филатова, выделяя три уровня социологической методологии: философский, или уровень всеобщей научной методологии; общенаучный; уровень специальной методологии социологического исследования [19.С.20].

Необходимо отметить также и понимание социологической методологии как «системы правил, принципов и мер, управляемых научным исследованием» [1.С.72]. По словам Э. Гидденса, «методология исследования определяет логику интерпретации результатов и анализа полученных данных» [5.С.481]. Как поясняет Э. К. Асп, «методология определяет способы и методы сбора социологического материала для получения (обобщенно говоря) отве-

тов на вопрос, почему те или иные явления и события происходили в определенное время и в определенном месте» [1.С.73]. Таким образом, соотношение между методами и методологией с позиции данных авторов состоит в том, что методология указывает, какие именно методы исследования можно и рекомендуется применять в каждом случае. С.И. Григорьев и Ю.Е. Растов относительно данного вопроса придерживаются такого мнения: «Методология и методика — тесно взаимодействующие атрибуты науки. При этом первая определяет содержание и характер второй, а не наоборот. Образно говоря, *методика — служанка методологии*. Выбор и использование тех или иных методик в научном исследовании определяется тем, какими методологическими установками руководствуется исследователь» [8].

Продолжая рассмотрение подходов к понятию социологической методологии, обратим внимание на то, что конструирование этого понимания авторами тех или иных учебных пособий основывается также на определении взаимосвязи не только между такими понятиями, как методология и методика, но и такими, как методология и парадигма. Оставляя за рамками данной работы рассмотрение проблематики соотношения данных, во многом взаимопересекающихся понятий, отметим лишь то, что понятие «парадигма» понимается как меньшее по смысловому объему, чем понятие «методология», и последнее определяется как совокупность парадигм. Так, цитируемые выше авторы, обосновывая полипарадигмальность современной социологии в качестве одного из ее конституирующих атрибутивных свойств, определяют методологию как «исповедуемые наукой парадигмы познания...» [Там же]. В контексте соотношения понятий «парадигма», «методология» и «метод» также можно говорить об отсутствии четкого словоупотребления у авторов учебных пособий. Это, в частности, проявляется в на-

именовании таких ключевых направлений социологического знания, как позитивизм, феноменология, диалектический материализм и др. Так, авторы учебника «Социология» под редакцией З.Т. Голенковой в разделе, озаглавленном «Методология социологии», характеризуют данные направления, обозначив их как методы (позитивистский метод, феноменологический метод и т.д.) [6.С.17]. При этом в ряде других учебных пособий данные направления рассматриваются как парадигмы [15.С.388]. Впрочем, отсутствие единой, всеми признанной системы категорий в не меньшей степени характерно и для сферы конкретных социологических исследований: как отмечает Г.Ф. Шафранов-Куцев, «одну и ту же систему действий некоторые авторы называют методом, другие — техникой, третьи — процедурой, четвертые — методикой, а некоторые — и методологией» [20.С.300].

Рассматривая методологическую проблематику, ряд авторов исходят из ответа на вопрос о сущности методологии в социологии: является ли она понятием социологическим, а стало быть, можно говорить о социологической методологии, либо это понятие в сущности философское, в связи с чем отрицается сама необходимость употребления понятия «социологическая методология». В качестве примера, иллюстрирующего первую точку зрения, можно привести слова О.Г. Филатовой: «...Социальная реальность специфична, поэтому для ее познания требуется своя методология — социологическая, представляющая собой определенную систему, совокупность приемов, процедур и операций, с помощью которых осуществляется социологическое исследование» [19.С.20]. Второй из вышеуказанных точек зрения придерживаются такие авторы, как В.Я. Ельмеев и В.Г. Овсянников: «Методологию социологического исследования, как мы полагаем, необходимо рассматривать как форму приложения социальной философии. В этом своем качестве, т.е. как

философская методология, она прежде всего и нужна в социологических исследованиях». Под видом освобождения от философии, отмечают авторы, социология на деле скатывается к эмпиризму [11]. Автор другого учебника, Ю.В. Фененко, даже выделяет наличие общей методологии в качестве одного из признаков, на основе которых можно говорить о схожести социологической науки с науками техническими и естественными [18.С.79]. А.С. Готлиб, подтверждая правомерность первой точки зрения, при этом не отрицая второй, а пытаясь их синтезировать, представляет методологию в качестве довольно сложного образования, включающего в себя две составляющие — философскую и собственно социологическую. Философская составляющая — это система наиболее общих принципов и положений исследования. Их цель — обосновать конкретные методы сбора и анализа социологической информации, конкретные исследовательские практики, логику их реализации, критерии оценки качества получаемой информации, подходы к определению его истинности и т.д. Философская составляющая отвечает на предельно общие вопросы: какова природа социальной реальности в рамках того или иного подхода? Как соотносится в них познающий субъект и мир, который познается? Что понимается под истинным знанием? И т.п. От ответа на эти «высокие вопросы», как отмечает А.С. Готлиб, зависит и реальная логика социологического исследования, которая описывается второй, собственно социологической составляющей. Эта часть методологии содержит ответы на менее общие, достаточно конкретные вопросы, неизменно встающие перед исследователем: какую принципиальную стратегию получения нового знания выбирать? Каковы способы представления этого знания? Какою должна быть последовательность организации социологического исследования? И т.д. [7.С.17 — 18].

Как правило, раскрывая понятие методологии социологии, исследователи концентрируют внимание на том, что она, говоря упрощенно, отвечает прежде всего на вопрос «как?». Например, по словам В.И. Добренькова и А.И. Кравченко, «вместо вопроса “что следует изучать?” методолог формулирует другой вопрос: “как следует изучать?”» [10.С.434]. Вместе с тем такое понимание методологии принимают не все авторы. Так, в учебнике под редакцией Г.В. Осипова и Л.Н. Москвичева в структуре социологии выделяются следующие основные компоненты: знание и средства его получения. Первый компонент — социологическое знание — включает в себя знание о знании (методологическое знание) и знание о предмете. Таким образом, методологический аспект, по мнению авторов, призван прежде всего отвечать на вопрос «что?», а не «как?». Это понимание важно, на наш взгляд, в том смысле, что в таком случае методология определяет проблематику исследования. На это обращал внимание Ч.Р. Миллс [14.С.72]. Данный аспект проблемы приобретает свое особое значение при рассмотрении социологической науки в соотношении с другими социально-гуманитарными областями знания. Согласно П. Лазарсфельду, здесь социолог становится методологом всех общественных наук: «Он выполняет, так сказать, роль проводника-первопроходца при наступающей армии обществоведов, когда объектом эмпирических научных исследований становится новая область человеческой деятельности. Именно социолог делает первые шаги. Он является связующим звеном между социальным философом, наблюдателем-одиночкой и комментатором, с одной стороны, и организованной коллективной работой исследователей-эмпириков и аналитиков — с другой» [цит. по: 14. С.75]. Как видим, данное высказывание не оставляет сомнений в важности социологии как науки и прежде всего ее ме-

тодологических функций по отношению к социальному познанию в целом.

Итак, анализ учебной литературы показал отсутствие единого понимания ее авторами того, что такое методология социологии. Более того, степень осознанности необходимости рассмотрения методологических проблем весьма различна. Зачастую глубина анализа сводится лишь к поверхностному перечислению основных понятий, мало что дающему будущему профессионалу, изучающему курс социологических дисциплин. Вместе с тем рассмотрение выделенных выше подходов к пониманию социологической методологии дает возможность говорить о наличии на сегодня определенного фундамента, пусть и несколько рыхлого, для того чтобы данное направление социологической учебной литературы активно развивалось и приносило свои плоды в виде осознанно проведенных исследований и основанных на них значимых теоретических разработок.

Однако не стоит и преувеличивать роль методологических вопросов в социологии, особенно в свете определенных негативных тенденций, проявляющихся в методологических перекосах, характерных для некоторых исследователей. По словам П. Бергера, «некоторые социологи, особенно в Америке, настолько увлеклись методологическими проблемами, что утратили всякий интерес к обществу. В результате ни в одном аспекте социальной жизни они не могут найти ничего существенного, поскольку в науке, как в любви, концентрация на технике ведет к импотенции» [3.С.20]. Действительно, методология не есть конечная цель, а лишь средство, средство для изучения общества, его понимания и в конечном итоге — преобразования к лучшему. Методология должна помогать достижению этой цели. В учебной же литературе должно находить отражение оптимальное соотношение этих целей и средств.

Список литературы

1. Асп Э. К. Введение в социологию. СПб.: Алетейя, 2000.
2. Бабосов Е.М. Общая социология. Минск: ТетраСистемс, 2006.
3. Бергер П. Приглашение в социологию. М: Аспект-пресс, 1996.
4. Воробьев К.А. Социология. М: Академический проект, 2005.
5. Гидденс Э. Социология. М.: УРСС, 2005.
6. Голенкова З.Т., Акулич М.М., Кузнецов В.Н. Общая социология. М: Гардарики, 2005.
7. Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
8. Григорьев С.И., Растов Ю.Е. Основы современной социологии. М.: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2001. URL: <http://www.twirpx.com/file/22779/>
9. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социология. М.: ИНФРА-М, 2008.
10. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология. Т.1 Теория и методология. М.: ИНФРА-М, 2003.
11. Ельмеев В.Я., Овсянников В.Г. Прикладная социология: очерки методологии. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1999. URL: <http://www.twirpx.com/file/1011/>
12. Иванов О.И. Методология социологии. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003.
13. Кравченко А.И. Социология: общий курс. М.: ПЕРСЭ; Логос, 2002.
14. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М.: NOTA BENE, 2001.
15. Социология / под ред. В.Н. Лавриненко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.
16. Социология: курс лекций /под ред. А.В. Миროнова, В.В. Панферовой, В.М. Утенкова. М.: 1996. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/117036.html>
17. Тощенко Ж.Т. Социология. М.: ЮНИТИ, 2007.
18. Фененко Ю.В. Социология. М: Проспект, 2007.
19. Филатова О.Г. Общая социология. М.: Гардарики, 2005.
20. Шафранов-Куцев Г.Ф. Социология. М: Логос, 2008.

A TYPE AND DEGREE OF REPRESENTATION OF METHODOLOGICAL PROBLEMATIC IN SOCIOLOGICAL EDUCATIONAL LITERATURE

I.A. Sykalov

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

A type and degree of representation of methodological problematic in sociological educational literature is analyzed. Different approaches to concept definition of methodology and it's importance in sociological science are considered. The approaches to definition of sociological methodology's significance among other sociological theoretical-methodological definition is analyzed.

Keywords: method; technique; methodology; methodological analysis

УДК 338.470:656

ЧАСТНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПАРТНЕРСТВО В ОБЛАСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА Г. ПЕРМИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТОРОН*

К.А. Петухов

Пермский центр социального партнерства и социологических исследований ПГУ, 614990, Пермь,
Букирева, 15
e-mail: petoukhov@psu.ru

Дается обзор взаимодействия заинтересованных сторон частного-государственного партнерства в сфере общественного транспорта г. Перми. Кратко описаны этапы процесса перехода муниципального транспорта в управление частным перевозчиком. Анализируются причины возникновения конфликтов и пути их устранения.

Ключевые слова: частно-государственное партнерство (ЧГП); общественный транспорт; схема взаимодействия; администрация; перевозчики.

В общей форме частно-государственное партнерство (ЧГП) можно определить как совокупность форм сотрудничества государства и бизнеса для решения общественно значимых задач на взаимовыгодных условиях. Оно может реализовываться на различных уровнях (национальном, региональном, муниципальном) и для достижения широкого спектра целей (привлечение частных инвестиций, устранение неэффективности государственного управления активами, повышение качества услуг). Достаточно часто ЧГП практикуется в транспортной отрасли (общественный транспорт, развитие дорожной сети), сфере здравоохранения, коммунального обслуживания и в области образования. Представленный материал основан на дан-

ных, собранных в рамках кейса «ЧГП в сфере общественного транспорта».

Городской общественный транспорт Перми всегда был сферой повышенного общественного интереса. Для этого есть ряд объективных причин. В силу большой пространственной протяженности городских районов именно общественный транспорт является важнейшим связующим звеном в пределах г. Перми. От нормальной работы транспортной отрасли зависит жизнедеятельность сотен тысяч горожан. Из-за отсутствия в городе метро наземный общественный транспорт, и в особенности автобусный, играет в функционировании города важнейшую роль.

© Петухов К.А., 2010

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 гг.)» № 2.1.3 / 3203.

Появление частных пассажирских перевозок в г. Перми

С самого начала процесса становления частных перевозок в Перми взаимодействие заинтересованных сторон в этой сфере характеризуется высокой конфликтностью [10]. Постановлением главы г. Перми А.Каменева от 02.07.2004 № 1925 «О передаче муниципального автотранспорта в безвозмездное пользование обществам с ограниченной ответственностью» муниципальные автобусы оказались под контролем одиннадцати обществ с ограниченной ответственностью. Это решение вызвало волну критики в адрес администрации города и многочисленные акции протеста. Несмотря на это, городской автобусный парк стал частным [15]. Критерии выбора организаций, которым было передано имущество, история их возникновения и дальнейшая судьба доподлинно неизвестны. Через некоторое время вопрос о безвозмездной передаче имущества стал одним из основных в судебном разбирательстве в отношении бывшего главы города А. Каменева. В результате бывший градоначальник был осужден на срок в 1,5 года, факт передачи в безвозмездную аренду автобусных парков квалифицирован судом как превышение служебных полномочий [3].

Однако решение суда уже не могло изменить сложившуюся в городе ситуацию. В некотором смысле и сменившаяся городская администрация, и жители, и вновь образованные транспортные организации стали заложниками принятых ранее решений. На уровне городской думы были предприняты шаги с целью формализовать и направить в конструктивное русло деятельность в области оказания транспортных услуг.

Одним из таких шагов стало принятие в 2005 г. документа под названием «Концепция

организации и развития городского пассажирского транспорта общего пользования г. Перми на 2005-2008 годы» [9]. Его анализ показывает, что многие из заявленных в концепции целей не были достигнуты: доля муниципальных перевозок в городе не достигла планируемого уровня 40-50%; не было налажено троллейбусное движение в Кировском районе; не в полной мере была осуществлена разгрузка центра города.

С 2008 г. функции основного регулятора отрасли были возложены на департамент дорог и транспорта администрации города Перми. Именно эта структура отвечает перед жителями города за организацию бесперебойного транспортного сообщения, разрабатывает и проводит в жизнь планы реформирования отрасли. В ведении этого ведомства находится также муниципальное предприятие, занимающееся диспетчерскими функциями. Частные перевозчики обязаны оборудовать свои автобусные парки техническими средствами, способными взаимодействовать с приемниками сигналов данного предприятия.

В настоящее время рассматривается вопрос о принятии новой концепции развития транспортной отрасли. Ее положения и цели еще не сформулированы окончательно. По информации пресс-центра городской думы в ее основу будут положены рыночные принципы [12]. На наш взгляд, это свидетельствует о серьезном изменении в позиции администрации, поскольку в предыдущей концепции упор делался на увеличение доли муниципального транспорта.

Структура взаимодействия субъектов

Ключевыми субъектами ЧГП в области транспорта в г. Перми выступают муниципальные органы власти (городская дума; департамент дорог и транспорта), территориальные государственные органы (Управление автодорожного

надзора), муниципальное предприятие (МУП «Горпассажиртранс»), частные перевозчики (ООО и предприниматели) и жители города.

В анализируемой схеме ЧПП отсутствует постоянный, нормативно закрепленный механизм урегулирования возникающих споров и конфликтов. Комиссия по спорам, созданная по инициативе общественных организаций, собиралась лишь дважды. В ее рамках не удалось выработать конструктивного подхода к разрешению сложившихся противоречий. Сама ее деятельность носила временный характер. Действующим механизмом диалога является «горячая» телефонная линия, организованная в департаменте дорог и транспорта. Она служит для приема жалоб от жителей на нарушения, допущенные перевозчиками. Таким образом, этот механизм исключает из диалога транспортников. Характеристика различных субъектов ЧПП и процессы их взаимодействия отображены в табл. 1 и на рис. 1.

Процесс распределения маршрутов

Главной особенностью взаимодействия администрации и перевозчиков является крайне низкая прозрачность. Общее количество организаций и индивидуальных предпринимателей, обслуживающих городские автобусные маршруты, по разным оценкам колеблется от 30 до 150. Такие цифры наводят на мысль о наличии высокой конкуренции между перевозчиками в борьбе за право осуществлять перевозки жителей города. Однако, при этом, постоянно возрастает плата за проезд в общественном транспорте.

Возможно, ключевая причина такого положения состоит в том, что процесс распределения маршрутов между конкретными перевозчиками изначально не был основан на конкурсных принципах и процедурах. В официальных документах процесс такого распределения на-

зывается «заявительным». Его смысл состоит в том, что перевозчики подают заявку на тот маршрут, который они хотели бы обслуживать. Администрация города совместно с другими надзорными органами проводит оценку возможностей данного перевозчика и принимает решение о заключении договора с транспортной организацией. Все эти процедуры также четко обозначены в официальных документах. Однако в них отсутствует механизм оценки конкурирующих предложений и мотивы выбора того или иного перевозчика. Очевидно, что такая схема распределения непрозрачна и малоэффективна.

Необходимость организации конкурсов в этой сфере обсуждалась с разной степенью интенсивности на протяжении последних 3-4 лет. Но лишь в сентябре 2009 г. департамент дорог и транспорта администрации г. Перми подготовил конкурсную документацию, согласованную, как сказано на официальном сайте, со всеми заинтересованными сторонами, учеными и представителями надзорных органов в области государственных закупок [8]. В результате было проведено четыре конкурса, ни один из которых не был признан состоявшимся. Из протоколов заседаний конкурсных комиссий следует, что это произошло из-за того, что перевозчики не представили всех необходимых документов. После этого новые конкурсы было решено временно не проводить ввиду неготовности и непроработанности конкурсной документации [7]. Департамент дорог и транспорта вернулся к старой, «проверенной временем», практике заключения договоров в заявительном порядке.

Важным обстоятельством при оценке процесса взаимодействия департамента дорог и транспорта с перевозчиками является тот факт, что некоторые бывшие руководители данного

подразделения городской администрации, уходя в отставку, становились руководителями организаций-перевозчиков. Такая смена статуса носит не единичный характер и скорее свидетельствует о некоторой тенденции.

На протяжении всего периода становления института частных перевозок в Перми между

администрацией и транспортными организациями возникало немало конфликтов. Темами этих конфликтов неизменно становились тарифы и условия перевозки граждан, имеющих социальные льготы.

Таблица 1. Презентация сторон частно-государственного партнерства в области общественного транспорта г. Перми

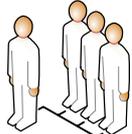
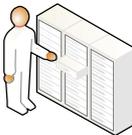
Сторона ЧГП	Характеристика функции, полномочия стороны	Содержание деятельности и принимаемых к реализации документов
<p>Пермская городская дума</p> 	Тип объекта	Орган муниципальной представительной власти
	Функции	Утверждение принципов работы городского общественного транспорта Определение размера тарифов
	Принятие документов	Разработка концепции организации и развития городского пассажирского транспорта общего пользования г. Перми на 2005-2008 годы от 13.09.2005
	Принятие документов	Разработка проекта концепции развития общественного транспорта на 2010-2015 годы Установление «Порядка формирования тарифов на регулярные перевозки пассажиров и багажа автомобильным и городским электрическим транспортом на поселенческих и межмуниципальных маршрутах городского и пригородного сообщения» от 23.12.2008 Принятие «Решения о тарифах на перевозки пассажиров и багажа автомобильным и городским электрическим транспортом на поселенческих маршрутах городского сообщения в г. Перми» от 27.01.2009
<p>МУ Горпассажиртранс</p> 	Тип объекта	Специализированная профильная организация, находящаяся в собственности муниципалитета
	Функции	Централизованный контроль за движением автобусов на городских маршрутах регулярного сообщения Диспетчеризация маршрутов общественного транспорта
	Принятие документов	Положение об организации пассажирских перевозок автомобильным транспортом общего пользования на маршрутах регулярного сообщения г. Перми, принятое Пермской городской думой 26.06.2006 Договоры с частными перевозчиками на использование услуг центральной диспетчерской службы

Таблица 1. Окончание

Сторона ЧПП	Характеристика функции, полномочия стороны	Содержание деятельности, и принимаемых к реализации документов
<p>Департамент дорог и транспорта</p> 	Тип объекта	Подразделение муниципального исполнительного органа власти
	Функции	Обеспечение развития улично-дорожной сети на территории города, обеспечение развития всех видов городского пассажирского транспорта, оптимизация транспортной пассажирской сети г. Перми, Участие в организации работы по обеспечению безопасности дорожного движения, координация деятельности хозяйствующих субъектов, осуществляющих перевозки пассажиров на территории города
	Принятие документов	О департаменте дорог и транспорта администрации города Перми и о внесении изменений в отдельные решения Пермской городской думы, принятые Пермской городской думой 24.06.2008 Договоры на право обслуживания маршрутов городского общественного транспорта
<p>Управление государственного автотранспортного надзора</p> 	Тип объекта	Территориальный орган федеральной службы
	Функции	Лицензирование отдельных видов деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации в сфере автомобильного транспорта, отнесенных к компетенции Федеральной службы по надзору в сфере транспорта
Принятие документов	О госавтотранспорте, утв. приказом Ространснадзора от 05.02.2007 № ГК-73 фс Выдача лицензии частным перевозчикам	
<p>Комиссия по спорам</p> 	Тип объекта	Временная структура
	Функции	Выработка предложений, направленных на совершенствование перевозок, осуществляемых общественным транспортом
	Принятие документов	Нет специального решения о её создании, собирается в случае необходимости рассмотрения обращений инициативных групп граждан, протестов. Принимаемые решения не обязательны к выполнению

Тарифы на перевозки в общественном транспорте

Тарифная политика в сфере перевозок общественным транспортом в Перми относится к компетенции городской думы. Именно этот орган принимает решение об изменении тарифов. Определение конкретного уровня цен лежит на

плечах профильных комитетов и департаментов администрации города и является многоэтапным процессом. Перевозчики практически не имеют возможности влиять на тарифную политику и обладают лишь правом совещательного голоса. Стремление муниципалитета учесть все факторы при изменении тарифов

вызывает резкую критику организаций-перевозчиков. Большинство из них считают, что перевозки как вид бизнеса являются убыточными. Анализ показывает, что изменения

тарифов носит нерегулярный характер. В последнее время тариф стал меняться чаще. Но важно отметить, что стоимость проезда в общественном транспорте только увеличивается.

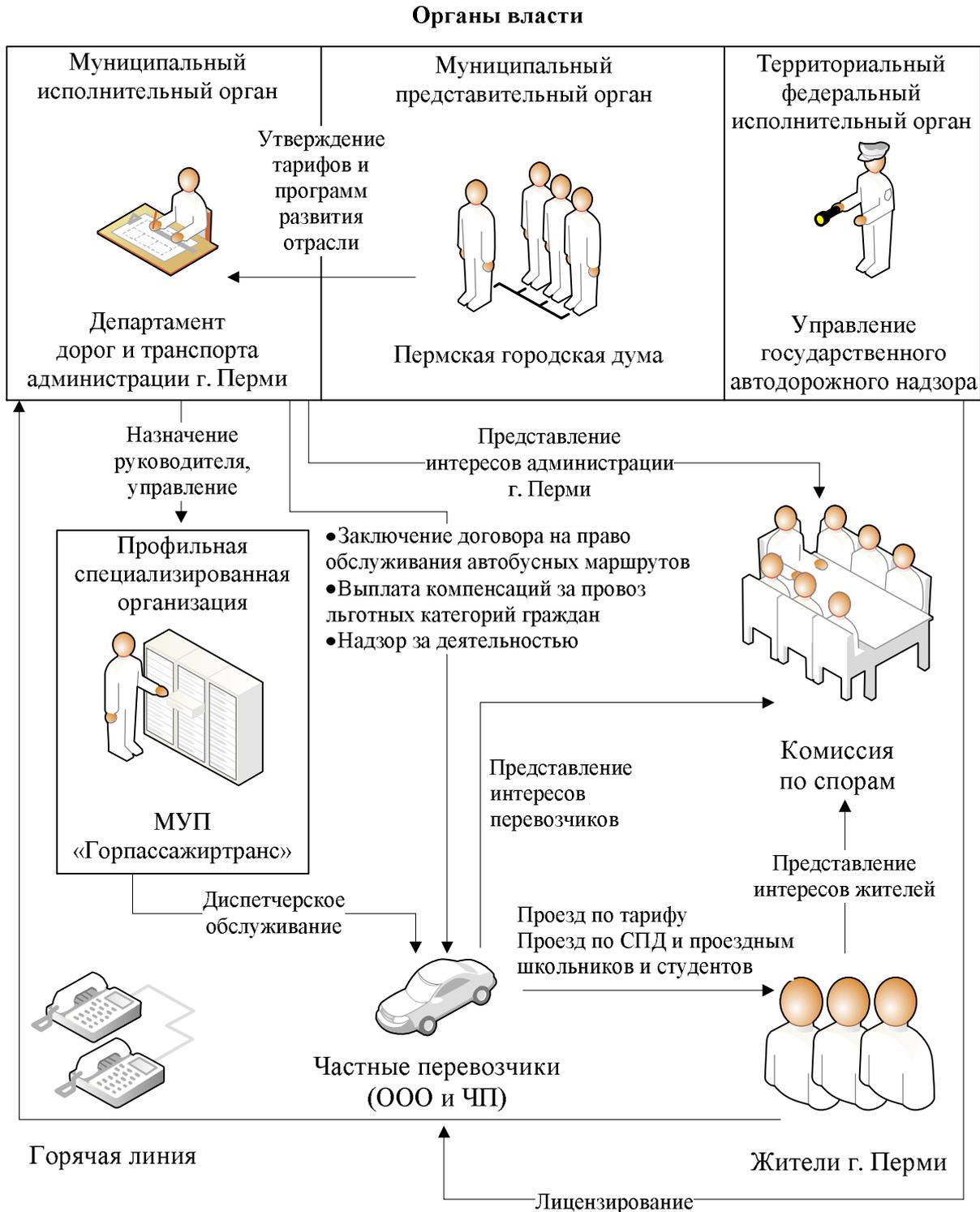

Рис. 1. Схема взаимодействия заинтересованных сторон частного-государственного партнерства в области общественного транспорта г. Перми

Для определения размера тарифа на перевозку пассажиров общественным транспортом администрацией города была разработана специальная методика. Впервые она была утверждена в 2005 г. Действующая же в настоящий момент методика принята в конце 2008 г. Документ официально называется «Порядок формирования тарифов на регулярные перевозки пассажиров и багажа автомобильным и городским электрическим транспортом на поселенческих и межмуниципальных маршрутах городского и пригородного сообщений» [11].

В связи с высокой социальной значимостью тарифа на перевозки в общественном транспорте методика расчета, с точки зрения её авторов, носит лишь оценочный характер. Конкретный размер тарифа определяют депутаты думы, исходя из собственных представлений о справедливой цене данной услуги, а также на основе полученного в соответствии с данной методикой расчетного значения.

Внимательное изучение документа позволило обнаружить ряд недостатков в определении стоимости транспортной работы, оказываемой перевозчиками. Так, в разделах 5.1-5.3 данной методики приведены формулы расчета общей стоимости транспортной работы по отдельным видам транспорта. Упрощенное содержание этих формул можно интерпретировать так: стоимость работы равна произведению себестоимости на нормативный уровень рентабельности. Однако данный расчет позволяет определить не общую стоимость работ, а только нормативную прибыль. Для расчета стоимости работ, на наш взгляд, необходимо сложить себестоимость с результатом произведения себестоимости на нормативный уровень рентабельности. Расчеты же по формулам, приведенным в методике, снижают стоимость работ на порядок.

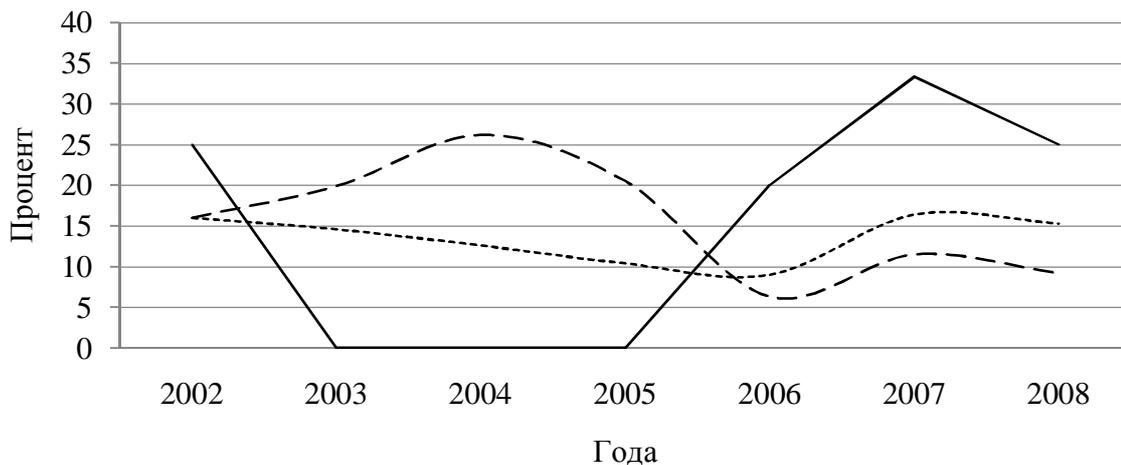

Рис. 2. Динамика темпов изменения индекса потребительских цен, цены на бензин и стоимости проезда в г. Перми, в процентах к предыдущему году (по данным службы государственной статистики и материалам СМИ)

Обращает на себя внимание также и факт наличия жестко закрепленного уровня рентабельности перевозок, определенного в 10%.

При расчете тарифа в данной методике учитываются цены на ГСМ и индекс потребительских цен. На рис. 2 отражены изменения цепных

темпов роста стоимости проезда на общественном транспорте, индекса потребительских цен и стоимости бензина в Пермском крае.

Из рисунка видно, что тариф на поездки в общественном транспорте города не всегда можно объяснить сложившейся экономической конъюнктурой. Иногда повышение тарифов происходило на фоне понижения темпов роста индекса потребительских цен и цен на бензин.

Компенсации за проезд льготных категорий граждан

Компенсации за проезд льготных категорий граждан также вызывают постоянные трения между администрацией и перевозчиками. Толчком к появлению таких противоречий послужил принятый на федеральном уровне закон о монетизации льгот.

В рамках подготовки к реализации данного закона была проведена ревизия списков горожан, имеющих право бесплатного проезда в общественном транспорте по тому или иному основанию. Льготники были разделены на три категории (федеральные, региональные и муниципальные). Государство выделило деньги для компенсации льгот каждому человеку, имеющему права на эти льготы. Однако сумма компенсации не позволяла реализовать старую льготу по новым рыночным правилам (выплаченные деньги покрывали лишь ограниченное количество поездок). Это вызвало многочисленные акции протеста по всей России. Были такие акции и в Перми.

Следует обратить внимание на тот факт, что хотя закон о монетизации касался широкого круга льгот, именно невозможность проезда на общественном транспорте в прежнем объеме вызывала особенно сильные протестные действия. Основными участниками таких акций были пенсионеры, так как именно они являются основными получателями льгот. Жесткое не-

приятие новых правил и размера компенсаций обществом было столь высоко, что федеральные органы власти были вынуждены пойти на некоторые уступки. Фактически результатом реформы стал возврат системы реализации льгот, но в более усложненном варианте. Если раньше льготы реализовывались напрямую (любой пенсионер просто предъявлял в общественном транспорте документ, подтверждающий его статус), то в настоящее время он должен был получить денежную компенсацию этого права, пойти на почту, приобрести специальный проездной документ (СПД) на основе все того же удостоверения пенсионера, а после пользоваться этим проездным в общественном транспорте, предъявляя его совместно с документами, удостоверяющими личность. Организациям-перевозчикам эта система не принесла особых выгод. Единственным плюсом стало лишь снижение общего количества льготников, так как не все из них готовы тратить деньги на покупку специальных проездных документов. Как и при прежней системе, муниципальные органы перераспределяют денежные средства, полученные от продажи специальных проездных документов, среди транспортников. Выплаты по компенсационному возмещению, по мнению перевозчиков, постоянно задерживаются [2], их размер не устраивает перевозчиков [13]. Все это служит дополнительным раздражителем в их взаимоотношениях с администрацией и предметом исков, открытых писем и отказов в обслуживании жителей.

Принятие закона о монетизации льгот послужило неким «спусковым крючком» начала подобных конфликтов. Если федеральная власть столь решительно начала политику либерализации в этой области, то перевозчики решили, что тоже имеют на это право. Примером этого стало поведение отдельных частных

предпринимателей, которые отказываются от обслуживания пассажиров со специальными проездными документами и проездными. Несмотря на все усилия городских властей прекратить подобную практику, эти предприниматели смогли отстоять свое право, дойдя в судебных разбирательствах до Верховного суда РФ [4]. Несколько лет автобусы самовольно открытого маршрута № 99, а позже № 100 обслуживали лишь тех пассажиров, кто оплачивал свой проезд на месте «живыми» деньгами. От перевозчиков это потребовало детальных знаний в юридической области, невероятной настойчивости и способности выдержать давление «административного ресурса». Неоднократно в публичных заявлениях представителей муниципалитета указывалось на то, что работу таких перевозчиков администрация сделает невозможной. В конце концов власти добились своего [1]. Автобусы указанных маршрутов останавливали сотрудники ДПС, им постоянно устраивали проверки различные контролирующие органы и т.д. В результате по состоянию на сентябрь 2009 г. эти маршруты прекратили свое существование.

Давление оказывают и организации перевозчики. Объектами таких действий неизменно оказывались пассажиры, причем пострадавшими могли оказаться как льготники, так и обычные жители города, оплачивающие проезд на общих основаниях. На рис. 2 видно, что несколько лет подряд тариф на оплату проезда в общественном транспорте не менялся городской думой. С точки зрения перевозчиков, это поставило их бизнес на грань разорения. И в 2006 г. они перешли к решительным действиям [5]. Многие частные перевозчики, не дожидаясь очередного решения думы, самостоятельно поднимали тариф. Другим способом выражения своего недовольства сложившейся ситуа-

цией стало фактическое шантажирование льготников. Их довозили до безлюдных участков (лесов, промышленных зон) и вынуждали оплачивать стоимость поездки по тарифу либо насильно выгоняли их автобуса. Объектами таких действий становились и пожилые люди, и школьники, пользующиеся льготными проездными.

Все эти действия привели к организации митингов и пикетов. Основной движущей силой данного движения стали студенты. Причина этого заключается в том, что в отличие от специальных проездных документов (СПД), выдаваемых пенсионерам и другим категориям граждан по социальным основаниям, проездные для студентов и школьников были в свое время введены по инициативе городских властей. Позже возникла идея отказаться от этой практики и вообще лишить студентов и школьников права на льготный проезд с помощью проездного. В результате проведения нескольких акций протеста студентами перед зданием администрации города руководители департамента дорог и транспорта вступили в диалог со студентами [6]. Однако, по мнению активистов организации «Студенческая защита», реального взаимодействия с администрацией ей добиться удалось лишь частично. Хотя студенческие проездные не были отменены, вопрос об их упразднении решили лишь отложить на некоторое время. Студенты низко оценили качество взаимодействия с представителями администрации. Неоднократные попытки активистов получить доступ к договорам между муниципалитетом и перевозчиками, разобраться в принципах и порядке перечисления компенсаций за льготников не увенчались успехом. Администрация попросту не представила им этих документов. Попытка организации комиссии по спорам для обсуждения возникших разногласий была сорва-

на. Здесь уже перевозчики проигнорировали возможность налаживания конструктивного диалога. Таким образом, и администрация города, и перевозчики оказались не готовы к открытому и цивилизованному диалогу со студентами. Отдельного внимания заслуживает эпизод, связанный с тем, что во время организации митингов к студентам обратился представитель перевозчиков и предложил свою помощь организационного характера (распечатать листовки, плакаты и т.д.). Выяснить, кто конкретно стоял за этим неназванным представителем, не удалось. Очевидно, что попытки сотрудничества противоборствующих сторон (перевозчиков с активистами от студенческих организаций) можно объяснить тем, что взаимодействие мелких перевозчиков один на один с администрацией не позволяет и им отстоять свою точку зрения. А крупные перевозчики считают более эффективными либо кулуарные договоренности, либо протестные действия, направленные против населения.

Последние события

К середине сентября 2009 г. ситуация в городе значительно обострилась. Четыре крупнейших объединения частных перевозчиков уведомили администрацию города о том, что с 18 сентября 2009 г. они прекращают перевозки. Такое решение они мотивировали невозможностью работать на условиях, диктуемых администрацией города. Эти события разворачивались в тот период, когда администрация хотела реализовать систему конкурсного распределения маршрутов. Конкурсное распределение стало лишь одним из элементов более масштабного изменения правил работы. Так, администрация решила, что один маршрут должен обслуживать только один перевозчик, а в стандартный договор о перевозках включался сложный механизм оценки качества предоставляемых услуг и тре-

бования к обновлению подвижного состава. Именно от выполнения указанных условий должна теперь зависеть величина компенсаций за оплату льготных категорий граждан. Кроме того, предполагалось, что перевозчики должны были заплатить определенную сумму в бюджет города за право перевозить пассажиров.

Ясно, что одновременное введение этих требований параллельно с реализацией конкурсной процедуры было тактически необоснованным. В результате перевозчики поставили перед администрацией ультиматум: либо заключение договоров по предложенному ими проекту, либо жизнь города замрет из-за не выхода на линию сотен автобусов [14].

Незадолго перед 18 сентября администрация выступила с официальным обращением к жителям города. Его стиль и содержание сильно отличался от официальных документов. В нем часть перевозчиков была названа кучкой шантажистов. Было объявлено, что для срыва забастовки будут привлечены автобусы из Ижевска и Челябинска, а также увеличено число троллейбусов и трамваев, работающих в рамках муниципального предприятия. Другим направлением борьбы стали прямые переговоры с отдельными перевозчиками в обход официальных объединенных структур. Многие перевозчики, не выдержав давления или надеясь получить преференции при распределении маршрутов, пошли на заключение договоров с администрацией, и оппозиция практически распалась. Привлеченные из других регионов транспортники перевозили пассажиров зачастую вообще бесплатно. Очевидно, что такая акция стоила для бюджета города немалых денег, но и результат этих действий привел к еще большему укреплению позиции администрации. Объединительные структуры перевозчиков, возникшие для эффективного отстаивания

интересов транспортников, продемонстрировали свою беспомощность. Первоначальный оппозиционный запал быстро прошел, и рядовые члены таких организаций, как «АвтоЛикон», «Единый союз перевозчиков», «АвтоАльянс» и «АвтоЛидер», начали борьбу уже друг с другом. Что касается первоначальных инициатив администрации по поводу введения конкурсного распределения маршрутов и других нововведений, то реализованными оказались лишь некоторые элементы реформы (принцип один перевозчик — один маршрут). От конкурсов же вновь отказались. После описанных событий произошел значительный передел рынка и некоторые кадровые перестановки в некоммерческих партнерствах перевозчиков. Главным аутсайдером стало НП «АвтоЛикон», члены которого потеряли большую часть маршрутов. Автобусы, принадлежащие членам партнерства, стоят. Возможна их продажа или передача в аренду другим, более «удачливым» предпринимателями и организациям. Некоторые перевозчики решили уйти с рынка, поскольку у них нет практически никакой возможности заключить договоры с администрацией даже на ее условиях. Чиновники просто отказываются с ними работать, из-за того что они участвовали в попытке организации забастовки. И это при том, что объективно количество автобусов на маршрутах города ощутимо сократилось. В часы пик перерывы между автобусами стали достигать 30 мин. Другие участники рынка, такие как «Единый союз перевозчиков», напротив, укрепили свои позиции. Не остались в проигрыше и владельцы бывших маршрутов 99 и 100. Судя по сообщениям, в обмен на прекращение их работы администрация отдала в их распоряжение одни из самых выгодных маршрутов — 1 и 68.

Безусловно, последние события стали наиболее значительной победой администрации над перевозчиками. Лагерь оппозиционеров разобщен. Одна из основных площадок для свободного выражения мнений о происходящих событиях — сайт некоммерческого партнерства «АвтоЛикон» — закрыт по неизвестным причинам. Однако вовсе не очевидно, что от этой победы администрации получают какую-то пользу конечные потребители услуг перевозчиков — жители г. Перми.

Характеристика процесса взаимодействия

Изучая сложившийся процесс взаимодействия заинтересованных сторон, следует обратить внимание на однонаправленность коммуникации. Муниципальная власть определяет правила игры и вынуждает перевозчиков действовать по этим правилам. Первозчики практически нечего не могут противопоставить администрации. Их отношение к инициативам властных органов оказывает лишь несущественное влияние на позицию чиновников. С другой стороны, жители гораздо сильнее зависят от организаций-первозчиков, чем администрация. Этим и пользуются предприниматели, то отказываясь возить льготников, то самовольно увеличивая стоимость проезда. У общества нет возможности воздействовать на перевозчиков напрямую. Единственной стороной, которой они могут выразить свой протест или недовольство, является администрация (рис. 3).

Условием повышения эффективности выражения своей позиции как со стороны перевозчиков, так и со стороны жителей является концентрация их усилий. Необходимо достижение некой «критической массы» накопленного недовольства, чтобы стало возможным объединение усилий перевозчиков-конкурентов между собой для согласованных, не всегда законных действий. Жителям города также слож-

но выразить свое недовольство ситуацией в адрес администрации города. Для организации пикета или митинга необходимо собрать массу людей, убедить их прийти в одно и то же время, получить разрешение администрации и т.д. Организационные трудности для выражения

согласованного мнения перевозчиков и жителей активно используются администрацией.

С точки зрения эффективности и возможности безконфликтного разрешения возникающих проблем более продуктивным представляется открытый диалог между всеми участниками процесса (см. рис. 3).

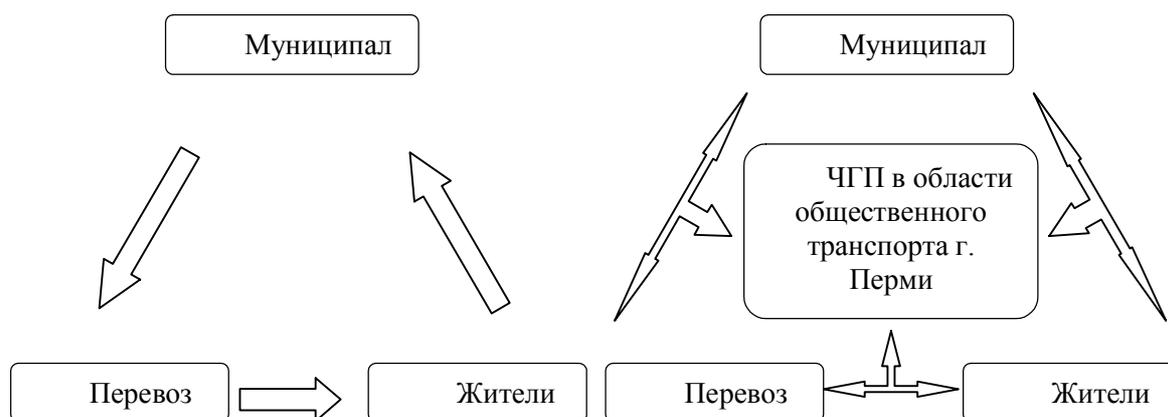

Рис. 3. Оптимальное и «одностороннее» взаимодействие заинтересованных сторон ЧТП в сфере общественного транспорта

Механизмы урегулирования конфликтов

Штатных механизмов урегулирования конфликтов, возникающих между организациями-исполнителями и органами местного самоуправления или потребителями услуг (жителями), не предусмотрено.

Вопросы выполнения/невыполнения договорных обязательств частными перевозчиками разрешаются в рамках арбитражного судебного производства. Частные перевозчики имеют формальные отношения с департаментом дорог и транспорта, МУП «Горпассажиртранс», а в рамках двусторонних договоров и с управлением государственного автодорожного надзора в связи с получением у него лицензии. Досудебные процедуры урегулирования споров не предусмотрены.

В целом можно отметить, что перевозчики редко прибегают к помощи судебных органов при решении конфликтных ситуаций. Исключением из этого правила являются отдельные

перевозчики (ООО «Эдельвейс»), которые сознательно решились на долгий и непростой процесс отстаивания своих прав в судах. Чаще стороны (как перевозчики, так и администрация) используют угрозу судебного разбирательства как одну из форм воздействия на оппонента.

С формированием некоммерческих партнерств перевозчиков судебные разбирательства чаще инициируются именно этими объединениями, а не отдельными перевозчиками.

В перспективе с переходом к конкурсной процедуре выбора частных перевозчиков станет доступным механизм урегулирования споров при подаче жалоб в Федеральную антимонопольную службу.

Для обсуждения конфликтной ситуации с отменой студенческих и школьных проездных по инициативе протестующих потребителей услуги (студентов) была созвана согласительная комиссия. Однако механизм ее действия и полномочия не описаны ни в одном норматив-

ном документе. По-видимому, работа этой комиссии напоминала порядок приема граждан чиновниками городской администрации в несколько расширенном формате. На встречах, которые проводились лишь дважды, присутствовали представители общественной организации студентов «Студенческая защита» и представители администрации (заместитель главы администрации Перми Н.Г. Кочурова, председатель департамента дорог и транспорта И. Сасунов). Несмотря на приглашение, частные перевозчики проигнорировали возможность обсуждения проблем отрасли за круглым столом. Из 150 частных перевозчиков на одну из встреч явился некий представитель транспортников, отказавшись назвать свою фамилию или организацию, которую представляет.

Из анализа интервью с участниками ЧТП в области транспорта можно сделать вывод о том, что стороны возникающих конфликтов не склонны к конструктивному диалогу. Следуют взаимные обвинения в безкультурии, экономической неграмотности, нежелании осознавать ответственность перед потребителями, сознательном запутывании, усложнении, формировании непрозрачных отношений.

Еще одной формой мониторинга и урегулирования конфликтных ситуаций является «горячая линия» департамента дорог и транспорта, предназначенная для оперативного приема жалоб от потребителей услуги. Однако ее двухсторонний характер (связь между потребителями и надзорными органами) не позволяет рассматривать ее как эффективный механизм урегулирования конфликтов, так как исключает из обсуждения третью сторону: частных перевозчиков.

Выходом из сложившегося положения могло бы стать активное, демократичное обсуждение возникающих проблем в рамках преду-

смотренных для этого органов: профильными комитетами городской думы, на парламентских слушаниях по проблемам транспорта и т.д. Формирование специального трехстороннего органа для решения проблем городского общественного транспорта представляется излишним.

* * *

На наш взгляд, в настоящее время не создано условий для эффективного развития данной отрасли. Несмотря на все действия заинтересованных сторон, отсутствуют условия для инвестирования частных средств в основные фонды. Автобусный парк стремительно стареет. Большая часть автобусов, выходящих на линии города, куплены как подержанные за рубежом. Для прохождения технического осмотра некоторые владельцы автобусов или перекупщики перебивают номера агрегатов с целью уменьшения их возраста по документам. Часть машин работает, что называется, «на последнем дыхании». Владельцы автобусов, с которыми мы проводили интервью, прямо говорили о том, что заниматься ремонтом подвижного состава им невыгодно. Легче сейчас заработать по максимуму, выбросить автобусы на свалку и заняться другим бизнесом. Не менее важной проблемой является дефицит квалифицированных водителей. В городе мало мест, где готовят водителей, имеющих категорию водительских прав, необходимую для перевозки людей. Уже нанятые сотрудники перерабатывают, не соблюдая необходимого режима труда и отдыха. Все это говорит о том, что необходимо предпринимать срочные меры либо по либерализации рынка частных перевозок, либо по возвращению к системе муниципальных перевозок (на чем неоднократно настаивали участники митингов и пикетов у стен администрации). Действия администрации не оставляют сомне-

ний в том, что муниципальных перевозок в Перми не будет. Но, как ни печально это признавать, и либерализации рынка перевозок, скорее всего, не произойдет. Существующая система, на наш взгляд, будет сохраняться. Количество перевозчиков, вероятно, будет сознательно сокращаться силами администрации. А затем, возможно, будут заключены многолетние концессионные соглашения с избранными организациями. Это, безусловно, сделает систему перевозок более стабильной, однако речи о конкуренции, борьбе за качество и потребителей, возможности снижения тарифов уже не будет.

Плачевное состояние автобусного парка, его аварийность, низкое качество оказываемых услуг, конфликты — все это свидетельствует о наличии серьезных стратегических и тактических просчетов, допущенных при реформировании отрасли. На наш взгляд, основную ответственность за это положение несут муниципальные органы власти (и администрация города, и городская дума). Непоследовательность и непрозрачность процесса распределения маршрутов среди перевозчиков, отсутствие эффективных механизмов контроля, задержки по выплате компенсаций за провоз льготных категорий граждан, неналаженная схема обсуждения проблем и выработки предложений привели к тому, что силовые и нецивилизованные формы решения конфликтных ситуаций между администрацией, перевозчиками и жителями стали нормой. Следует признать, что уничтожение муниципального автобусного хозяйства было серьезной ошибкой.

Основная цель ЧГП заключается в улучшении качества оказываемых услуг. К сожалению, можно констатировать, что ЧГП в области функционирования общественного транспорта не достигло поставленной цели.

Однако не стоит считать, что все проблемы связаны с самой идеей ЧГП. На примере Перми видно, что ключевое значение имеет механизм реализации этой идеи. Сформировавшаяся к настоящему времени ситуация в области перевозок общественным транспортом формально может быть определена как ЧГП. По сути же это неэффективная и непрозрачная реализация важнейшего для города инфраструктурного механизма.

Список литературы

1. Автобусы маршрута № 100 эвакуируют за нарушение закона. URL: <http://www.dkvartal.ru/perm/news/490851> (дата обращения: 15.12.2009).
2. Алексей Храпков пообещал погасить 3-миллионную задолженность бюджета перед перевозчиками. URL: http://www.nk.perm.ru/news.php?news_id=10669 (дата обращения: 15.12.2009).
3. Аркадий Каменев получил 1,5 года условно. URL: <http://perm.rfn.ru/rnews.html?id=28541&tid=1205> (дата обращения: 15.12.2009).
4. Верховный суд РФ оставил без удовлетворения жалобу пермской компании-перевозчика «Эдельвейс» на действия краевого суда. URL: <http://www.business-class.su/news.php?id=8488> (дата обращения: 15.12.2009).
5. Захаров А. Назад к муниципальному транспорту? URL: http://www.nk.perm.ru/articles.php?newspaper_id=608&article_id=16603 (дата обращения: 15.12.2009).
6. Защитим наш проездной — студ. защита. URL: <http://vkontakte.ru/club1020210> (дата обращения: 15.12.2009).
7. Конкурс по распределению автобусных маршрутов запланирован на ноябрь. URL: <http://news.properm.ru/text.php?NewsID=12290> (дата обращения: 15.1.2009).
8. Конкурс по распределению маршрутов. URL: http://www.gorodperm.ru/economic/city-services/transport_gh/transport_projects/ (дата обращения: 15.12.2009).
9. Концепция организации и развития городского пассажирского транспорта общего пользования г. Перми на 2005–2008 годы. URL:

- <http://duma.perm.ru/upload/files/f196.rtf> (дата обращения: 15.12.2009).
10. Пермские автотранспортники требуют восстановить муниципальный транспорт. URL: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=4343BEDE3AFA8> (дата обращения: 15.12.2009).
 11. Порядок формирования тарифов на регулярные перевозки пассажиров и багажа автомобильным и городским электрическим транспортом на поселенческих и межмуниципальных маршрутах городского и пригородного сообщений. URL: <http://duma.perm.ru/upload/files/f2413.rar> (дата обращения: 15.12.2009).
 12. Проект концепции развития общественного транспорта в Перми на 2010–2015 годы предполагает развитие сети электротранспорта в отдаленных районах города. URL: <http://duma.perm.ru/upload/files/f196.rtf> (дата обращения: 15.12.2009 г.).
 13. Свизева В. Мэрия защитила легальную «сотку». URL: <http://59.ru/newslines/2009/05/26/> (дата обращения: 15.12.2009).
 14. Соколова Т., Радкевич Н. Транспортная война. URL: <http://www.permoboz.ru/txt.php?n=7053> (дата обращения: 15.12.2009).
 15. Штырин А., Мальцева А. Хроника смуты в Пермских автопарках. URL: http://www.alpha.perm.ru/sosedi/gazeta/14_2004.html (дата обращения: 15.12.2009).
-

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN PUBLIC TRANSPORT. PERM EXPERIENCE

К.А. Petoukhov

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

This paper gives an overview of the implantation of the public-privet partnership (PPP) in Perm. Particular attention is paid to the interaction of actors. Was described the conflicts arising in the course of such interaction. Using findings of the previous qualitative research, this paper highlights the problems of PPP development on a municipal level.

Keywords: public private partnership (PPP); public transport; interaction scheme; administration; carriers.

УДК 316.334.22

ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА РАБОЧИХ****И.А. Германов***

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, Букирева, 15

e-mail: germanov1973@yandex.ru

Предпринята попытка выявить факторы, определяющие склонность рабочих к коллективным протестным действиям. Результаты, полученные в ходе эмпирического исследования персонала металлургических предприятий, свидетельствуют о значимом влиянии таких характеристик, как игнорирование работодателем интересов работников, несправедливость оплаты труда и оценка предполагаемой эффективности тех или иных форм протеста.

Ключевые слова: социальный протест; рабочее движение; коллективные действия работников; забастовка.

Экономические и политические преобразования, происходящие в России на протяжении последних двух десятилетий, существенно повлияли на положение рабочих не только на предприятиях, но и в обществе в целом. Характеризуя процесс изменения социального статуса этой группы, исследователи отмечают кризисное положение рабочих в сфере занятости, низкий уровень оплаты и ухудшение условий их труда, развал системы повышения квалификации и профессионального роста, широкое распространение нарушений социально-трудовых прав [4]. Негативные изменения происходят и в субъективной сфере: растет неудовлетворенность рабочих своим положением, усиливается неуверенность в будущем, широко распространена социально-психологическая подавленность.

Результаты проведенных ранее исследований показывают, что ухудшение положения данной социальной группы не привело к широкомасштабному росту классового сознания, к подъему рабочего движения, активизации протестного поведения, т.е. не вызвало реакции, направленной на восстановление утраченного ими статуса. Доминирующей стратегией адаптации рабочих к изменившимся условиям остается ориентация на патернализм, неформальные связи и отношения на производстве [1].

Однако в последние годы сложились некоторые предпосылки к изменению сложившейся ситуации. Произошла стабилизация экономического положения предприятий и связанное с ней повышение ожиданий у наемных работников. Развитие транснациональных корпораций в России дает возможность сравнения с усло-

© Германов И.А., 2010

* Публикация подготовлена в рамках проекта, финансируемого Российским гуманитарным научным фондом «Протестный потенциал рабочих промышленных предприятий современной России» (грант № 09-03-00206 а)

виями и размером оплаты труда в других странах. Благодаря укреплению связей между российскими и зарубежными профсоюзами происходит трансляция международного опыта борьбы за трудовые права. В последние годы отмечено несколько примеров успешных коллективных действий работников по защите своих социально-трудовых интересов. Намечился ряд качественных изменений в социальном протесте работников: расширяются условия и ситуации возникновения коллективных действий, появляются новые цели и требования, изменяются формы организации протеста [2].

В этой связи большой интерес представляют вопросы о дальнейших перспективах подъема социального протеста работников, а также о причинах, обуславливающих их активизацию. Особенно актуальным изучение данных вопросов становится в период масштабного экономического кризиса, оказывающего негативное влияние на положение рабочих.

Целью данной статьи является определение факторов, формирующих предрасположенность рабочих к участию в акциях против работодателя. Наше внимание акцентировано на действиях работников, направленных на изменение условий труда (в широком смысле) и принимающих форму открытого протеста: подача петиций и жалоб, проведение публичных акций, обструкции и забастовки.

Гипотезы исследования

В отечественной литературе существует ряд работ, в рамках нашей темы, авторы которых нацелены на изучение структурных факторов макроуровня: безработица, невыплаты заработной платы, сокращение реальных доходов занятого населения и пр. [3; 7 и др.]. Однако при таком подходе остается неясным, при каких условиях работники включаются в протестные действия с целью достижения своих интересов.

Почему при схожем социальном положении одни прилагают большие усилия для изменения ситуации, а другие остаются пассивными.

При построении гипотез нашего исследования мы обратились к некоторым положениям мобилизационных теорий, разрабатываемых зарубежными исследователями, касающихся предпосылок коллективных действий работников.

Начальным этапом коллективного действия является осознание индивидами общих интересов и противопоставление их интересам иных групп [12]. В нашем случае процесс формирования солидарного сознания включает в себя «чувствование» рабочими особенности своих интересов и отделение их от интересов групп, с которыми они себя не идентифицируют (менеджеры, собственники). В том случае, если рабочие не удовлетворены своим положением и возлагают ответственность за него на работодателя, возможно возникновение открытых проявлений недовольства и враждебности, которые могут вылиться в протестные действия. Таким образом, мы предполагаем, что предрасположенность к участию в акциях протеста будет выше у тех работников, которые отличают свои интересы от интересов работодателя (гипотеза 1).

Солидарность работников с групповыми интересами может возникать на почве ощущения несправедливости, допускаемой по отношению к ним на рабочем месте [11]. В первую очередь это касается уровня оплаты труда, а также принятых в организации процедур его оценки. Хотя ощущение несправедливости может вызвать разнообразные реакции со стороны работников, включая увольнение из организации, снижение трудовой активности и дисциплины, оно является одним из факторов, обуславливающих возникновение открытого про-

теста, в частности забастовок [10]. Таким образом, решения об участии в протестных действиях следует ожидать от тех работников, которые считают, что работодатель не оценивает должным образом их трудовые усилия (гипотеза 2).

На установки работников оказывают влияние существующие в организации процедуры принятия решений. Вероятность протеста выше там, где интересы работников игнорируются. Американские исследователи установили, что если принятие решений происходит в одностороннем порядке, и только в интересах работодателя, работники могут проявлять негативные и враждебные реакции [9]. Поэтому мы ожидаем большей включенности в протестные действия от рабочих, которые полагают, что при принятии решений не учитываются их интересы (гипотеза 3а). Там, где работники имеют возможность выразить свое мнение и высказывать свои жалобы, вероятность конфликта, напротив, меньше [12]. Следовательно, протестная активность находится в зависимости от оценивания характера коммуникации между работниками и менеджментом. Наличие возможности высказывать свое мнение снижает готовность к протесту, а ее отсутствие — напротив, повышает (гипотеза 3б).

Решение примкнуть к акции протеста может быть связано с представлениями рабочих об эффективности коллективных действий как средства восстановления справедливости [8]. Таким образом, следует ожидать, что работники, которые признают эффективность коллективных действий в защите своих интересов, с большей вероятностью будут вовлечены в протестные акции (гипотеза 4а). Кроме того, включенность в протест, как мы полагаем, будет зависеть от оценки эффективности его конкретных форм (гипотеза 4б).

В качестве контрольных переменных использовались: пол, возраст, положение по отношению к профсоюзной организации, а также материальный статус семьи. Мы ожидали большей вовлеченности в протестные действия от мужчин, профсоюзных активистов и людей с относительно низкими доходами.

Методика исследования

В нашей работе мы опирались на эмпирические материалы, собранные в апреле — июне 2009 г. на трех предприятиях металлургической отрасли, расположенных в городах Пермского края¹. Все три предприятия относятся к крупным, два из них предоставляют рабочие места основной части занятого населения городов, в которых они расположены. Объектом исследования выступили рабочие. Соотношение численности генеральной и выборочной совокупностей представлено в табл. 1. Используемый метод — анкетный опрос. Поскольку исследователям не удалось получить непосредственного доступа на предприятия для организации опроса, анкеты распространялись через профсоюзных активистов и заполнялись респондентами на рабочих местах. Соответственно, строгие принципы отбора участников опроса не могли быть соблюдены. Способ формирования выборки относится к стихийному отбору, поэтому величина выборочной ошибки не приводится.

¹ Эмпирический материал собран сотрудниками Пермского центра социального партнерства и социологических исследований ПГУ.

Таблица 1. Численность генеральной и выборочной совокупности на обследованных предприятиях

Показатель	Наименование предприятия (условное)			Всего
	Металлург 1	Металлург 2	Металлург 3	
Численность рабочих	3788	2605	4368	10761
Число распространенных анкет	250	200	250	700
Численность опрошенных	212	176	182	570

Измерение

Для оценки значений зависимых переменных, отражающих готовность рабочих к протесту, использовался прямой вопрос: «Если на Вашем предприятии начнутся коллективные выступления работников, в каких из перечисленных ниже действиях Вы бы лично приняли участие?», который предусматривал для респондента выбор (скорее приму участие, скорее не приму участие, затрудняюсь ответить) по каждому из шести вариантов протестных акций.

Измерение независимых переменных проводилось с помощью пятичленных шкал типа лайкертовских. Респондентам была предложена серия высказываний, реакция на которые формировала значения предполагаемых детерминант (схема). В дальнейшем независимые переменные были приведены к дихотомическому виду, при этом единицей кодировалось высокое значение фактора (варианты ответа «да, согласен», «пожалуй, согласен») ¹, а нулем — низкое (три оставшихся варианта ответа).

Схема измерения независимых переменных

Независимая переменная	Высказывание
Обособление групповых интересов	<i>У нас сейчас так: у работников свои интересы, у начальства — свои</i>

¹ Высказывания о справедливости оплаты труда были преобразованы. К коду «1» были отнесены ответы «пожалуй, не согласен», «не согласен», к коду «0» — «согласен», «пожалуй, согласен», «трудно сказать».

Несправедливость оплаты труда	<i>Я получаю справедливую заработную плату, которая соответствует затраченным мною усилиям</i>
Игнорирование интересов работодателем	<i>Проблемы работников начальству безразличны, делают что хотят</i>
Отсутствие возможности высказать свое мнение	<i>На нашем предприятии работники в основном помалкивают, каждый боится за себя</i>
Ориентация на коллективные формы защиты интересов	<i>Только объединившись, рабочие могут защитить свои права на производстве</i>

Отношение рабочих к различным протестным акциям измерялось с помощью вопроса об их результативности (Для защиты своих законных прав и интересов работники предприятий используют различные способы. Как Вы считаете, насколько эффективными или неэффективными являются следующие действия работников?). Участникам опроса было предложено высказать свое мнение (скорее эффективно, скорее не эффективно, затрудняюсь ответить) по каждому из шести видов протестных действий.

Отношение к активу профсоюзной организации кодировалось значением «1»; рядовым членам профсоюза, а также рабочим, не состоящим в профсоюзе, было присвоено значение «0». Для оценки материального статуса респондентам были заданы вопросы о совокупном доходе и составе семьи.

Таблица 2. Декларируемая готовность к участию в протестных действиях (доля от числа опрошенных, %)*

Вид протестных действий	Наименование предприятия			Всего n=570
	Металлург 1 n=212	Металлург 2 n=176	Металлург 3 n=182	
Подача писем, жалоб	44,3	45,5	36,3	42,1
Проведение митингов, демонстраций, пикетирования	44,8	46,0	39,6	43,5
Обструкция	32,5	33,5	28,0	31,4
Забастовка	33,0	34,1	30,8	32,6
Голодовка	9,0	12,5	7,1	9,5
Блокирование транспортных магистралей	11,3	17,6	13,2	13,9
Итого	174,9	189,2	155,0	173,0

* Суммы по столбцу превышают 100%, т.к. респонденты могли указать готовность к участию в нескольких формах протестных действий.

Результаты

Исследование выявило довольно высокий уровень декларируемой готовности рабочих к различным формам протестных действий. В акциях, направленных против работодателя на их предприятии, выражают желание участвовать от 10 до 44% опрошенных. Вполне ожидаемо, что радикальные способы борьбы за свои права (голодовки, блокирование транспортных магистралей) пользуются меньшей поддержкой среди рабочих в сравнении с менее конфликтными методами (подача писем, жалоб, проведение митингов, демонстраций). Существенных отклонений в ответах респондентов на предприятиях обнаружено не было (табл. 2). Стоит отметить лишь относительно низкую готовность работников Metallurg 3 к подаче писем и жалоб в различные инстанции.

Для определения факторов, оказывающих влияние на желание рабочих принять участие в протестных действиях, был использован метод логистической регрессии. Было построено шесть моделей (по числу анализируемых видов протеста), каждая из которых оказалась достоверной.

Результаты анализа показывают (табл. 3),

что важной детерминантой участия рабочих в протестных действиях является оценка предполагаемой эффективности их конкретной формы. Наличие уверенности в том, что акция не приведет к положительному итогу, уменьшает готовность рабочего примкнуть к ней на 81–96%¹. Этот вывод соотносится с гипотезой 4б. В то же время ориентация на коллективные формы борьбы за свои интересы оказала значимое влияние лишь на решение рабочих относительно участия в пикетах и демонстрациях (увеличение шансов к участию на 30%). Таким образом, гипотеза 4а подтвердилась только частично.

¹ Изменение отношения шансов готовности /неготовности принять участие в акции протеста определялось по формуле $(Exp. B - 1) * 100\%$.

Таблица 3. Параметры логистических уравнений

Переменная — предиктор	Готовность к участию в коллективных протестных действиях											
	Петиции / жалобы		Пикеты / Демонстрации		Обструкция		Забастовка		Голодовка		Блокирование транспортных магистралей	
Количество наблюдений (n)	242		271		221		258		263		249	
	В	Exp. В	В	Exp. В	В	Exp. В	В	Exp. В	В	Exp. В	В	Exp. В
Обособление групповых интересов	0,0		0,263		0,118		0,669		0,096		0,02	
Несправедливость оплаты труда	1,769***	5,9	0,741		0,493		1,098**	2,997	0,001		0,086	
Игнорирование интересов рабочих работодателем	1,004***	2,7	1,067***	2,907	1,094**	2,985	0,86**	2,362	0,884*	2,42	1,92	
Отсутствие возможности высказать свое мнение	1,099		0,533		0,076		0,630		1,659		0,225	
Ориентация на коллективные формы защиты интересов	0,182		0,853*	2,348	1,025		1,433		1,429		0,696	
Оценка эффективности протестного действия	-2,683***	0,068	-1,651***	0,192	-2,553***	0,078	-2,496***	0,082	-2,449***	0,086	-3,187**	0,041
Материальное положение семьи	2,681		1,006		2,811		0,866		0,531		1,691	
Пол	0,770*	2,16	0,603		-0,912**	0,402	-0,800*	0,449	0,015		1,88	
Профсоюзный статус	0,270		0,915**	2,497	0,126		0,083		3,314		0,013	
Константа уравнения	2,356**		1,672*		4,776***		3,873		1,698**		3,691***	
<i>Параметры качества моделей</i>												
Отрицательный удвоенный логарифм функции правдоподобия	228,265		296,402		217,144		257,958		173,627		183,780	
Доля верных предсказаний	76,9%		73,8%		77,8%		76,4%		85,6%		83,9%	
Псевдо-R ² Кокса — Снелла	0,269		0,209		0,321		0,312		0,164		0,300	
Псевдо-R ² Найджелкерка	0,377		0,284		0,430		0,418		0,289		0,451	
Тест	Chi-квадрат		1,774		6,462		6,250		1,695		0,137	
Хосмера–	Число степеней свободы		7		7		6		7		2	
Лемешева	Значимость		0,971		0,487		0,396		0,975		0,934	

Примечания: *** Значимость по коэф. Вальда на уровне $p < 0,001$; ** Значимость на уровне $p < 0,01$; * Значимость на уровне $p < 0,05$

Склонность рабочих к протестным действиям обусловлена также осознанием игнорирования работодателем их интересов при принятии решений. Этот результат, являющийся подтверждением гипотезы 3а, мы наблюдали во всех моделях, за исключением той, где в качестве зависимой переменной использовалась готовность к блокированию транспортных магистралей. О силе влияния рассматриваемого фактора можно судить по тому, что признание безразличия менеджеров к проблемам работников повышает шансы вовлеченности в протест почти в два раза. Согласно результатам регрессионного анализа отсутствие у рабочего возможности высказать свое мнение никак не сказывается на его отношении к протестным действиям, что свидетельствует о недостоверности гипотезы 3б.

Влияние ощущения несправедливости в оплате труда прослеживается лишь в отношении двух форм протеста: подачи петиций, жалоб (увеличение шансов участия почти в пять раз) и забастовки (рост шансов в три раза). Готовность примкнуть к другим видам акций не зависит от того, считают ли рабочие работодателя объективным при оценке их трудовых усилий. Таким образом, мы видим лишь частичное подтверждение гипотезы 2.

Несостоятельной оказалась также гипотеза о влиянии на склонность рабочих к протесту такого фактора, как обособление групповых интересов от интересов работодателя. Во всех моделях значимость коэффициентов регрессии по данному фактору превысила допустимые значения. Вероятно, это может быть связано с тем, что рабочие не склонны возлагать ответственность за свое положение на работодателя. Влияние средств массовой информации и коммуникаций внутри предприятия могло привести к закреплению в сознании рабочих убеждения в

том, что причины их бедственного состояния лежат за рамками ответственности собственников и менеджеров. Однако имеющегося эмпирического материала для проверки данного предположения оказалось недостаточно.

Исследование влияния контрольных переменных также дало интересные результаты. Мы нашли еще одно подтверждение ранее установленному факту: объективно низкие доходы работников не являются катализатором рабочего протеста.

Принадлежность к профсоюзному активу имеет ограниченный мобилизационный потенциал. Фактически положение работника по отношению к профсоюзной организации имеет значение лишь при одной форме коллективного протеста — проведении митингов, демонстраций, пикетирования, т.е. традиционных действиях российских профсоюзов. Отношение вероятностей участия в данном виде протеста у активистов на 8% выше, чем у других рабочих.

Очевидны различия у мужчин и женщин в выборе стратегии давления на работодателя. Первые склонны к более радикальным и конфликтным формам коллективных действий (обструкция, забастовка), вторые — к менее острым способам (подача петиций, жалоб, проведение митингов, демонстраций, пикетов).

Список литературы

1. Архив исследований ВЦИОМ:
http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=16&q_id=1328&date=15.04.2004;
http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=29&q_id=2487&date=07.07.2005;
http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=258&q_id=20973&date=22.04.2007.
2. Германов И. Самоорганизация работников и протестная активность / Профсоюзы на российских предприятиях: возможности ребрендинга. М.: ИСИТО, 2009. С. 97–115.
3. Козлова Т.З. Солидаризация в рабочей среде как реакция на социально-экономические условия кризисного периода / Солидаризация в рабочей

- среде: социальное и индивидуальное / Институт социологии РАН. М., 1998. С. 36–49.
4. Максимов Б.И. Рабочие в период реформ: положение, ориентации, коллективные действия // Мир России. 2002. № 3. С. 96 — 121.
 5. Потенциал протеста в марте 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2009030602.html> [дата обращения: 02.04.2009].
 6. Россияне о забастовках [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2008120800.html> [дата обращения: 02.04.2009].
 7. Стребков Д.О. Экономические детерминанты протестного поведения населения России // Экономическая социология. 2000. Т. 1, № 1. С. 48–66.
 8. Barling J., Fullagar C., Kelloway E.K. The Union and Its Members: A Psychological Approach. New York: Oxford University Press, 1992.
 9. Folger R., Cropanzano R. Organizational Justice and Human Resource Management. Thousand Oaks, CA: Sage. 1998.
 10. Hyman R. Strikes. Houndmills: Macmillan. 1989. Цит. по: Buttigieg D.M., Deery S.J., Iverson R.D. Union Mobilization: A Consideration of the Factors Affecting the Willingness of Union Members to Take Industrial Action // British Journal of Industrial Relations. 2008. Vol. 46, № 2. P. 248–267.
 11. Kelly J. Rethinking Industrial Relations: Mobilization, Collectivism and Long Waves. London: Routledge, 1998.
 12. Klandermans B. Mobilization and participation in trade union action: a value expectancy approach // Journal of Occupational Psychology. 1984. № 57 (2). P. 107–120.
 13. Lind E.A., Tyler T.R. The Social Psychology of Procedural Justice. New York: Plenum. 1988. Цит. по: Buttigieg D.M., Deery S.J., Iverson R.D. Union Mobilization: A Consideration of the Factors Affecting the Willingness of Union Members to Take Industrial Action // British Journal of Industrial Relations. 2008. Vol. 46, № 2. P. 248–267.

THE DETERMINANTS OF WORKER'S SOCIAL PROTEST

I.A. Germanov

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

This article seeks to identify the factors that shape the willingness of workers to take industrial action. The study utilized data from a survey carried out in a three metallurgical enterprises. The results suggested that individuals were more willing to engage in industrial action when they experienced a sense of injustice in remuneration of labour. Moreover, their propensity to take industrial action was greater when they considered that their employer has ignored their interests and if they are believed that industrial action will be successful.

Keywords: social protest; labour movement; collective action; industrial action.

УДК 331.109

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ СОВМЕСТНЫХ ПРОЕКТОВ БИЗНЕСА, ВЛАСТИ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ*

Е.Б. Плотникова, И.А. Германов

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, Букирева, 15
e-mail: soccntr@psu.ru

Рассматриваются этапы институционализации, формы и виды межсекторного взаимодействия (МСВ) в западных странах. Выделенные основные критерии (цель взаимодействия и степень гомогенности взаимодействующих субъектов) позволили авторам статьи классифицировать модели МСВ. Важным с точки зрения практики и распространения опыта МСВ стал анализ правовых норм межсекторного взаимодействия международного и национального уровней.

Ключевые слова: межсекторное взаимодействие; частная финансовая инициатива; частно-государственное партнерство; институционализация; модель партнерских отношений.

Межсекторным называется взаимодействие (далее — МСВ) между организациями из разных секторов общества, направленное на решение социально-экономических задач и проблем социальной политики. К основным направлениям межсекторного взаимодействия традиционно относят: решение вопросов экономического развития, экологии, городского хозяйства, проблем социальной сферы, в частности, оказания жилищно-коммунальных услуг, строительства учреждений здравоохранения и образования [10]. К субъектам межсекторного взаимодействия относятся властные структуры (национальный, региональный, муниципальный уровни), бизнес-структуры, общественные и некоммерческие организации.

Анализ этапов институционализации межсекторного взаимодействия

Первые попытки реализации совместных проектов между бизнесом, властью и обществом были предприняты в развитых странах в начале 1990-х гг. Толчком к их осуществлению стал рост государственных расходов, возникший в результате экономических перепадов в 1970-х и 1980-х гг. Проблему государственного снабжения в условиях растущих долгов было принято решать посредством развития партнерских отношений между государством и частным сектором. Наиболее показательным примером в данной сфере является опыт Великобритании в реализации одной из форм частно-государственного партнерства, а именно частной финансовой инициативы (Private Financial Initiative).

© Плотникова Е.Б., Германов И.А., 2010

* Публикация подготовлена в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009-2010), проект № 2.1.3/3203

На начальном этапе межсекторное взаимодействие строилось в основном в рамках частно-государственного партнерства между властью и бизнесом. Позднее к сложившемуся диалогу стали подключаться общественные организации, гарантирующие социальную направленность совместных проектов. Данный тип взаимодействия получил название «частно-государственное социальное партнерство» (Public/Social/Private Partnership).

На международном уровне впервые вопросы о межсекторном взаимодействии (партнерстве между правительственными структурами, бизнесом и некоммерческими организациями) стали обсуждаться в начале 1990-х гг. в рамках политики дерегулирования и развития практик глобального управления. Активное участие в этом процессе принимала Организация Объединенных Наций. В 1992 г. на конференции ООН в Рио-де-Жанейро были предложены стратегии партнерского взаимодействия между представителями различных секторов в сфере решения вопросов окружающей среды и развития (Rio Earth Summit, 1992). Позднее состоялся ряд межправительственных встреч в Копенгагене (1995) и Йоханнесбурге (2002), на которых обсуждались возможности межсекторного взаимодействия по более широкому кругу вопросов социальной политики и развития [6].

На современном этапе проекты межсекторного взаимодействия стали активно осуществляться в развивающихся странах. Следует также отметить, что на начальном этапе институционализации межсекторного взаимодействия в развивающихся странах важную роль играют международные организации, которые не только обеспечивают финансовую поддержку, но и являются трансляторами практик эффективного управления, а также выступают медиаторами взаимодействия и выполняют координирующие функции между секторами. В качестве примера можно привести многочисленные проекты Всемирного банка по поддержке развивающихся

регионов [11]. Активная поддержка международными организациями проектов МСВ в развивающихся странах обусловила появление самостоятельных инициатив взаимодействия между партнерами на национальном уровне [5].

Анализ практик становления межсекторного взаимодействия на региональном, национальном и международном уровнях позволяет обнаружить общую модель развития партнерских отношений, включающую следующие этапы:

- Определение контекста и условий взаимодействия партнеров.
- Согласование интересов партнеров и определение проблемы, на решение которой направлено сотрудничество.
- Разработка совместных направлений работы.
- Реализация проекта.
- Закрепление и развитие успешных практик.

На начальном этапе определения контекста и условий взаимодействия необходимо идентифицировать характер проблемы и ключевых участников взаимодействия. На этапе согласования партнерских интересов следует изучить предыдущий опыт решения выявленных проблем, акцентируя внимание на возникавших барьерах, препятствовавших успешному решению поставленных задач. Этап разработки совместных направлений работы требует интенсивного диалога между сторонами, а также планирования и прогнозирования проблем и перспектив развития партнерства. На этапе осуществления стратегий взаимодействия разрабатывается детальный план работы, распределяются сферы ответственности, оговариваются методы мониторинга выполнения работ. Наконец, на заключительном этапе проводится оценка успешности проекта, рассматриваются возможности распространения успешных практик взаимодействия. На каждом из данных этапов важным условием является своевременное определение необходимых ресурсов и видов

деятельности, требуемых для развития партнерства.

Западный опыт реализации подобных проектов позволяет говорить о том, что процесс институционализации межсекторного взаимодействия начинается с реализации пилотных проектов, которые впоследствии, в зависимости от успешности их выполнения, могут быть использованы в качестве моделей решения подобных проблем в других географических регионах, а также для решения более широкого круга вопросов.

В результате анализа межсекторного взаимодействия нами выделены следующие его разновидности. Так, практика расширения прав и возможностей по реализации социальной политики в пределах организаций в отношении их работников, а также практики ответственного бизнеса по социальному, экономическому и экологически устойчивому развитию территорий определяются как корпоративная социальная ответственность (КСО), которая соответственно классифицируется на «внутреннюю» и «внешнюю» [12].

Вторым типом МСВ можно назвать соци-

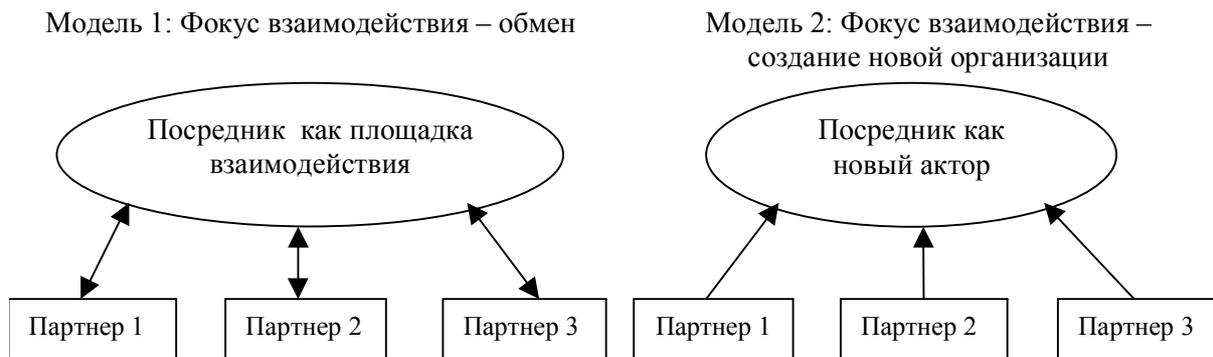

Рис 1. Модели межсекторного взаимодействия. Источник: Waddell&Brown, 1997 [10]

Фокусом первой модели взаимодействия между секторами является обмен информацией и ресурсами, с этой целью создается посредническая организация, которая выступает медиатором и «пунктом обмена» между участвующими сторонами. Цель второй модели взаимодействия — объединение ресурсов взаимодействующих сторон для организации нового вида

альное партнерство в социально-трудовой сфере, где акторами выступают работодатели (их объединения), работники (их представительные органы), административные структуры всех ветвей власти в зависимости от уровня социального партнерства (национального, регионального, муниципального).

К третьему типу МСВ можно отнести частно-государственное партнерство (ЧГП), суть которого заключается в формировании отношений органов власти и частного бизнеса в сфере осуществления совместных общественно значимых проектов по обеспечению жизнедеятельности населения территорий в разных сферах: например, услуги здравоохранения, ЖКХ, организация работы пассажирского транспорта и др.

Существует несколько критериев, позволяющих классифицировать виды межсекторного взаимодействия, среди них — цель взаимодействия субъектов. На основании этого критерия выделяют две модели (рис. 1).

деятельности (услуги), направленной на решение поставленных проблем. Вследствие этого результатом второй модели взаимодействия между партнерами является создание новой организации.

Кроме цели взаимодействия важными критериями, определяющими виды сотрудничества, являются степень гомогенности взаимодей-

ствующих субъектов и характер проблем, на решение которых направлено партнерство. Очевидно, что взаимодействие в реализации узкоспециализированных проектов требует большей координации работы участников, в то время как решение общих вопросов может быть осуществлено посредством менее формализованных схем взаимодействия. Степень гомогенности (схожести) партнеров также оказывает значительное влияние на формы взаимодействия. Уровень гомогенности партнеров опре-

деляется сходством истории развития организаций, их целей, структуры и организационной культуры. Такие формы, как социальные движения и социальные сети, позволяют объединить различных участников взаимодействия (организации с низкой степенью гомогенности). В то время как взаимодействие «схожих» партнеров по более узким вопросам может осуществляться более формализованно — в форме совместных предприятий (табл. 1).

Таблица 1. Формы межсекторного взаимодействия в зависимости от характеристик участвующих субъектов и целей партнерства

Цель взаимодействия	Высокая степень гомогенности партнеров	Низкая степень гомогенности партнеров
Решение общих вопросов	Альянсы и объединения, осуществляющие гибкую форму координации между схожими организациями	Социальные сети и социальные движения, позволяющие объединять работу широкого круга заинтересованных лиц
Решение узкоспециализированных вопросов	Совместное предприятие, выполняющее функции координации и распределения ресурсов в схожих организациях	Коалиции и объединения, координирующие работу различных субъектов

Следует отметить, что описанные выше модели партнерства отнюдь не исчерпывают всего многообразия видов межсекторного взаимодействия. Виды межсекторного взаимодействия могут быть систематизированы в зависимости от степени их формализации и реализовываться в формах «дружеских» встреч между партнерами, проведения совместных конференций и рабочих семинаров вплоть до организации совместной деятельности, регулируемой на законодательном уровне.

Многообразие форм межсекторного взаимодействия обусловлено тем, что взаимодействующие субъекты (власть, бизнес и общественные организации) выполняют различные функции. Задача властных структур состоит в поддержании общественного порядка и распределении общественных благ. Осуществление данной функции происходит посредством создания управленческого аппарата (министерств,

департаментов и т.д.). Целью бизнеса является создание прибыли через различные формы организации: различные типы частных предприятий, корпораций и компаний-франчайзи. Миссией общественных организаций является репрезентация общественных интересов, формирование системы социальных ценностей.

В результате взаимодействия организаций, преследующих различные интересы, рождаются такие гибридные формы взаимодействия, как: производственные кооперативы, кредитные союзы, бизнес-объединения, политические организации, частные высшие учебные заведения, различные формы частно-государственного партнерства. К наиболее типичным формам частно-государственного партнерства относят частную финансовую инициативу, государственные контракты, концессионные соглашения, лизинговые соглаше-

ния, арендные отношения и государственно-частные предприятия.

Преимуществом создания гибридных форм взаимодействия является исключение возможного дублирования функций различных организаций, оптимизация управленческого процесса и снижение рисков. В то же время следует учитывать, что эффективность различных форм межсекторного взаимодействия в значительной степени зависит от того, в какой степени удовлетворяются интересы каждого из участников. Для общественных организаций эффективность подобного взаимодействия в первую очередь будет определяться способностью реагировать данными формами партнерства на запросы окружающей социальной среды и общественных групп, интересы которых они призваны представлять. Для бизнеса основным индикатором успешности является экономическая прибыльность предприятия и возможность дальнейшей экспансии на рынке. Для государственных структур важным показателем успешности межсекторного взаимодействия служат улучшение схемы предоставления социальных благ, услуг и снижение государственных расходов.

На этапе становления проекты межсекторного взаимодействия заключались исключительно в индивидуальном порядке и носили несистематизированный характер. Одним из первых кейсов «формализации» подобных партнерских отношений на правительственном уровне можно считать проект частной финансовой инициативы, представленный премьер-министром Великобритании в 1992 г. Целью данного проекта стало снижение потребности государственного сектора в заемных средствах посредством привлечения частного капитала, который в обмен получает право частичной приватизации. В 1997 г. Казначейству (Мини-

стерство финансов в Великобритании) было поручено координировать работу проектов, созданных по схеме частной финансовой инициативы. В 1999 г. было разработано руководство о стандартизации проектов частной финансовой инициативы. Особое внимание было уделено необходимости усиления роли государственных управленцев, осуществляющих контроль за выполнением проектов. Функция оценки эффективности проектов была возложена на Национальную ревизионную комиссию (более подробное описание схемы осуществления проекта приведено ниже).

Кроме правовых норм, разработанных на уровне национальных правительств, значение в регулировании партнерских отношений между бизнесом, властью и обществом имеют нормы, предложенные на уровне Европейского союза [3;8]. В частности, Директива Европейской комиссии о принципах частно-государственного партнерства подчеркивает необходимость следования стандартизированным процедурам в рамках межсекторного взаимодействия для достижения высокого качества предоставляемых услуг [3]. Отдельно были рассмотрены процедуры заключения государственных контрактов в сфере снабжения, а также вопросы предоставления услуг и выполнения работ по государственным договорам. В то же время в данных документах изложены новые подходы в реализации проектов частно-государственного партнерства в условиях расширения возможностей использования современных механизмов «электронного правительства» (e-government).

К более поздним документам следует отнести предложения Европейской комиссии по частно-государственному партнерству, а именно закон Европейского экономического сообщества о государственных контрактах и концессиях [2], а также «Руководство по организации ин-

ституциональных форм частного государственного партнерства», изданное в 2008 г. [4]. В данных документах подчеркивается необходимость укрепления правовых норм и процедур выбора частных организаций, установления «прозрачных» критериев для участников государственных тендеров. Восприятие межсекторного взаимодействия как многоуровневого динамического процесса, а не статической формы, объясняет проблемы его формализации, в частности разработки законодательных норм.

Правовые нормы межсекторного взаимодействия, заложенные на международном уровне, носят более широкий характер и обуславливают общие принципы взаимодействия партнеров. Основа разработанных рекомендаций определена в рамках концепции «глобального управления», суть которой состоит в смещении акцентов в решении социально-экономических, экологических и других проблем современности с доминирующей роли государства на активное вовлечение различных общественных и бизнес — групп. Инициатором развития правовых норм межсекторного взаимодействия явились международные организации, в частности ООН. К основным принципам межсекторного взаимодействия, предложенным в качестве модели сотрудничества, поддержанной ООН, следует отнести: открытость, прозрачность, подотчетность. Стимулирующим фактором в развитии принципов межсекторного взаимодействия стали т.н. Цели развития тысячелетия (Millennium Development Goals 2015). Их основное содержание состоит в решении глобальных проблем современного общества: снижение уровня бедности, сокращение детской смертности, поддержание экологической устойчивости и др. Формирование глобального партнерства в целях решения проблем совре-

менного общества стало одним из основных компонентов данной программы [9].

Примеры межсекторного взаимодействия (Великобритания)

Выбор Великобритании в качестве иллюстрации становления межсекторных отношений не случаен. Как отмечалось выше, это одна из первых стран, представивших проекты партнерских отношений между бизнесом и властью на систематической основе.

Позднее проекты, организованные по этой модели, стали реализовываться в других странах (Австралия, Канада, США, Индия, страны Западной Европы), а также начали практиковаться такими международными организациями, как Всемирная организация здравоохранения, Всемирный банк и Международный валютный фонд. Суть схемы состоит в обеспечении финансовой поддержки проектов частного государственного партнерства посредством частных инвестиций. Основными сферами сотрудничества в Великобритании стали проекты по сооружению больниц, школ и объектов городского хозяйства. Реализация проектов происходит как на региональном, так и на федеральном уровнях. Задача властных структур в регионах состоит в выборе партнеров в частном секторе для практической реализации договора. Далее подписывается контракт между представителями властной структуры и консорциумом частных организаций, который создается специально для реализации проекта. Владельцы консорциума — представители инвестиционных компаний, как правило, строительная фирма, банк и сервисные службы (провайдеры услуг). Финансирование крупных проектов осуществляется посредством продажи корпоративных облигаций компании, осуществляющей проект. Финансирование небольших проектов осуществляется напрямую через банковскую

систему в форме предоставления «старшей» задолженности.

Отличительной чертой схемы частной финансовой инициативы является ее долгосрочный характер, в среднем контракт заключается на 30-60 лет, в течение которого консорциум ответственен за предоставление услуг, которые ранее оказывались бюджетными организациями. Обязанностью властных структур является обеспечение соответствующими инструкциями, создание эффективной системы мониторинга достигнутых результатов. Если результаты промежуточных проверок качества выполнения проекта не соответствуют поставленным целям, государство вправе прервать договор. В случае прерывания контракта государство вступает в права собственности, в то же время несет ответственность по выплате издержек, связанных с реализацией проекта. Процедура прерывания договора носит достаточно сложный характер и на практике осуществляется крайне редко.

В системе межсекторного партнерства сторона бизнеса представлена, как правило, тремя основными участниками (юридическими лицами): холдинговая компания, компания, предоставляющая оборудование, и компания, предоставляющая услуги. Основным партнером со стороны бизнеса является холдинговая компания. Через систему вторичных контрактов в партнерские отношения включаются остальные частные фирмы, которые часто могут являться держателями акций холдинговой компании. По данным на 2001 г. в Великобритании по схеме частной финансовой инициативы было реализовано 447 проектов общей стоимостью 19,705 млн. англ. фунтов. Количество проектов в сфере здравоохранения преобладает по сравнению с другими секторами, в списке лидеров по числу проектов также образование и транспортные услуги. Среди аутсайдеров выступают такие

организации, как Казначейство, Государственная служба по торговле, Таможенное и акцизное управление. С их участием было реализовано всего по одному проекту [1; 7]. На современном этапе, несмотря на имеющуюся критику предлагаемых инициатив, данные проекты по-прежнему находят широкое применение в решении социальных вопросов. Необходимость такого взаимодействия обуславливается потребностью решения стратегических задач (социально-экономических, структурных, технологических и др.), обеспечения благоприятной среды жизнедеятельности, что невозможно без интеграции экономического потенциала частного предпринимательства и государства.

Изучение общего контекста становления и развития феномена МСВ позволяет оценить международный опыт с целью применения его на российском уровне.

Список литературы

1. Allen, G. The Private Finance Initiative (PFI), Research Paper 01/117, Economics Policy and Statistics Section. London: House of Commons Library, 2001.
2. Commission of the European Communities. *Green Paper on public-private partnerships and Community law on public contracts and concessions*, COM (2004) 327. URL: http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/site/en/com/2004/com2004_0327en01.pdf (дата обращения: 11.11.2009).
3. Directive 2004/18/EC of the European Parliament and of the Council of 31 March 2004 on the coordination of procedures for the award of public works contracts, public supply contracts and public service contracts, 2004, L. 134. URL: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2004:134:0114:0240:EN:PDF> (дата обращения: 11.11.2009).
4. European Commission, 2008. *Guidance on setting up Institutionalised Public-Private Partnerships*. URL: http://ec.europa.eu/internal_market/publicprocurement/ppp_en.htm (дата обращения: 11.11.2009).

5. Mitchell-Weaver C. & Manning B. Public-Private Partnerships in Third World Development: A Conceptual Overview // *Studies in Comparative International Development*. 1992. Vol. 26, No. 4, P. 45-67.
 6. Murphy, D.F. & Coleman, G. Thinking Partners: Business, NGOs and the Partnership Concept // J. Bendell (ed.) *Terms for Endearment: Business, NGOs and Sustainable Development*. Greenleaf, Sheffield 2000. P. 207-215.
 7. Office for Government Commerce, 2001. *Guidance for Government Departments: Refinancing of PFI projects*. URL: www.ogc.gov.uk (дата обращения: 11.11.2009).
 8. Parliament-Council conciliation committee, 2003. *Agreement on public procurement directives, C/03/352*. URL: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=PRES/03/352&format=HTML&aged=1&language=EN&guiLanguage=en> (дата обращения: 11.11.2009).
 9. United Nations Development Programme, 2006. URL: <http://www.undp.org/mdg/basics.shtml> (дата обращения: 11.11.2009).
 10. Waddell, S. & Brown L.D. *Fostering Intersectoral Partnering: A Guide to Promoting Cooperation Among Government, Business, and Civil Society Actors*. Boston, MA: Institute for Development Research, 1997.
 11. World Bank 2009. URL: <http://www.worldbank.org/> (дата обращения: 11.11.2009).
 12. Перегудов С.П., Семененко И.С. *Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии*. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 343-352, 352-357.
-

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF INTERSECTORAL PARTNERSHIP

E.Plotnikova, I.Germanov

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

This article examines stages of institutionalisation, forms and types of intersectoral collaboration in Western European countries. The purpose of collaboration and the level of partners' homogeneity were revealed as the key characteristics of intersectoral collaboration. Based on these criteria the article distinguishes between different models of intersectoral collaboration. Analysis of the legal norms and regulations at the international and national levels contributes to the dissemination practices in intersectoral collaboration.

Keywords: intersectoral partnership; private finance initiatives; public-private partnership; institutionalization; model of partnership.

УДК 316.7

ПРИЧИНЫ НЕДООЦЕНКИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФАКТОРА В РОССИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

А.Г. Антипов

Пермский государственный университет, 614099, Пермь, Букирева, 15
e-mail: agantip@psu.ru

К.А. Антипов

Пермский государственный технический университет, 614990, Пермь, Комсомольский проспект, 29
e-mail: labsoc@pstu.ac.ru

Раскрыта роль социокультурного фактора в развитии России в условиях кризиса, выделены основные причины недооценки этого фактора.

Ключевые слова: социокультура; кризис; финансовый кризис; социальная структура; конкуренция.

Среди отечественных и зарубежных теоретиков и практиков нет единого мнения относительно причин, породивших современный мировой кризис. Обострилась дискуссия и о возможности и путях перехода России на инновационный путь развития. Одни считают, что кризисы являются неизбежным явлением рыночной экономики и происходят периодически через определенные исторические промежутки. Избежать их невозможно.

Согласно второй концепции причиной кризисов является спекулятивный капитал США.

Сторонники третьей главную причину кризисов видят преимущественно в субъективном факторе, действиях конкретных стран и их лидеров. В подтверждение данной концепции приводятся многочисленные факты о низком уровне профессионализма управленцев, инертности мышления, их неспособности принимать эффективные решения в пользу общества в ус-

ловиях кризиса, закрытости правящей элиты, консервирующей общую отсталость.

Четвертая концепция базируется на утверждении, что всему виной — ориентация общества на потребление. Выход из современного системного кризиса сторонникам этой концепции видится в переходе к новой модели, интегрирующей не только чисто экономические, но и социокультурные и нравственные факторы.

Есть и другие версии нынешнего кризиса, в том числе психологические. Так, Джорж Сорос считает, что сложившиеся глобальные рынки весьма неустойчивы и подвержены влиянию психологических факторов поведения их участников, в том числе воздействию поведения рефлексивного [9].

Авторы статьи разделяют преимущественно четвертую концепцию. Современный кризис при всей значимости экономического и субъективного факторов не может быть обусловлен

только ими и финансовой составляющей. Первопричины следует искать глубже. Они кроются в социокультуре, в деформированной системе духовно-нравственных ценностей. Хорошо известно, какую роль в развитии современного общества отводил социокультуре П.А.Сорокин, обосновавший ее значимость в понимании общества как единства культуры и социальности, образуемого деятельностью человека. Данная концепция созвучна также утверждению М.Вебера о том, что «экономический человек» — это слишком узкое понятие.

Финансовый кризис еще отчетливее выявил значимость социокультуры в модернизации общества. Из — за ее недоучета ни одна из проводимых в стране правительственных реформ не завершена и не дала ожидаемых результатов. А это объясняется тем, что меры по реформированию основных сфер общества, его структур и институтов зачастую осуществляются порознь, без учета необходимости их взаимодействия друг с другом, не просчитываются социальные последствия принимаемых решений. Нередко бывает и так, что властные структуры, зная о наличии реальных проблем, не пытаются самостоятельно решать их. Многие федеральные структуры, стремясь снять с себя какую-либо ответственность за возникновение той или иной проблемы, только предупреждают руководство страны о ее существовании. Так, Счетная палата РФ задолго до кризиса сигнализировала об угрожающем росте корпоративного долга, об острейших проблемах в сфере администрирования бюджетных доходов и расходов, о критической изношенности генерирующих мощностей [5].

Эти и другие подобные сигналы, к сожалению, уходили и уходят в никуда.

Социокультура — сложное и многоплановое понятие. Ее можно рассматривать в широ-

ком и узком смысле. В широком смысле — это проникновение культуры в политику, экономику, экологию, социальную сферу и др. В узком смысле — это синтез социальных отношений и культуры, проявление социальной сущности культуры в деятельности человека. В социокультуре отражена мера владения культурным богатством общества и применения его в социальной деятельности отдельным индивидом, конкретной социально-профессиональной группой и обществом в целом. Следовательно, социокультура — это не только состояние культуры, но и процесс деятельности, через которую реализуются социальные силы субъектов. Благодаря культуре и через культуру происходит «снятие» социального в экономическом, политическом, идеологическом содержании и т.д. Естественно, что существует и обратная связь. Важный показатель развитости социокультуры — способность властных структур, бизнеса, рядовых граждан к сотрудничеству, а необходимым условием является взаимное уважение, ответственность и высокий профессионализм всех субъектов формирующегося гражданского общества.

Современное общество требует иной культуры, иного отношения бизнеса и государства к человеку. В цивилизованном обществе бизнес — это прежде всего не прибыль, а забота о человеке, его развитии. У нас, как образно выразился в одном из своих интервью премьер — министр В.В.Путин, бизнес «жадничает». Надо признать, что и государство «жадничает». В том числе оно экономит на здоровье человека, на развитии образования, физической культуры, культуры вообще.

Конечно, нельзя идеализировать практику развитых стран по отношению к социокультурному фактору. Однако бесспорно то, что там этот фактор «работает» продуктивнее, чем в

современном российском обществе. Вряд ли это требует особых доказательств. Главный урок из отчетливо обозначившихся ныне неудач по реформированию нашего общества состоит в том, что нельзя крупные общественные преобразования осуществлять на абстрактном, теоретическом конструировании вне привязки к реальной почве, которая помимо финансов, экономики, политики и идеологии имеет еще социокультурные, национальные и исторические особенности, свои традиции. Специфика российского общества во многом определяется приверженностью к коллективизму в системе жизненных установок народа. Надо это качество и подобные ему не разрушать, а «заставить» работать на общую пользу, на благо развития конкретных индивидов. Ведь удалось Японии, а сейчас и Китаю, и Южной Корее, да и ряду других стран, умело соединить социокультуру своих народов с современными высокотехнологичными производствами, обеспечить достаточно высокий уровень экономического развития, а за счет этого поднять и благосостояние своих народов.

В чем причины недооценки властью всех уровней России социокультурного фактора?

Насколько нам известно, в научной литературе нет системного, комплексного анализа этих причин. Нет и глубокого анализа истинных причин нашей прогрессирующей отсталости практически во всех сферах общества и отраслях хозяйства. И авторы данной статьи не претендуют на такой анализ.

Выделим только некоторые причины недооценки в обществе и государстве социокультурного фактора.

Условно все причины можно объединить в две группы. Первая группа причин лежит в традициях, которые исторически сформировались в нашем обществе и сегодня оказывают на

него влияние, как позитивное, так и негативное. Вторая группа возникла уже в ходе проводимых реформ в течение последних двадцати лет.

Остановимся подробнее на второй группе причин.

Во-первых, с самого начала перевода нашего общества с одной модели социального развития на другую у правящей элиты отсутствовала более-менее четкая стратегия развития страны. Правительственные структуры исходили из примитивного лозунга, что надо до основания разрушить старую систему и на этой основе построить современное общество, но задумываясь при этом об экономических и социальных последствиях принимаемых решений. То есть шла активная борьба власти с «пережитками социализма». К слову сказать, она и сейчас продолжается. При этом элита особо не вникала и не вникает в содержание этих пережитков. Известно, что и в советский период шла бездумная борьба с пережитками прошлого, которые считались главным тормозом в построении коммунизма.

Известный американский социолог и экономист И. Валлерстайн справедливо подметил, что на смену ортодоксальному марксизму пришел ортодоксальный либерализм [1].

Его сторонники наивно полагали, что с приходом рынка, частной собственности все отрегулируется. Реальность оказалась иной. Как только появилась частная собственность, научно-техническое отставание выросло в разы. У нас 70 % экспорта — это голое сырье. Очевидно, что дело не в появлении частой собственности как таковой.

К сожалению, и сегодня нет научно обоснованной стратегии развития нашего общества, нет понимания того, за счет каких средств, какими методами следует осуществлять модернизацию экономики и всей социальной жизни.

Есть множество различных правительственных концепций и программ, слабо связанных друг с другом, их реализацию власть практически не отслеживает, и никто из чиновников не несет никакой ответственности.

Характерным примером может служить «Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год». Исследователи отмечают, что она, во-первых, носит не-системный характер, представляя собой набор (свод) мероприятий, предложенных разными ведомствами. Во-вторых, многие составляющие этого набора суть обычные меры, не имеющие антикризисной специфики. В-третьих, документ не отвечает основополагающим принципам программно-целевого планирования [6].

Подобный пример свидетельствует о формальном подходе власти к острым проблемам нашего общества.

Вторая причина недооценки социокультурного фактора лежит в преувеличении роли экономики. Этому во многом способствует ее сырьевая направленность. В обществе и государстве сложилась устойчивая привычка жить за счет экспорта нефти, газа и других полезных ископаемых, не уделяя должного внимания развитию реального производства.

Справедливо по этому поводу заметил в своей лекции известный экономист Г.Х.Попов: «Опьянение от свалившихся почти без всяких усилий значительных финансовых, валютных резервов и ряд лет солидного бюджетного профицита породили в верхах эйфорию и беззаботность, зазнайство и шапкозакидательство» [7.С.41].

Если 2004 г. удельный вес нефтегазовых поступлений в общей сумме доходов бюджета составлял 30,2 %, а в 2008 — уже 47,3 %. По итогам 2009 он заметно перевалит за 50 % [5].

В этих условиях у власти практически всех уровней нет особых стимулов что-то модернизировать.

Третья причина недооценки социокультурного фактора кроется в сфере политической, прежде всего в деятельности государственной власти. Политика продолжает господствовать над экономикой, социальной сферой и культурой. Это одна из причин реального кризиса власти, высокого уровня коррупции и неспособности организовать выполнение одной из главных функций любой власти — адекватное закону правоприменение, и продолжающегося преференциального стиля кадровой политики, и потрясающе низкой исполнительской дисциплины, в том числе неисполнения или формального исполнения поручений Президента РФ [3].

Так, в своем Послании Федеральному собранию РФ Президент РФ Д.Медведев признается в беспомощности центральной и региональной ветвей власти по наведению должного порядка в расходовании бюджетных средств на Северном Кавказе. «Как видим, — отмечает он, — объемы выделяемых для всего Северного Кавказа средств значительные. Однако эффективность их расходования оставляет желать много лучшего. Более того, часть средств **почти открыто разворовывается чиновниками** (выделено авторами. — А.Г., К.А.) [8].

Но хорошо известно, что высокий уровень коррупции и воровства не только в названном регионе, а в целом в России. За 15 лет Счетная палата РФ выявила более чем на полтора триллиона рублей и вернула в бюджет страны 147 млрд. В России, по мнению С.Степашина, руководителя Счетной палаты, все еще проще и дешевле воровать, «пилить» бюджет и импортировать, нежели строить умные машины для своей страны [5]. И далее он констатирует, что

нет порядка в сфере государственных расходов, растёт фискальное давление на средний бизнес и на население, а на нефтегазовый сектор снижается [5].

Зная подобные вопиющие недостатки, власть не пытается вскрыть их причины. Заметим, что финансовый вопрос — это не чисто экономический, он имеет и социокультурное, и политическое свойства. Этим частично можно объяснить высокий уровень отчужденности граждан от всех уровней и ветвей власти.

Существенным барьером на пути осознания значимости социокультурного фактора в развитии российского общества является низкий профессиональный уровень управленцев, в первую очередь государственных и муниципальных. Отсюда их деятельность крайне неэффективна, а в ряде случаев даже наносит огромный вред развитию общества и государства. Это четвертая причина. Ее ярким проявлением является слабый учет или даже полное игнорирование мнений научного сообщества. Прав авторитетный российский экономист В.Н. Лексин в том, что в нашей стране «...никто ни разу не озвучил на государственном уровне то, о чем говорили и писали многие ученые (включая нобелевских лауреатов по экономике) и немногие политики» [3.С.14].

И в этой ситуации закономерно встает вопрос, почему для осознания общегосударственного значения развития реального производства, необходимости поворота к инновационной экономике, экономике знаний понадобился мировой кризис?

Ситуация в науке и системе образования во многом критическая. Так, говоря о состоянии этих важнейших институтов общества, Г.А.Месяц, вице — президент РАН, отмечает: «Беда в том, что мы разучились готовить специалистов, а те, которые еще таковыми явля-

ются, близки к пенсионному возрасту, а то и старше». И добавляет: «Бюджетные ассигнования Российской академии наук серьезно уменьшены, отраслевые институты разрушены. А ведь для решения задач модернизации это все должно быть восстановлено» [4]. Не лучше положение в системе образования, в том числе высшего. Так, в 2007- 2008 гг. расходы на образование в России составили 3,54 % и она занимала 78-е место среди 131 страны [10]. В условиях кризиса этот показатель еще ниже.

Понятно, что осуществить модернизацию экономики и всего общества невозможно без усиления реального внимания науке, современным технологиям, качеству образования.

Ошибочно было бы сводить проблемы этих секторов и элементов общества исключительно к недофинансированию. Хотя это принципиальный вопрос. Требуется резкое повышение престижа ученого, преподавателя, специалистов, склонных к инновационной деятельности. Все они пока относятся к разряду непрестижных профессий.

Возникает резонный вопрос: кто остановит деиндустриализацию страны, деградацию человеческого капитала, с помощью каких средств и методов?

Доля РФ на мировых рынках высокотехнологичной продукции, согласно данным федерального правительства, не превышает 0,2% (притом, что многие отечественные разработки успешно осваиваются за рубежом, причем нередко — при помощи российских ученых и инженеров) [2].

Нынешняя структура народного хозяйства устарела и требует резких изменений в пользу высокотехнологичных отраслей промышленности. Естественно, не соответствует современным требованиям и социальная структура общества, в том числе профессиональная.

И, наконец, еще одной, пятой причиной недооценки социокультурного фактора, по нашему мнению, является сформировавшаяся в нашем обществе своеобразная государственная идеология. В.Н.Лексин называет эту идеологию «спекулятивно-финансового обеспечения» [3]. В подтверждение сути данной идеологии приводит гиперболически возрастающие доходы и расходы бюджетов России и ее столицы — Москвы. В 2000-2007 гг. доходы федерального бюджета возросли в 6,9, московского — в 5,6 раза, а расходы соответственно в 5,8 и в 4,8 раза. Ежегодные денежные поступления и расходы в бюджете увеличились на 70-90 % (!). И это без каких-либо прорывных достижений в реальном секторе экономики страны и ее крупнейшего города [3].

Сформировалась идеология быстрого обогащения, не связанная с производственной деятельностью. Эта идеология глубоко укоренилась не только среди чиновников, хозяйственных руководителей крупных компаний, но и значительной части населения, особенно среди молодежи. Отсюда и высокий уровень коррупции, и нежелание определенной части людей трудиться. Труд как важнейшая социальная ценность переместился на периферию общественной жизни. В обществе нет осознания того, что так жить дальше нельзя.

Известный политолог Л.Радзиховский считает, что это самый опасный вызов российскому обществу. (Заметим, что речь идет не столько об экономике, сколько об общественном сознании, т.е. категории социальной.) Этот опасный вызов состоит в том, что «сейчас у людей ощущение, что жизнь вполне нормальная. И эта мнимая «нормальность» расслабляет, успокаивает, и она не дает обществу ощущения необходимости что-то менять. Поэтому призывы высшего руководства в значительной степе-

ни повисают в воздухе» [4.С.11]. Да и сама власть (федеральная и региональная) нередко способствует формированию иллюзии, что у нас все хорошо, есть только некоторые недостатки, их можно устранить достаточно быстро. Такое мнение активно формируют многие средства массовой информации. Чтобы убедиться в объективности такого утверждения, достаточно почитать в «Российской газете» выступления руководителей субъектов РФ. На основе этих выступлений складывается впечатление, что в регионах все хорошо, а в стране в целом почему-то есть серьезные проблемы.

В то же время хорошо известно, что мировой финансовый кризис на первом этапе нанес нашей стране больший урон, чем многим другим странам. Россия уже потеряла около триллиона долларов капитала и значительную часть научно-производственного потенциала [2]. И причины этих потерь надо искать не столько вне страны, сколько внутри ее.

Причин такого положения много. Одной из главных, по нашему мнению, является незадействованный резерв перемен — это активность гражданского общества. Многого нужно изменить в человеческой психологии бизнесменов, чиновников да и рядовых граждан.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что пока общество и власть не осознают истинной роли не только экономики, политики, но и социокультуры, пока беспристрастно не будут вскрыты истинные причины неудач реформирования общества, осуществляемого на протяжении почти двух десятилетий, не будет разработана научно обоснованная стратегия развития страны, не будет задействован потенциал гражданского общества, его основных институтов, нам не выдержать конкуренции, которая по мере ослабления кризиса будет в мире стремительно нарастать. И не удастся решить главной

задачи, провозглашенной властью, — повысить качество жизни российских граждан.

Конкурентоспособность страны в современном мире — это не чисто экономическая категория; она включает в себя не только умение создавать, производить и продавать продукты или услуги, пользующиеся спросом как внутри страны, так и за рубежом, но и обеспечение высокого уровня культуры, профессионализма, наличия устойчивых темпов роста реальных доходов населения, проведения эффективной социальной политики.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем в современном мире/ пер. с. англ. П.М.Кудюкина; под общ. ред. Б.Ю.Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001.
2. Глазьев С. Об антикризисной стратегии России//Рос. экон. журн. 2009. № 6.
3. Лексин В.Н. Цивилизационный кризис и его российские последствия// Общественные науки и современность. 2009. № 6.
4. Модернизация: пути и средства. Эксперты «РГ» о проблемах реализации задач, поставленных в Послании президента // Рос. газ. 2009. 27 нояб.
5. Панина Т. Мы так считаем//Там же. 2010.14 янв.
6. Петров Ю. Развитие системы государственного регулирования российской экономики в условиях глобализации и мирового кризиса: реализация потенциала налоговых и других институтов//Рос. экон. журн.2009. № 7-8.
7. Попов Г.Х. О проблемах кризиса 2008 года. Актовая лекция, прочитанная в Международном университете в Москве 10 февраля 2009 г. М., 2009.
8. Послание Президента РФ Д.Медведева Федеральному собранию РФ// Рос. газ. 2009.13 нояб.
9. Сорос Джорж. Алхимия финансов. М.:ИНФРА — М, 1999.
10. Трофимова И.Н. Качество рабочей силы и национальная конкурентоспособность//Вопросы статистики. 2009. № 7.

THE REASONS OF UNDERSTIMATION OF SOCIO-CULTURAL FACTOR IN RUSSIA IN CONDITIONS OF CRISIS

A.G. Antipiev

Perm State University, 15, Bukirev Str., Perm, 614099

K.A. Antipiev

Perm State Technical University, 29, Komsomolsky Str., Perm, 614990

The role of socio-cultural factor the development of Russia under crisis is shown here; also the main reasons of underestimation of this factor are given here.

Keywords: socio-culture; crisis; financial crisis; social structure; competition.

УДК 331.106.24

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЮ ГЛОБАЛЬНЫХ РАМОЧНЫХ СОГЛАШЕНИЙ В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ (КЕЙС СТАДИ РОССИЙСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ КОМПАНИЙ)*

Е.В. Плотникова

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, Букирева, 15
e-mail: soccntr@psu.ru

Работа посвящена изучению факторов, способствующих заключению глобальных рамочных соглашений в разных социально-экономических условиях развития трудовых отношений. Эмпирическим материалом для проведения исследования послужили соглашения, заключенные немецкой («Daimler AG») и российской компаниями («ОАО Лукойл»). Изучение данных соглашений проведено в рамках качественной традиции социологического исследования, методологической основой которого стала стратегия кейс стади (case study).

Ключевые слова: международные (глобальные) рамочные соглашения; трудовые отношения; кейс стади.

Введение

Заключение глобальных рамочных соглашений между руководителями международных корпораций и представителями международных федераций профсоюзов стало одной из отличительных особенностей развития трудовых отношений в условиях глобализации. Интенсивное освоение крупными корпорациями новых рынков и производственных площадок, открытие региональных подразделений в разных точках мира обуславливают необходимость постановки вопросов не только координации и согласования бизнес-стратегий головной и дочерних компаний, но и унификации политики в сфере трудовых отношений, адаптации к законодательным нормативам и трудовым кодексам различных государств.

Глобальные рамочные соглашения являются попыткой решения данной проблемы, представляя собой механизм регуляции трудовых отношений в условиях, когда сотрудники компании работают в разных странах мира. Суть подобных соглашений состоит в регулировании трудовых отношений и развитии социального диалога на международном уровне, который позволяет унифицировать политику транснациональных компаний в соответствии с международными стандартами Организации Объединенных Наций (ООН) и Международной организации труда (МОТ).

К 2008 г. было заключено более 60 подобных соглашений крупнейшими компаниями: Volkswagen, Chiquita, Indesit, Danone, Ikea и др. [7]. Среди них безусловными лидерами являются компании, чьи головные офисы находятся

© Плотникова Е.В., 2010

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 08-03-00080а)

в странах Западной Европы (Германии, Франции, Швеции и Норвегии). Однако следует отметить, что ряд компаний, заключивших подобные соглашения, базируются за пределами Европейского союза (в США, ЮАР, России, Новой Зеландии, Австралии, Бразилии и Канаде).

Учитывая, что количество крупнейших корпораций достигает более 60 тыс., заключение глобальных соглашений пока остается исключением из правил, нежели устоявшейся тенденцией [15]. Вследствие этого возникает вопрос: «Каковы мотивы меньшинства компаний, которые заключили подобные соглашения? Что служит препятствием к заключению соглашений для остальных представителей крупного бизнеса?».

Цель данной работы — изучить факторы, способствующие заключению глобальных рамочных соглашений в различных социально-экономических условиях развития трудовых отношений. Эмпирическим материалом для проведения данного исследования послужили соглашения, заключенные немецкой («Daimler AG») и российской компаниями («ОАО Лукойл»). Анализ этих соглашений проведен в рамках качественной традиции социологического исследования. В качестве методологической основы выбрана стратегия кейс-стади (case study) [8].

Выбор данных компаний для сравнительного анализа был неслучаен. Поскольку целью исследования стало изучение процесса заключения глобальных соглашений крупными компаниями, действующими в разных социально-экономических условиях развития трудовых отношений, то несколько критериев предопределили выбор кейсов для сравнительного анализа. Во-первых, обе компании («Daimler AG» и «ОАО Лукойл») являются крупнейшими про-

изводителями в соответствующих отраслях: автомобилестроение и нефтехимическая промышленность. Обе компании в начале этого тысячелетия вышли на новый этап развития, заявив о себе как о мировых лидерах в своих отраслях. Кроме того, соглашения, заключенные обеими компаниями, признаны показательными в ряду подобных соглашений [11; 4]. Во-вторых, выбранные кейсы представляют разные группы компаний, заключивших глобальные соглашения. Как было отмечено выше, среди подписанных соглашений можно выделить две категории. Первую категорию составляют соглашения, заключенные компаниями, штаб-квартиры которых расположены в странах Европейского союза. Среди них лидерами считаются немецкие компании. Одной из таких компаний является немецкий концерн Daimler AG (выбранный для анализа). «ОАО Лукойл» представляет вторую категорию компаний, базирующихся за пределами Европейского союза. В-третьих, следует отметить, что заключение глобальных рамочных соглашений в России и Германии проходило в разных контекстах развития трудовых отношений. В случае немецкой компании подписанное соглашение явилось продолжением развития устоявшейся модели социального партнерства, основанного на принципах активного участия отраслевых профсоюзов и производственных советов, представляющих интересы работников на предприятии. В то время как в России подписание рамочного соглашения стало инновационным шагом в условиях изменяющейся модели трудовых отношений.

Предварительное рассмотрение выбранных кейсов позволило предположить, что существуют сходные и различные факторы, способствовавшие заключению соглашений. Изучение и сравнительный анализ сходных и отличных

факторов, являющихся мотивами для компаний к развитию социального диалога на международном уровне, представляет основной интерес для данного исследования.

Структура анализа двух кейсов заключения глобальных рамочных соглашений включала следующие обязательные компоненты:

1. Общая характеристика соглашения.
2. Контекст заключения соглашения.
3. Характеристика акторов — участников переговоров и процесса подписания соглашения.
4. Условия мониторинга выполнения соглашений.

В первом разделе «Общая характеристика» был проведен дискриптивный анализ соглашений: представлены общие данные (дата заключения, название сторон, участвующих в соглашении), проанализированы тексты соглашений (основное содержание и разделы). Во втором разделе «Контекст заключения» были охарактеризованы общие условия заключения соглашений, ситуация, в которой находилась компания, состояние профсоюзного движения. В третьем предложен анализ основных участников и динамики их отношений в ходе переговорного процесса. В последнем разделе основное внимание уделено условиям мониторинга выполнения соглашений.

В заключении представлены основные выводы относительно факторов, способствующих заключению глобальных рамочных соглашений в разном институциональном контексте трудовых отношений.

Глобальное рамочное соглашение компании «Daimler AG»

Краткая характеристика

Компания «Daimler AG» заключила глобальное рамочное соглашение в 2002 г. Официальное название соглашения — «Принципы социаль-

ной ответственности компании «Daimler» («Social Responsibility Principles of Daimler»). Партнерами по соглашению выступили менеджмент компании и Всемирное объединение производственных советов компании (World Employee Committee), подписавшее соглашение от лица Международной федерации металлистов.

Структура и содержание соглашения были разработаны на основе модели глобального рамочного соглашения, предложенного Международной федерацией металлистов. Кроме того, содержание договора включало принципы социальной ответственности глобального договора ООН, а также основополагающие права и принципы в сфере труда, разработанные Международной организацией труда [9].

В тексте соглашения оговариваются процедуры мониторинга и регулярного обсуждения пунктов соглашения между менеджментом компании и Всемирным объединением производственных советов, представляющих интересы работников на предприятии. Выполнение соглашения является одним из критериев корпоративного аудита. Следует отметить, что соглашение, заключенное компанией «Daimler AG» (в то время «DaimlerChrysler»), было признано Международной организацией труда в качестве показательного, как пример выполнения принципов корпоративной социальной ответственности.

Контекст соглашения

Среди факторов, оказавших значительное влияние на подписание компанией глобального рамочного соглашения, следует отметить следующие: возникновение транснационального концерна «DaimlerChrysler» (в результате слияния с американской компанией «Chrysler» в 1998 г.), стремление к укреплению имиджа социально ответственной компании и создание

Всемирного объединения производственных советов компании в 2002 г.

Важным этапом в развитии компании «Daimler Benz» стало слияние с американской компанией «Chrysler» в 1998 г. Это событие вывело компанию на новый транснациональный уровень ведения бизнеса и представило ее как «нового игрока» на глобальном уровне. Как следствие, объединенная компания столкнулась с рядом вопросов, касающихся не только разработки единой бизнес-стратегии, но и формирования единой политики в сфере трудовых отношений, защиты интересов и прав работников компании. В данных условиях подписание глобального рамочного соглашения явилось инструментом унификации политики компании в сфере трудовых отношений и принципов корпоративной социальной ответственности. Кроме того, подписание данного соглашения позволило компании укрепить диалог с Международной федерацией металлистов и Международной организацией труда.

Важным фактором заключения рамочного соглашения послужило функционирование институтов социального партнерства в Европе, в частности в Германии. Сильные традиции социального диалога в Германии, система кодетерминации (co-determination)¹ и модель конфликтного сотрудничества (“Konfliktpartnerschaft” model), принятая на многих предприятиях Германии, способствовали гармоничному внедрению идеи заключения глобального рамочного соглашения [6].

¹ Кодетерминация, совместное принятие решений (форма участия работников в управлении компанией – промышленная демократия), особенно распространенная в Германии; предполагает, что на предприятиях с численностью персонала более 2000 чел. число представителей работников и акционеров в совете директоров должно быть одинаковым.

Основные участники и процесс заключения соглашения

Основными участниками в процессе заключения соглашения выступили: менеджмент компании (департамент по работе с персоналом), Международная федерация металлистов (IMF) и Всемирное объединение производственных советов компании (World Employee Committee). Немаловажную роль в процессе принятия соглашения сыграл также отраслевой (промышленный) профсоюз Германии «ИГ Металл» (*IG Metall*).

Основными функциями Всемирного объединения производственных советов компании, образованного в 2002 г., стали международная информационная работа, консультирование и развитие солидарности и сотрудничества в сфере защиты прав и интересов работников предприятий, входящих в состав транснациональной компании «DaimlerChrysler». В составе объединения насчитывается 13 членов, представляющих права и интересы работников компаний, входящих в концерн.

Всемирное объединение производственных советов компании стало инициатором подписания рамочного соглашения. Основным партнером в переговорах со стороны менеджмента компании выступил департамент по работе с персоналом. Менеджмент компании достаточно позитивно отнесся к идее подписания глобального соглашения. Сам факт подписания соглашения воспринимался менеджментом как преимущество перед конкурентами, поскольку соглашение послужило механизмом укрепления принципов корпоративной социальной ответственности и укрепления имиджа компании на мировом рынке.

В процессе подготовки соглашения и ведения переговоров необходимо отметить важную роль Международной федерации металлистов и

немецкого отраслевого профсоюза (IG Metal). Обе организации приняли активное участие в разработке проекта соглашения, обсуждении его содержания, отслеживали его выполнение. В частности, Международная организация металлургов разработала модель текста соглашения, а отраслевой профсоюз подготовил рекомендации по мониторингу выполнения соглашения [5; 10].

Мониторинг выполнения соглашения

Процедура мониторинга выполнения соглашения построена следующим образом. Информация о нарушениях или неисполнении договора поступает от локальных производственных советов, действующих на предприятии, или от отраслевого профсоюза к головной организации — Всемирному объединению производственных советов (ВОПС). В свою очередь представители ВОПС составляют официальный запрос менеджменту головной компании с просьбой рассмотреть причины нарушений и принять соответствующие меры. Менеджмент головной компании, как правило, напрямую обращается к региональным подразделениям, дочерним компаниям или же к компаниям-поставщикам с целью разрешения конфликта.

Глобальное рамочное соглашение между компанией «ОАО Лукойл» и Международной федерацией профсоюзов работников химической, горно-добывающей промышленности, энергетики и других отраслей (ICEM)

Краткая характеристика глобального рамочного соглашения

Глобальное рамочное соглашение было подписано с Международной федерацией профсоюзов работников химической, горно-добывающей промышленности, энергетики и других отраслей (ICEM) в 2004 г. Соглашение включает принципы социальной ответственно-

сти глобального договора ООН, а также основополагающие права и принципы в сфере труда, разработанные Международной организацией труда. Текст соглашения по многим параметрам признан одним из лучших среди соглашений, подписанных Международной федерацией профсоюзов работников химической и горно-добывающей промышленности, энергетики и других отраслей (ICEM).

ICEM дал достаточно высокую оценку соглашению, заключенному с компанией «ОАО Лукойл» как первой из российских компаний, признавших принципы защиты прав работников на международном уровне [3].

Контекст соглашения

Первым шагом к подписанию договора можно считать создание кодекса корпоративной социальной ответственности компании «ОАО Лукойл» в 2002 г. и регулярное издание отчетов социальной ответственности. Среди факторов, оказавших значительное влияние на решение о подписании соглашения, можно назвать следующие: рост компании и необходимость укрепления имиджа на международном уровне, увеличение числа работников компании, находящихся за пределами РФ, и возможность привлечения отраслевых профсоюзов к решению профсоюзных вопросов на предприятии.

Рост численности работников компании, исполняющих трудовые функции за пределами РФ, привел к постановке вопроса о создании унифицированной политики представления интересов и защиты прав работников компании в России и за ее пределами. В 1994 г. была создана Международная ассоциация профсоюзных организаций компании ОАО «Лукойл», цель работы которой состоит в разработке, осуществлении и координации политики компании в сфере представления интересов работников всех подразделений компании, в том числе на-

ходящихся за пределами России. В основе создания организации лежал принцип: «Один работодатель — одна профсоюзная организация». Численность членов профсоюза составляет около 140 тыс. человек, входящих в состав 280 первичных профсоюзных организаций. В рамках работы ассоциации в 2004 г. была проведена международная конференция «Социальная политика, трудовые отношения и стратегии профсоюзов в транснациональных компаниях».

Основные участники и процесс заключения соглашения

Переговоры о заключении соглашения были начаты между московским офисом Международной федерации профсоюзов работников химической и горно-добывающей промышленности, энергетики и других отраслей (ICEM) и представителями компании (Международная ассоциация профсоюзных организаций компании ОАО «Лукойл»).

Основными участниками в работе над соглашением со стороны менеджмента компании выступили департамент по работе с персоналом и департамент по работе с общественностью. В обсуждении соглашения приняли участие также сотрудники основных подразделений компании. Определяющим мотивом заключения договора со стороны менеджмента являлось укрепление отношений с глобальными федерациями профсоюзов и международной профсоюзной сетью. Позиция менеджмента относительно заключения соглашения отражена в одном из пресс-релизов компании: «Сегодняшний документ — это первое глобальное соглашение, которое ICEM подписал с компанией из Восточной Европы. То, что одна из самых мощных профсоюзных организаций мира готова сотрудничать с нами, свидетельствует о том, что ОАО «Лукойл» не только строго соблюдает российское законодательство о труде, но и со-

ответствует международным стандартам трудовых отношений» [12].

Как уже было отмечено выше, со стороны профсоюзов основными участниками соглашения стали: Международная федерация профсоюзов работников химической, горно-добывающей промышленности, энергетики и других отраслей (ICEM) и Российский профсоюз работников нефтяной, газовой отраслей промышленности и строительства (НГСП).

ICEM является одной из лидирующих организаций среди глобальных федераций профсоюзов по числу заключенных соглашений. К настоящему моменту заключено около 11 подобных соглашений. Особенностью стратегии ICEM (в отличие от Международной федерации металлистов) является непосредственное участие международной федерации в процессе заключения соглашения, в то время как Международная федерация металлистов участвует в заключении соглашений опосредованно, через производственные советы компаний.

Мониторинг выполнения соглашения

Процедура мониторинга выполнения договора состоит в организации ежегодных встреч с представителями всех сторон, подписавших соглашение: Международной федерации профсоюзов (ICEM), НГСП и менеджмента компании. С целью организации таких встреч были проведены следующие мероприятия:

- в 2007 г. — встреча на высшем уровне между президентом компании и генеральным секретарем Международной федерации профсоюзов с целью продления и обновления соглашения;
- в 2006 г. — круглый стол руководителей компании с представителями Международной ассоциации профсоюзных организаций компании по вопросам безопасности труда [13];

- в 2005 г. — международная научно-практическая конференция «Социальная политика, трудовые отношения и стратегии профсоюзов транснациональных компаний» [14].

Заключение

Цель данной статьи состояла в определении факторов, способствующих заключению глобальных рамочных соглашений в разных институциональных условиях развития трудовых отношений; рассматривались модель континентальной Европы, представленная немецкой традицией социального диалога, и трансформирующаяся модель российского социального партнерства. Для сравнительного анализа были выбраны две компании, заключившие подобные соглашения: немецкая компания «Daimler AG» и российская компания «ОАО Лукойл». В результате работы были выявлены как схожие, так и отличительные факторы заключения глобальных соглашений. Анализ данных факторов проводился в системе координат, состоящей из трех компонент: условия внешней среды, мотивы компании (позиция менеджмента) и роль структур, представляющих интересы работников.

Важным фактором внешней среды, который способствовал заключению соглашений как в России, так и в Германии, стало расширение деятельности компаний, освоение новых рынков и позиционирование себя как крупных международных корпораций. В данных условиях заключение глобального рамочного соглашения рассматривалось как инструмент укрепления имиджа обеих компаний, являющихся значимыми на международном уровне не только в сфере бизнеса, но и в сфере трудовых отношений. Заключение глобальных рамочных соглашений способствовало закреплению принципов социальной ответственности компаний и разви-

тию отношений с глобальными федерациями профсоюзов.

В то же время следует отметить некоторые отличительные факторы, имевшие значение для заключения глобальных рамочных соглашений в разных институциональных контекстах. В частности, опыт немецкой компании показал весомую роль отраслевого профсоюза и производственных советов, представляющих интересы работников на уровне предприятия, в процессе заключения и выполнения соглашений. Кроме того, благоприятным фактором заключения соглашения немецкой компанией стал общий контекст развития социального диалога в Европе, внедрение программ Европейского союза и создание Европейских производственных союзов предприятий [1; 2].

Что касается российской компании, то следует отметить, что заключение глобального соглашения проходило в условиях трансформирующейся системы трудовых отношений, роль профсоюзных организаций на уровне отрасли и предприятия можно охарактеризовать как вторичную. В частности, в переговорах о заключении рамочного соглашения большее влияние на начальном этапе оказали региональные представители Международной профсоюзной федерации ICEM.

В целом анализ полученных данных позволил выделить две модели заключения соглашений. Первая основана на традиции европейской модели социального диалога, сильной позиции отраслевых профсоюзов и производственных советов, представляющих интересы работников на уровне предприятия. Для второй модели заключения соглашения характерна активная включенность региональных представителей Международной федерации профсоюзов, ведущих переговоры непосредственно с менеджментом компании. Роль отраслевых профсою-

зов на национальном уровне является второстепенной. Выделение двух моделей заключения соглашения основано также на идентификации церемониальной и функциональной роли соглашений. Для немецкой компании приоритетна функциональная роль соглашения, состоящая в выявлении случаев нарушения прав работников на предприятиях, входящих в состав международного концерна «Daimler AG». Подписание соглашения компанией «Лукойл» скорее носило церемониальный характер, оно продемонстрировало приверженность компании международным стандартам в сфере трудовых отношений.

Список литературы

1. Council Directive 94/45/EC. 1994. URL: http://ec.europa.eu/employment_social/social-dialogue/labour/directive9445/9445euen.htm (дата обращения: 12 декабря 2009).
2. European Works Councils — Facts and Figures 2006, ETUI-REHS, URL: http://www.etuirehs.org/research/activities/workers_representation/books/ewc_facts_and_figures#desc (дата обращения: 12 декабря 2009).
3. ICEM press release. 2004. № 24. URL: <http://www.icem.org/en/77-All-ICEM-News-Releases/1137-ICEM-Russian-Affiliate-Lukoil-Sign-Global-Agreement> (дата обращения: 11 ноября 2009).
4. ICEM Global Info, URL: <http://www.icem.org/en/67-Search-ICEM-site?keywords=icem+global+info> (дата обращения: 19 января 2010).
5. Guidelines for Implementing and Monitoring an International Framework Agreement, IG Metall, International/Europe Department. Frankfurt, 2006.
6. Kadler, J. & Sperling, H.J., The transnationalization of companies and their industrial relations, in *New transnational Social Spaces. International migration and transnational companies in the early twenty-first century*, Ludger Pries. London, 2001. P.145-163.
7. Papadakis, K. Cross-border Social Dialogue and Agreements: An Emerging Global Industrial Relations Framework? ILO, Geneva, 2008. 291 p.
8. Yin, R. K., Case Study Research, 3rd edn. London, England: Sage Publications, 2003. 181 p.
9. Декларация фундаментальных принципов и прав в сфере труда МОТ, URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---declaration/documents/publication/wcms_095898.pdf (дата обращения: 11 января 2010).
10. Международное рамочное соглашение МФМ, URL: http://www.imfmetal.org/files/05120519025823/Model_IFA_rus.pdf (дата обращения: 26 ноября 2008).
11. Международные рамочные соглашения: глобальный инструмент в сфере защиты прав работников, URL: http://www.ilo.org/global/About_the_ILO/Media_and_public_information/Press_releases/lang--en/WCMS_080723/index.htm (дата обращения: 17 января 2010).
12. Пресс-релиз компании ОАО Лукойл (12.05.2004), URL: http://www.lukoil.ru/press.asp?div_id=1&year=2004 (дата обращения: 25 декабря 2009).
13. Пресс-релиз компании ОАО Лукойл (29.11.2006), URL: http://www.lukoil.ru/press.asp?div_id=1&id=975&year=2006 (дата обращения: 25 декабря 2009).
14. Пресс-релиз компании ОАО Лукойл (20.10.2005), URL: http://www.lukoil.ru/press.asp?div_id=1&id=796&year=2005 (дата обращения: 25 декабря 2009).
15. Прогрессивный институт политики, URL: http://www.ppionline.org/ppi_ci.cfm?knlgAreaID=108&subsecID=900003&contentID=253303 (дата обращения: 21 января 2010).

THE FACTORS FAVOURABLE TO NEGOTIATION OF THE GLOBAL
FRAMEWORK AGREEMENTS (COMPARATIVE CASE STUDY
OF RUSSIAN AND GERMAN COMPANIES)

E. Plotnikova

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

This article aims to analyse favourable factors to conclusion of the international framework agreements in industrial relations. It focuses on different institutional contexts of negotiation of agreements looking at the cases of German (Daimler AG) and Russian (Lukoil) companies. This research is carried out in qualitative tradition using case-study approach.

Key words: international (global) framework agreements; labour relations⁴ case study.

УДК 317.354:331.105.44 (470.53)

РАБОТОДАТЕЛИ В СОЦИАЛЬНОМ ПАРТНЕРСТВЕ РЕГИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Е.Ю. Подоляк

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: podolyak@gmail.com

В статье анализируется деятельность работодателей как стороны социального партнерства в сфере социально-трудовых отношений в России. Рассмотрен региональный уровень на примере Пермского края.

Ключевые слова: работодатели; социальное партнерство; трехстороннее соглашение; профсоюзы.

Трудовой кодекс РФ в разделе II «Социальное партнерство в сфере труда» (ст. 23-55) в ст. 23 определяет социальное партнерство как систему взаимоотношений между работниками (их представителями), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленных на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам трудовых и непосредственно связанных с ними отношений [1].

Эффективность социального партнерства в сфере труда определяется деятельностью его субъектов (сторон) — представителей работников (профсоюзов), представителей работодателей (и их объединений), органов государственной власти. В данной статье внимание акцентируется на одной стороне — работодателях, анализ проводится применительно к региональному уровню, Пермскому краю.

Пермский край стоит у истоков формирования отношений социального партнерства в России, начало этого процесса относится к 1991

г., когда было заключено первое двустороннее соглашение и создана первая в России согласительная комиссия по его реализации. Начиная с 1992 г. отношения становятся трёхсторонними, в других же регионах на протяжении 1991-1995 гг. социальное партнерство продолжает носить двусторонний характер: взаимоотношения профсоюзов и государства.

Включенность работодателей в социальное партнерство, сотрудничество с представительными органами работников позволяет более эффективно использовать рабочую силу и получать прибыль посредством снижения социальных издержек, вызванных социальной напряженностью.

На региональном уровне такой стороной (субъектом) являются региональные объединения работодателей. В Пермском крае они представлены следующим образом:

- региональное объединение работодателей Пермского края «Сотрудничество» (далее — РОР ПК «Сотрудничество»);
- Агропромышленный союз;

- Пермская гильдия добросовестных предприятий;
- Пермская торгово-промышленная палата;
- ассоциация «Пермские строители».

Все вышеперечисленные объединения участвуют в социальном партнерстве через деятельность трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений в Пермском крае. Однако именно РОР ПК «Сотрудничество» главной задачей деятельности, определенной п. 3.2.1. устава, ставит «развитие социального партнерства, обеспечение участия работодателей в формировании и проведении согласованной политики в сфере социально-трудовых и связанных с ними экономических отношений» [1]. Президент указанного объединения подписывает от имени работодателей трехсторонние соглашения «О взаимодействии в области социально-трудовых отношений в Пермском крае» и является координатором трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений в Пермском крае.

Представляется обоснованным выделить следующие количественные показатели развития представительных органов работодателей:

- 1) доля предприятий/организаций, состоящих в объединениях работодателей, в общей численности предприятий/организаций;
- 2) доля населения, занятого на предприятиях/организациях, состоящих в объединениях работодателей, в общей численности занятого населения.

Несмотря на объективные ограничения, связанные с измерением в количественных показателях, считаем их достаточно значимыми. При этом оба указанных показателя развития представительных органов работодателей невысокие для Пермского края.

Существенной проблемой является создание объединений работодателей на территориальном уровне путем образования новых и ре-

организации существующих ассоциаций предприятий на территориальном уровне. Если на федеральном и региональном уровнях объединения являются действующими, то территориальный уровень, по сути, не является в соответствии с ФЗ «Об объединениях работодателей» легитимным.

Согласно Федеральному закону «Об объединениях работодателей» такие объединения создаются на добровольной основе работодателями, их деятельность также «осуществляется на основе принципа добровольности вступления в него и выхода из него работодателей и (или) их объединений» [2]. Независимость объединений гарантирована ст. 6 указанного закона. При этом закон «Об объединениях работодателей» в части прав членов объединений и самих объединений работодателей не мотивирует их к созданию, объединению. Закрепленное ст. 2 указанного закона право «работодателей на объединение в целях развития социального партнерства» в реальности развитию социального партнерства не способствовало, так как усложнило взаимодействие территориальных профсоюзных организаций и муниципальных органов государственной власти, в частности, по вопросам подписания и реализации трехсторонних соглашений «О взаимодействии в области социально-трудовых отношений».

В Пермском крае усугубляет сложившуюся ситуацию реорганизация и упразднение в 2005 г. органа, регулирующего стороны социального партнерства в вопросах трудовых отношений, — управление труда Пермской области.

Кроме того, принципиальным является наложение ряда обязательств на членов объединения, исполнение которых предполагает организационно-правовая форма «объединение работодателей». Среди таких обязательств — участие в переговорных процессах со сторонами социального партнерства, принятие на себя дополнительных обязательств и администра-

тивной ответственности за их исполнение. По нашему мнению, этот фактор является определяющим в нежелании действующих в настоящее время в территориях различных по форме объединений организаций и предприятий провести перерегистрацию с учетом требований Федерального закона и стать легитимной стороной социального партнерства в сфере социально-трудовых отношений.

В целом мотивационные установки вступления в объединения работодателей можно условно разделить на экономические, политические, социальные. К экономическим мы относим возможность лоббирования интересов бизнеса через органы социального партнерства, к политическим — использование корпоративного ресурса при выборах в органы государственной власти, к социальным — в частности, повышение социального статуса. Однако эти мотивы сильны на федеральном и региональном уровнях социального партнерства. На территориальном они ослабевают, т.к. на уровне муниципалитетов возможности реализовывать указанные экономические, политические и социальные интересы практически отсутствуют ввиду того, что муниципальная власть ограничена в реализации решений проблем бизнеса. Поэтому градообразующие предприятия по большей части входят в состав РОП ПК «Сотрудничество», а не в территориальные объединения работодателей и реализуют свои интересы посредством членства в нем.

Кроме того, согласно федеральному законодательству объединения работодателей — это юридические лица, которые финансируются за счет членских взносов предприятий, входящих в их состав. Ряд предприятий уже является членами регионального объединения работодателей, а также отраслевого, общероссийского. Такое вхождение в несколько общественных объединений, предполагающее уплату членских взносов в каждое из них, является

достаточно обременительным в финансовом плане, в связи с чем вопрос о вступлении в территориальные объединения решается, как правило, отрицательно. Более того, членские взносы предприятия могут платить только из средств собственной прибыли, что существенно ограничивает количество потенциальных участников объединений работодателей.

Несмотря на положения ФЗ «Об объединениях работодателей», предусматривающие, что «объединения работодателей осуществляют свою деятельность независимо от органов государственной власти, органов местного самоуправления, профессиональных союзов и их объединений, политических партий и движений, других общественных организаций (объединений)» [3], по мнению заместителя генерального директора РОП ПК «Сотрудничество», высказанному в процессе прикладного социологического исследования, проведенного автором статьи, *«определяющим условием создания территориальных объединений работодателей является позиция главы муниципального образования».*

Проблема объединения работодателей являлась актуальной с момента формирования системы социального партнерства, однако с принятием в 2002 г. Федерального закона «Об объединениях работодателей» она обострилась. Начиная с 2004 г. на заседаниях трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений рассматривается вопрос о деятельности по созданию территориальных объединений работодателей Пермского края, однако существенных изменений в этом вопросе не произошло.

Такая ситуация дает основание одним хозяйственным руководителям уклоняться от выполнения условий, предусмотренных трехсторонним соглашением или решениями краевой трехсторонней комиссии, а другим — критиковать трехстороннюю комиссию за то, что в

рамках ее деятельности рассматриваются проблемы лишь отдельных отраслей и предприятий. Таким образом, как и в других регионах, в Пермском крае проблема отсутствия достаточно представительного союза работодателей весьма актуальна.

Учитывая то, что важнейшей из проблем функционирования системы социального партнерства является охват максимального числа участников, все стороны социального партнерства напрямую заинтересованы в создании объединений работодателей на отраслевом региональном и территориальном уровнях, что позволит профсоюзам и органам государственной власти обрести полноценного социального партнера и институционализировать отношения с работодателями.

Несмотря на указанные сложности, сильной стороной бизнеса в социальном партнерстве является его способность обеспечить финансовыми и во многом политическими ресурсами функционирование социального партнерства и решений, принятых его субъектами.

От выборов к выборам наблюдается положительная динамика увеличения количества представителей работодателей в органах законодательной власти Пермского края, что вполне можно считать опосредованным правом законодательной инициативы. В настоящее время пятнадцать представителей объединения работодателей избраны депутатами Законодательного собрания Пермского края, в абсолютном большинстве комитетов и рабочих группах администрации края, органов законодательной власти присутствуют представители работодателей. Президент объединения работодателей является членом консультативного совета и членом экономического совета при губернаторе. Возможности влияния РОР ПК «Сотрудничество» на исполнительную и законодательную власть в регионе достаточно существенны. Вследствие того что количество связанных с

указанным объединением работодателей депутатов составляет большинство в Законодательном собрании Пермского края, РОР ПК «Сотрудничество» имеет реальные возможности влияния на законодательное оформление многих решений, в том числе касающихся и социально-экономической сферы.

В отличие от объединений работодателей, в составе Законодательного собрания Пермского края нет ни одного представителя профсоюзов. Пытаясь компенсировать это упущение, краевой совет профсоюзов заключает договоры о деловом сотрудничестве с кандидатами в депутаты, которые по существу являются представителями регионального объединения работодателей Пермского края «Сотрудничество». На 01.02.2010 заключены договоры о деловом сотрудничестве с четырнадцатью депутатами Законодательного собрания Пермского края. Между тем анализ текстов указанных договоров выявляет их формальный характер, отсутствие обязательств будущего депутата по поддержке и продвижению в Законодательном собрании профсоюзных инициатив. Договоры не предусматривают отчета сторон по результатам совместной деятельности и приобретают актуальность только в период предвыборных кампаний. При этом профсоюзы выполняют свои обязательства по поддержке кандидатов в полной мере, что подтверждается экспертами и показал анализ документов по этому вопросу. Например, во время избирательной кампании по выборам депутатов Законодательного собрания Пермского края подготовлена и доведена до членских организаций платформа Пермского краевого совета профсоюзов на выборы депутатов Законодательного собрания Пермского края. Президиум рассмотрел 3 вопроса по выборам депутатов Законодательного собрания Пермского края: «Об участии профсоюзов в избирательной кампании» (23.06.2006), «О кандидатах в Законодательное Собрание Пермско-

го края, поддержанных членскими организациями» (27.10.2006), «О ходе выполнения постановления от 27.10.2006 г.» (23.11.2006). Проведены: селекторное совещание, встречи с избирательными штабами кандидатов в депутаты, выпущена листовка «Голосуем за достойных», в газете «Профсоюзный курьер» была рубрика «Навстречу выборам», осуществлялось юридическое и методическое сопровождение выборной кампании. В членские организации были направлены материалы о платформах депутатов, избранных в Законодательное собрание Пермского края первого созыва

Сравнительный исторический обзор институционализации социального партнерства в мире, и в России в частности, показал, что ни в одной из стран мира и ни в одном из регионов России, а также и на федеральном уровне становление социального партнерства не было связано с развитием официальных объединений, ассоциаций работодателей и предпринимателей. Объединения работодателей формировались и до сих пор формируются по большей части не из внутренней необходимости и целесообразности, а как следствие административного процесса, во многом иницируемого и поддерживаемого государством и профсоюзами. Если профсоюзы не только представляют собой субъект, сторону отношений социального партнерства, но и сами выражают трудовое отношение работников, объединения работодателей на современном этапе развития социального партнерства — по большей части лишь формальные организации, не являющиеся социальным институтом.

Кроме того, в современной экономической ситуации наблюдается отсутствие масштабной политики модернизации производства, которая явилась бы экономической предпосылкой эффективного функционирования социального партнерства как социального института, а не как субститута. В условиях экономической от-

сталости и низкой производительности труда, связанной с высоким износом и устареванием оборудования, работодатели не сталкиваются с организованным коллективным контролем со стороны работников, поскольку он не развивается по причине общей стагнации производственных сил. Отсутствие сильной солидарной оппозирующей стороны не мотивирует работодателей к объединению.

Анализ деятельности объединений работодателей представляется возможным провести также исходя из содержания заключаемых соглашений (коллективных договоров, отраслевых соглашений, территориальных, региональных, генерального). Анализ содержания территориальных соглашений, заключенных в период с 1993 по 2008 г., показывает, что обязательства работодателей во многом дублируют требования законодательства. Более того, часто в соглашения включаются положения, обязывающие работодателей исполнять существующие нормы права.

Некоторые разделы соглашений, такой, например, как «Развитие экономики», включает в себя меры поддержки отдельных отраслей и производств. Так, некоторые региональные соглашения Кемеровской, Ульяновской, Самарской, Пермской, Курганской областей, Республики Татарстан содержат обязательства администрации по осуществлению помощи аграрному сектору. В ряду других отраслей, для которых предусмотрена поддержка, следует отметить: текстильную и легкую (Пермский край), лесную и автотранспортную (Свердловская область), предприятия оборонного комплекса и конверсионные производства (Свердловская и Курганская области, Республика Татарстан), а также угольную отрасль промышленности и строительный комплекс (Кемеровская область). Таким образом, благодаря трехсторонним соглашениям некоторые работодатели получают дополнительные возможности

для лоббирования своих отраслевых интересов, поэтому этот раздел для них представляет особый интерес.

В разделе «Занятость населения и развитие рынка труда» обязательства работодателей практически не выходят за рамки, предусмотренные федеральным законодательством.

В разделе «Охрана труда, экологическая безопасность» определены общие подходы к регулированию отношений в области охраны труда на предприятиях и в организациях региона, проведению единой политики в сфере окружающей среды и обеспечению её безопасности. Обязательства работодателей в этом разделе также во многом дублируют требования законодательства.

Содержание раздела «Оплата труда и ее тарифное регулирование» условно можно разделить на две части: обязательства сторон в отношении работников бюджетной и внебюджетной сферы. Что касается первой категории трудящихся, то документы обычно включают два основных момента. Во-первых, обязательства администрации по своевременной выплате заработной платы. Во-вторых, положения, предусматривающие периодическое повышение заработной платы (ориентиром при этом часто выступает средний уровень оплаты труда в промышленности). Подготовка этого раздела вызывает наибольшие трудности и конфликты между сторонами, однако в окончательный текст соглашения соответствующие пункты зачастую входят в редакции, фактически ни к чему стороны не обязывающей.

Проведенный анализ показал, что по целому ряду направлений социальной защиты региональные соглашения практически не расширяют рамки социальных прав и гарантий, дублируя законодательные нормы и положения соглашений вышестоящего уровня. В большинстве случаев в связи с отсутствием в соглашениях реальных механизмов выполнения обяза-

тельств, принятых участниками социального диалога, их можно рассматривать лишь как «декларации о намерениях». Обязательства по наиболее острым и насущным проблемам вносятся в формулировках, которые фактически ни к чему не обязывают ни одну из сторон социального партнерства, в том числе работодателей.

В связи с тем что особых успехов в диалоге субъектов достигнуть не удастся, фокус региональных соглашений смещается с собственно трудовых отношений на социальные в самом широком смысле этого слова. При этом сами соглашения приобретают весьма специфическую форму социального контракта, где сторона работодателей берет на себя обязательства придерживаться норм, предусмотренных законодательством, сторона правительства закрепляет в соглашении уже принятые решения о разработке региональных программ, выделении средств и т.п., а профсоюзы занимают позицию наблюдателя и контролера над этим процессом.

Помимо этого, существенным фактором, замедляющим развитие системы социального партнерства, является также отсутствие механизма увязки отраслевых тарифных соглашений с территориальными.

Таким образом, работодатели как субъект социального партнерства имеют ряд внутренне присущих противоречий. С одной стороны, в региональных объединениях они представлены градообразующими предприятиями, руководителями которых зачастую являются депутатами Законодательного собрания края или городской думы и имеют «политический вес», финансовые возможности, с другой стороны, работодатели и их объединения не имеют возможностей реального влияния на изменение экономической и законодательной ситуации через социальное партнерство. Являясь доминирующим субъектом локального уровня социального партнерства, работодатели (их объединения) не

являются таковым на региональном и федеральном уровнях. По нашему мнению, это наиболее слабый субъект социального партнерства данных уровней. Органы социального партнерства зачастую выступают для работодателей обременением, рассматриваемые вопросы в большей степени касаются бюджетной, а не промышленной сферы, вследствие чего позиция работодателей является наблюдательной.

В целом, для развития коллективно-договорного регулирования трудовых отношений и развития системы социального партнерства необходимо развивать региональные объе-

динения работодателей и их интеграцию на федеральном уровне.

Список литературы

1. Устав РОР ПК «Сотрудничество» / <http://www.sotrudn.ru/doc.htm>
2. Федеральный закон от 27.11.2002 № 156-ФЗ (ред. от 01.12.2007) «Об объединениях работодателей» (принят ГД ФС РФ 30.10.2002). Ст. 5, п. 1.
3. Федеральный закон от 27.11.2002 № 156-ФЗ (ред. от 01.12.2007) «Об объединениях работодателей» (принят ГД ФС РФ 30.10.2002). Ст. 6, п.1.

EMPLOYERS IN SOCIAL PARTNERSHIP OF REGION LEVEL (BASED ON AN EXAMPLE OF PERM REGION)

E. Podolyak

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

This article analyses employers' activities as a side in a system of social partnership. Author is focused on a regional level of the system of social partnership in Russia, basing on an example of Perm region.

Keywords: employers; social partnership; the tripartite agreement; trade unions.

УДК 316.334.22

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)*

Е.Б. Плотникова

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, Букирева, 15
e-mail: plotnikova1958@yandex.ru

Рассматриваются основные черты протестного поведения работников промышленных предприятий, проанализированы детерминанты протестной активности, выявлены основные виды протестных действий и отношение к ним работников.

Ключевые слова: социальный протест; детерминанты; виды протеста.

В статье представлены результаты комплекса социологических исследований: формализованного опроса на пяти промышленных предприятиях Пермского края, проведенного методом анкетирования в июне-июле 2009 г., и глубинных интервью с работниками промышленных предприятий Пермского края. Объем выборочной совокупности в формализованном опросе составил 949 чел. Критериями отбора работников для глубинных интервью стали: профессиональный статус (рабочий) и стаж работы (не менее трех лет на данном предприятии). Всего было проинтервьюировано 70 рабочих промышленных предприятий Пермского края.

Были поставлены следующие задачи исследования: выявление характеристик социальных установок рабочих относительно различных форм социального протеста, определение ре-

пертуара их возможных действий в конфликтных ситуациях на производстве, оценивание готовности использования протестных действий для защиты своих интересов в рамках трудовых отношений и мотивации их участников, исследование факторов, детерминирующих протестную активность рабочих.

Началом протестного движения в современной России принято считать 1989 г. Именно тогда, в условиях угасающей советской системы, коллективы добывающих предприятий первыми выступили на защиту своих интересов. Апогея коллективные действия рабочих достигли в 1997 г. С тех пор протестное движение пошло на убыль. Стабилизация экономической ситуации в середине 2000-х гг., дефицит кадров на рынке труда не способствовали росту классового сознания рабочих. Однако начавшийся во второй половине 2008 г. экономиче-

© Плотникова Е.Б., 2010

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 09-03-00206 а)

ский кризис серьезно изменил положение рабочих, что подтверждают, в частности, материалы проведенных исследований.

Детерминантами протестной активности являются группы факторов, во-первых, личного порядка, во-вторых, касающиеся условий и организации труда на предприятии. К группе личностных факторов относятся социально-демографические, квалификационные характеристики рабочего, его место относительно ключевых позиций в производственном процессе, характер выполняемых трудовых функций, социальное самочувствие в сферах материального благосостояния и трудовой занятости. К условиям и организации труда, вызывающим протестные действия, относятся снижение уровня заработной платы, задолженность предприятий по ее выплате, сокращение времени рабочей недели, урезание социального пакета и др.

Результаты исследований, проведенных ВЦИОМ (1997 г.), свидетельствуют о том, что участвовать в акциях протеста намерены преимущественно работники со средним образованием, в возрасте от 40-50 лет, неквалифицированные рабочие [1]. В исследованиях, проведенных в 2009 г., портретные характеристики работников, готовых участвовать в протестных действиях, практически не изменились: расширились лишь возрастные границы. Все возрастные группы показали готовность к протестным выступлениям, но в большей степени готовы протестовать работники возрастной группы «61 год и старше».

В рамках «депривационного» подхода [2] протестная активность рассматривается как проекция экономической депривации, под которой понимается падение уровня жизни работников в целом под воздействием экономи-

ческих факторов: рост цен, инфляция, снижение уровня зарплаты и др. Финансово-экономический кризис оказал существенное негативное влияние на социально-экономическое положение работников и их семей. Так, например, среднедушевые доходы в семьях работников обследуемых предприятий¹ находятся на уровне 4400 руб., т.е. едва обеспечивают уровень прожиточного минимума. Проведенное исследование показало, что свыше половины опрошенных относятся к семьям с доходами ниже среднего: 17% отметили, что вынуждены брать в долг для приобретения самого необходимого («бедные»), 43% – что денег им хватает только на продукты питания, а покупка одежды вызывает финансовые затруднения («нуждающиеся»). Для трети участников опроса имеющиеся доходы обеспечивают возможность приобретения одежды и продуктов («обеспеченные»). Сравнительно высокое материальное положение наблюдается лишь у 6% респондентов.

Протестное поведение работников представляет собой реакцию на негативные изменения основных элементов производственной ситуации, ущемление их социально-трудовых прав, сокращение или лишение возможностей удовлетворять основные жизненные потребности. Ухудшение экономической ситуации на предприятиях негативно сказалось на положении работников. В первую очередь это касается условий труда, гарантий занятости. Работодатели активно привлекают работников к труду, не соответствующему уровню их квалификации, не обеспечивают необходимой безопасности труда. Самыми распространенными оказа-

лись факты ухудшения условий труда и привлечения к работе, не соответствующей профессиональным обязанностям. За последние полгода с подобными ситуациями сталкивался каждый третий из числа опрошенных. Последнее из указанных нарушений стало особенно активно использоваться работодателями в период кризиса, поскольку оно не приводит к немедленным социальным последствиям (росту социальной напряженности в коллективе, протестным действиям, повышению внимания властных структур к деятельности работодателя), но позволяет адаптироваться к ухудшившейся экономической ситуации, оптимизировать собственные издержки. Последствия таких действий работодателей носят отсроченный характер. Высококвалифицированные кадры, вынужденные заниматься несвойственной работой, негативно относятся к содержанию своего труда; снижается уровень их удовлетворенности работой в целом. В долгосрочной перспективе это ведет к падению эффективности, ухудшению качества выпускаемой продукции.

Распространенность других ситуаций, свидетельствующих об ухудшении элементов производственной среды, несколько меньше. Наличие фактов привлечения к сверхурочной работе, отсутствия необходимой спецодежды, работы в условиях, угрожающих жизни и здоровью, были указаны в 20% собранных анкет. Примерно столько же респондентов отметили, что столкнулись с угрозой увольнения, вынуждены были уйти в отпуск без сохранения заработной платы. Ответы респондентов, полученные в глубинных интервью, дополняют эти вы-

воды. Реже всего респонденты сталкивались с фактами задержек заработной платы. О наличии таких нарушений заявили чуть более 10% опрошенных.

Среди нарушений, оказывающих негативное воздействие на положение работников, отчетливо выражена тенденция к снижению гарантий занятости. Практически треть работников столкнулась с угрозой увольнения либо вынуждена уйти в неоплачиваемый отпуск. Ухудшение положения работников связано с привлечением к работе, не соответствующей имеющемуся уровню квалификации, а также с опасными условиями труда (33 и 22% соответственно). Вот выдержки из интервью с рабочими:

«Работодатель через дополнительное соглашение к трудовым договорам гарантирует не 40-часовую рабочую неделю, т.е. 160-часовой рабочий месяц, а только 80 часов в месяц гарантированной оплаты работы. Это также в обход 157-й статьи Трудового кодекса, где предусматривается оплата работы, простоя по вине работодателя 2/3 средней зарплаты. При суммированном учете рабочего времени работодатель уходит от этой статьи и платит только за 80 часов. А все остальное работник сидит дома и ничего за это не получает»;

«было дополнение у нас по договорам, что переводим на неполный рабочий день»;

«старались выжить любыми путями. Даже теми путями, которые не популярны у работников (сокращения, переход на четырехдневку или на трехдневку). У них свои методы, непопулярные, конечно»;

«социальные выплаты все урезаны на 50%...суды, все внеплановые авансы ликви-

¹ Формализованный опрос проведен на 5 предприятиях металлургической отрасли Пермского края в 2009 г.

рованы... положение по внеплановым авансам утратило силу».

К другим переменным относят группу социальных факторов [3]. В социальных настроениях работников предприятий доминирует пессимизм в оценках происходящих изменений, что подтверждается результатами формализованного опроса. На основе ответов на три вопроса¹ был рассчитан индекс социальных настроений², отражающий совокупное восприятие социально-экономической обстановки в стране и по месту работы, а также ее влияние на положение конкретного работника. В целом по массиву значение индекса социального самочувствия составляет (-0,2) и свидетельствует о преобладании пессимистичных оценок собственной жизни. Однако в ощущениях людей просматривается надежда на то, что кризис достиг «дна» и дальше ухудшения ситуации не будет.

¹ «Если говорить в целом, как Вы оцениваете свою сегодняшнюю жизнь?»; «Если сравнивать с 2008 годом, Вы и Ваша семья стали жить лучше или хуже?»; «Как Вы думаете, в 2010 году Вы и Ваша семья будете жить лучше или хуже?»

² Для расчета индекса социального самочувствия каждому из вариантов ответа на три рассматриваемых вопроса присваивалось числовое значение. В вопросе «Если говорить в целом, как вы оцениваете свою сегодняшнюю жизнь» вариантам «отлично» и «хорошо» соответствовало значение +1, «удовлетворительно» – 0, «неудовлетворительно» – (-1). В вопросах о произошедших и ожидаемых изменениях позициям «значительно лучше» соответствовало значение +2, «несколько лучше» +1, «несколько хуже» – (-1), «значительно хуже» – (-2). В случае констатации отсутствия изменений присваивалось значение 0. Индекс рассчитывался по формуле

$$I = \frac{x_1 + x_2 + x_3}{5}, \text{ где } x_1 - \text{значение, соответствующее ха-}$$

рактеристике текущей ситуации, x_2 и x_3 – значения, соответствующие оценкам произошедших и ожидаемых изменений. Значения индекса изменяются в пределах [-1; 1], при этом отрицательные значения указывают на преобладание у респондентов социального пессимизма, а положительные – социально-

подавляющее большинство работников (свыше 90%) отметили, что события прошедшего 2008 г. оказали негативное воздействие на экономическое положение их предприятий. При этом практически две трети работников отмечают значительное ухудшение ситуации. Позитивные изменения заметили менее 5% опрошенных, примерно столько же полагают, что ситуация не изменилась.

Для оценки системы отношений между работниками и работодателями, сложившейся на исследуемых предприятиях, использовался ряд критериев, в основе которых лежат субъективные оценки по направлениям, характеризующим объективность оценки результатов труда, уровень конфликтности на производстве, степень открытости и демократизма руководства, включенности руководителей в проблемы трудового коллектива, взаимное позиционирование интересов работников и работодателя.

У работников сложилось понимание противоположности интересов с работодателем, что является необходимой предпосылкой формирования классового самосознания и организованных действий в защиту своих интересов. Кроме того, критике подверглась позиция работодателя — его нежелание объективно оценивать результаты труда, предоставлять работникам возможность открыто высказывать свое мнение.

Социально-экономическое положение работника, его позиция в системе производственных отношений оказывает сильное влияние на отношение к труду, которое, в свою очередь, определяет направленность трудовой активности работника, эффективность труда в целом.

го оптимизма; значения, близкие к 0, указывают на нейтральное настроение.

Халатное отношение к работе, распространение нарушений трудовой дисциплины может свидетельствовать о скрытом протесте – реакции на неудовлетворенность сложившейся ситуацией.

В качестве интегральной характеристики отношения к труду в исследовании рассматривалась удовлетворенность работой – эмоционально-оценочное отношение работника к выполняемой работе и условиям ее протекания. Опрос показал, что три из четырех участников исследования в той или иной мере удовлетворены своей работой (29% – в полной мере, 50% – частично). Противоположное мнение характерно для четверти участников исследования (14% частично не удовлетворены, 7% полностью не удовлетворены работой). Значение индекса удовлетворенности трудом¹ в целом по выборке составило 0,4.

Столь высокие оценки удовлетворенности трудом на фоне негативных социальных настроений свидетельствуют о том, что работники, несмотря на все недостатки, дорожат своим рабочим местом. Боязнь потерять работу, остаться без средств к существованию перекрывает в сознании рабочих все негативные факторы.

Отношение к труду находит отражение не только в субъективной сфере, но и в реальном трудовом поведении работников. В ходе исследова-

ния изучались как позитивные (участие в инновациях, рационализаторство, перевыполнение плана), так и негативные формы поведения (нарушение трудовой дисциплины, выпуск бракованных изделий, срыв сроков выполнения заданий). Респондентам была предложена серия вопросов о наличии указанных фактов в их поведении за последние три месяца.

Наиболее распространенными формами позитивного трудового поведения является превышение плановых показателей. Каждый пятый из числа опрошенных указал, что неоднократно трудился с опережением плана, примерно столько же отметили, что за последние три месяца они 1-2 раза перевыполняли плановые задания. Важно заметить, что перевыполнение плана не всегда свидетельствует о наличии позитивного настроения и инициативы в действиях рабочих. Данная ситуация может быть вызвана проблемами в организации трудового процесса на предприятии, санкционированным администрацией способом повышений заработной платы и т.д. Другие формы позитивного трудового поведения распространены на предприятиях несколько реже: примерно треть работников участвовала в инновациях (освоение новых видов продукции, внедрение новых технологических процессов), менее 20% – в рационализаторстве (внесение предложений по совершенствованию технологических процессов, рационализации производства, снижению затрат и пр.).

Исследование не выявило широкой распространенности негативных форм трудового поведения. Подавляющая часть опрошенных работников трудится в рамках нормативных тре-

¹ Значения индекса отражают соотношение численности работников, полностью удовлетворенных (n_1), частично удовлетворенных (n_2), частично не удовлетворенных (n_3) и полностью не удовлетворенных трудом (n_4). Значение индекса вычислялось по формуле $I = \frac{n_1 + 0,5n_2 - 0,5n_3 - n_4}{n_1 + n_2 + n_3 + n_4}$. Положительные

значения индекса указывают на преобладание «удовлетворенных», а отрицательные – «не удовлетворенных трудом». Значения, близкие к нулю, ука-

зывают на примерно равное соотношение численности групп.

бований. Сравнительно высокие показатели были зафиксированы лишь по выпуску бракованной продукции (свыше 15%). Что касается нарушений производственной дисциплины, срывов плановых заданий, то ситуация благоприятнее.

Лояльность организации понимается как желание работника оставаться членом данной организации, прилагать максимальные усилия для соблюдения ее интересов. Исследование показало, что постоянное стремление к лучшим результатам в работе демонстрирует подавляющая часть участников опроса (83%). Тем не менее опрос выявил существенные резервы в реализации трудового потенциала работников металлургических предприятий. Доля респондентов, согласившихся с тем, что их работа постоянно требует от них максимальных затрат сил и умений, составляет 59%. Примерно 6% опрошенных вообще редко работают в полную силу. Опрос показал, что в настоящее время полное отсутствие желания сменить место работы характерно для двух пятых участников опроса. Примерно столько же респондентов время от времени задумывается о переходе на другое предприятие. Остальные 17% делают это довольно часто.

Начальным этапом формирования протестного сознания является признание необходимости активно отстаивать свои интересы. В целом подавляющее число опрошенных (84%) полагают, что в ситуации нарушенных прав работники могут и должны бороться с администрацией. В то же время каждый второй участник опроса (55%) считает, что на их предприятии такого рода деятельность является бессмысленной.

В результате анализа указанных вопросов сформировались три типологические группы

работников. Первые – «борцы-оптимисты» — убеждены в необходимости борьбы за свои права и считают ее эффективным средством давления на своего работодателя. Доля этой группы в выборке составляет 17%. Вторая группа – «сомневающиеся борцы» – полагают, что рабочие должны активно отстаивать свои права, однако не уверены, что в случае с их предприятием такая деятельность даст необходимый эффект (21%). Наконец, третья группа – «борцы-пессимисты» – признают борьбу как необходимый способ отстаивания рабочими своих прав, однако считают ее бесполезной на своем предприятии (47%).

Большинство работников обследуемых предприятий разделяет идею необходимости борьбы за свои права, признает успешность коллективных действий, однако каждый второй считает их бессмысленными на собственном предприятии. Эта ситуация, по-видимому, объясняется тем, что абсолютно все формы протестной активности, с точки зрения металлургов, имеют отрицательную эффективность. Особенно это касается наиболее радикальных форм протеста — голодовок, блокирования транспортных магистралей. Большинство работников, поддерживая коллективные действия, ограничивается лишь моральной поддержкой. Готовность личного участия находится на довольно низком уровне.

Абсолютное большинство опрошенных (83%) полагает, что самым эффективным способом защиты своих интересов являются коллективные действия работников. Практически каждый (92%), кто слышал о коллективных выступлениях трудящихся на других предприятиях, выразил им поддержку.

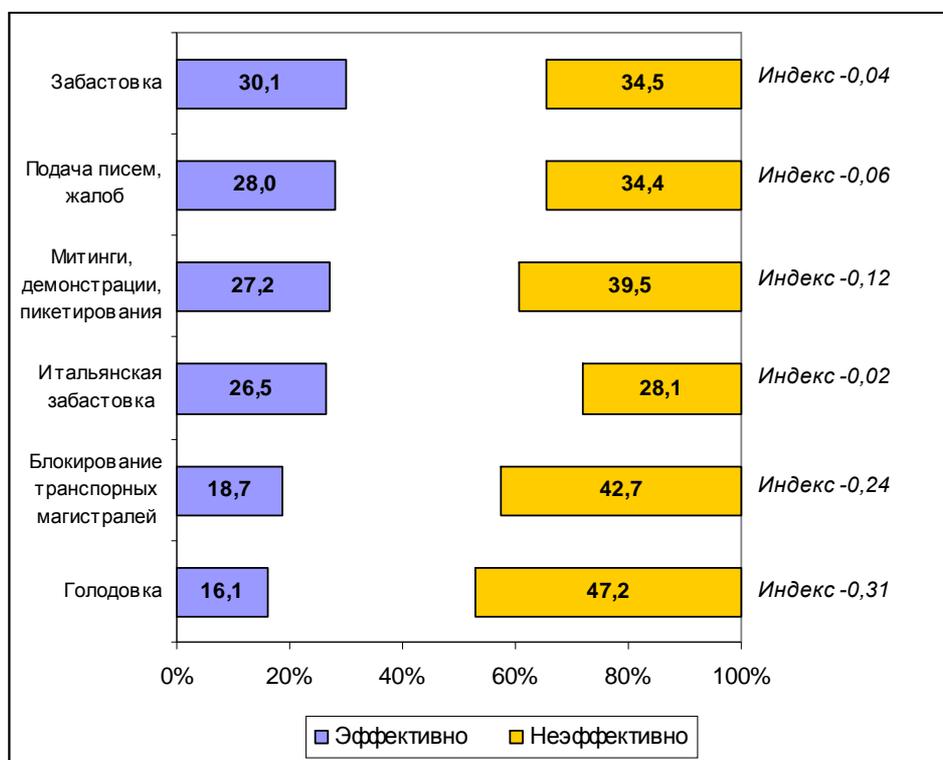

Рис. 1. Оценка эффективности протестных действий (доля к числу опрошенных, %)

В то же время оказалось, что абсолютно все формы протестной активности, с точки зрения металлургов, имеют отрицательную эффективность: доля респондентов, придерживающихся мнения, что действенны те или иные виды протеста во всех случаях, меньше, чем тех, кто придерживается противоположного мнения. Данная ситуация наглядно отражается в значениях индексов, каждый из которых принимает отрицательное значение (рис. 1).

Самое высокое положение в рейтинге эффективности занимают «работа по правилам», забастовки и обращения в органы власти и правоохранительные структуры. Значения индексов (-0,02, -0,04 и -0,06) указывают на примерно равное соотношение численности групп, признающих и не признающих действенность этих видов протестной активности. Интересен

тот факт, что самые радикальные действия, которые в прошлом неоднократно приносили рабочим успех (голодовки, блокирование транспортных магистралей), в настоящее время рассматриваются как наименее эффективные. Значения индексов составили для этих видов активности (-0,31) и (-0,24) соответственно.

Непосредственным индикатором протестного потенциала выступает готовность работников включиться в те или иные акции протеста (см. рис. 2). Оказалось, что подавляющее число респондентов (79 — 81%) готовы поддержать коллективные выступления работников в случае массовых увольнений (78,8%), снижения оплаты труда, сокращения социального пакета (78,8%), задержек заработной платы (79,9%) или ухудшения условий труда (80,7%).

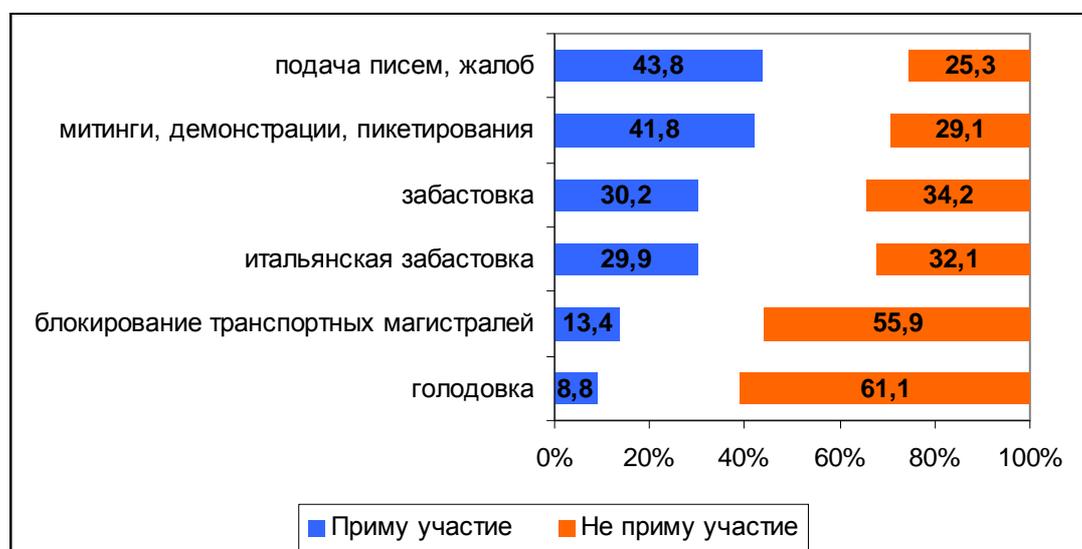

Рис. 2. Готовность личного участия в акциях протеста
(доля к числу опрошенных, %)

В то же время в большинстве случаев включенность в протестные действия ограничивается, по-видимому, моральными формами поддержки. Потенциал реального участия работников в акциях протеста оказался значительно ниже заявленного. Наибольшую готовность личного участия (42–44%) работники проявляют в отношении форм протеста, которые не наносят прямого ущерба производству (подача писем, жалоб; организация митингов, демонстраций). Примерно треть респондентов выразила готовность принять участие в традиционной либо «итальянской» забастовке. Мобилизационный потенциал наиболее радикальных акций (голодовка, блокирование транспортных магистралей) ограничивается 9-13%. Это достаточно высокий показатель, если учитывать, что люди, готовые включиться в подобные акции, чаще всего находятся на грани отчаяния.

Протест работников промышленных предприятий, как показывает практика, может принимать различные формы. Они могут быть классифицированы на две основные группы. Первая группа включает различные способы

индивидуальной адаптации к изменившейся ситуации на предприятии, а также способы ее избегания; к таким формам поведения относят абсентеизм (прогул, увольнение), саботаж (порча оборудования, готовой продукции), снижение трудовой и производственной дисциплины, замедление темпов работы; при этом протест чаще всего носит скрытый характер. Вторая группа объединяет различные формы коллективных действий, направленных на изменение ситуации, принимающие вид открытого протеста: подача петиций, жалоб, проведение публичных акций (пикетов, митингов, демонстраций, голодовок и др.), обструкция (работа по правилам), забастовка.

Происходящие изменения в положении трудящихся в системе трудовых отношений оказывают негативное влияние на установки и поведение работников. Однако на данный момент этот процесс пока не имеет катастрофических последствий. Сохраняется на довольно высоком уровне удовлетворенность работников трудом, негативные формы трудового поведения не получили широкого распространения. Проблемной зоной является лишь организаци-

онная лояльность работников и эффективность использования имеющегося трудового потенциала.

Список литературы

1. Левада Ю. Массовый протест: потенциал и пределы// Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1997. № 3. С.7-12.

2. Сафронов В.В. Потенциал протеста и демократическая перспектива//Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, вып. 4.
3. Стребков Д. О. Экономические детерминанты протестного поведения населения России//Экономическая социология. 2000. Т. 1, № 1.

THE CHARACTERISTIC OF INDUSTRIAL WORKERS' PROTEST ACTIVITY IN PERM REGION *E. Plotnikova*

Perm State University, 15, Bukirev str., Perm, 614990

This article examines key characteristics of the labour protect actions at the industrial enterprises. It analyses determinants of the labour protest behaviour, its main forms and employees' attitudes to them.

Keywords: social protest; determinants; kinds of protest.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия «Вестника Пермского университета» (Серия «Философия. Психология. Социология») принимает к публикации научные статьи, содержащие оригинальные авторские идеи и результаты исследований.

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже).

Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Объем статьи до 1 п.л. (40000 знаков с пробелами). Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуются кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле.

Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка».

В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки оформляются в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования с обязательным указанием страниц источника цитирования. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3; 5; 7-10] — на несколько работ. Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются.

Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. Обязательно указывается: *для книг* — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; *для журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; *для материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

Статья должна сопровождаться индексом УДК, а также краткой аннотацией (не более 10 строк) и ключевыми словами (не более 10 слов) на русском и английском языках.

К статье прилагается информация об авторе (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, адрес электронной почты.

К статье прилагается рецензия научного руководителя (для аспирантов и соискателей).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается.

Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Выпуск 1 (1)

Редактор *Л.А. Богданова*

Корректор *Л.Н. Семицвотова*

Компьютерная верстка *Д.Г. Трунов*

Макет обложки *Н.С. Щеколова*

Подписано в печать 31.03.2010

Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 21,4. Уч.-изд.л. 13,06

Тираж 500 экз. Заказ .

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного университета
614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного университета
614990, Пермь, ул. Букирева, 15